

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ

02 (12) / 2019

Тюмень
2019

**ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ**

Научный журнал

02 (12) / 2019

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Тюменский государственный институт культуры»

Главный редактор Омельченко Игорь Николаевич

Зам. главного редактора Криницкий Александр Ярославович

Научный редактор

Семёнова Валентина Ивановна

Редакторы

Олейникова Инна Валентиновна, Тиунова Нина Владимировна

Адрес редакции:

625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19, к. 301

Тел./факс: (3452) 29-70-64, 29-70-49 e-mail: nauka_tgaki@mail.ru

ББК 60.6 +71.0

В 38 Вестник Тюменского государственного института культуры :
[Текст] : науч. журн. / Тюменский государственный институт
культуры ; гл. ред. И. Н. Омельченко, зам. гл. ред. А. Я. Кри-
ницкий ; науч. ред. В. И. Семёнова. — Тюмень : РИЦ ТГИК,
2019. — № 02 (12). — 142 с.

В текущий сборник научного журнала «Вестник Тюменского государственного института культуры» включены материалы X Международной научно-практической конференции «Межкультурные коммуникации и миротворчество». Авторами статей являются преподаватели высших учебных заведений, аспиранты, магистранты, ученые, интересующиеся проблемами межкультурных коммуникаций и миротворчества.

ISSN 2413-7898

The Ministry of Culture of the Russian Federation
The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Tyumen State Institute of Culture»

HERALD
OF TYUMEN
STATE
INSTITUTE
OF CULTURE

02 (12) / 2019

Tyumen
2019

**HERALD
OF TYUMEN STATE INSTITUTE OF CULTURE**

Academic periodical

02 (12) / 2019

Founder

The Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Tyumen State Institute of Culture»

Editor-in-chief **Omelchenko Igor Nikolaevich**

Deputy editor-in-chief **Krinitiski Alexander Yaroslavovich**

Science editor

Semenova Valentina Ivanovna

Editors

Oleynikova Inna Valentinovna, Tiunova Nina Vladimirovna

Editorial office:

625003, Russian Federation, Tyumen, Respubliki st., 19, office 301;
tel./fax: +7 (3452) 29-70-64, 29-70-49 e-mail: nauka_tgaki@mail.ru

BBK 60.6 +71.0

B 38 Herald of Tyumen State Institute of Culture: [Text] : ac. per. / Tyumen State Institute of Culture ; ed.-in-ch. I. N. Omelchenko, dep. ed.-in-ch. A. Ya. Krinitiski ; sc. ed. V. I. Semenova. — Tyumen : EIC TSIC, 2019. — № 02 (12). — 142 p.

The current issue of academic periodical “Herald of Tyumen State Institute of Culture” contains the materials of X International Research and Practice Conference “Intercultural Communications and Peacemaking». The authors of the articles are teachers of Higher Education Institutions, post graduate students, master’s degree students, cultural establishments’ employees.

ISSN 2413-7898

© Tyumen State Institute of Culture, 2019.

© EIC TSIC (design), 2019.

Состав редакционного совета журнала

Акулич Е.М. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Социально-культурная деятельность»

Васильева Е.Н. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Конфликтология»; «Психология»

Дёмина Л.В. — доктор культурологии, научный редактор направления «Музыкальное искусство»

Захарова Л.Н. — доктор философских наук, научный редактор направления «Культурология»; «Философия и общественные науки»

Кононова Т.М. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Социология», «Культурология»

Мулявина Э.А. — кандидат педагогических наук, научный редактор направления «Библиотечно-информационная деятельность»

Сезёва Н.И. — доктор искусствоведения, научный редактор направления «Теория и история искусства»

Семёнова В.И. — доктор культурологии, научный редактор направления «Музеология и охрана памятников культурного наследия»

Скульмовская Л.Г. — доктор социологических наук, научный редактор направления «Социология», «Социально-культурная деятельность»

Шестакова Н.В. — кандидат исторических наук, научный редактор направления «История», «Краеведение», «Туризм»

Editorial board of the periodical

Akulich E.M. — Doctor of Social Sciences, science editor in the field of Socio-Cultural Activities

Demina L.V. — Doctor of Cultural Studies, science editor in the field of Musical Art

Kononova T.M. — Doctor of Social Sciences, science editor in the field of Sociology, Science of Culture

Mulyavina E.A. — Candidate of Pedagogic Sciences, science editor in the field of Library and Information Activity

Semenova V.I. — Doctor of Cultural Studies, science editor in the field of Museology and Preservation of Monuments of Cultural Heritage

Sezeva N.I. — Doctor of Art History, science editor in the field of Theory and History of Art

Shestakova N.V. — Candidate of Historical Sciences, science editor in the field of History, Area Study, Tourism

Skulmovskaya L.G. — Doctor of Social Sciences, science editor in the field of Sociology, Socio-Cultural Activities

Vasilyeva E.N. — Doctor of Social Sciences, science editor in the field of Conflictology, Psychology

Zakharova L.N. — Doctor in Philosophy, science editor in the field of Science of Culture, Philosophy and Social Sciences

МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
И МИРОТВОРЧЕСТВО»

Тюмень, 24–25 мая 2019

Содержание

От научного редактора. Десять лет работы конференции
«Межкультурные коммуникации и миротворчество»:
итоги и перспективы 9

**КУЛЬТУРА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

А.А. Добренко. Диалог конфессий как фактор поддержания
международных отношений 16
П.Л. Зайцев. Светские и религиозные маркеры
общегражданской политической идентичности 19
С.В. Зимнева. Противодействие терроризму: международный опыт 22
М.О. Лиц, В.О. Шардина. Мирное разрешение споров
в рамках ЮНЕСКО 26
С.Н. Оводова. Дискурсы идентичности в глобальном мире 29
А.Р. Петелина. Культурно-этнографический проект
«Национальная галерея» как пример
эффективной межкультурной коммуникации 33

**РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ, КЛУБОВ ЮНЕСКО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ**

Я.В. Абдуллина. Проблема сохранения культурного наследия
сибирских татар на современном этапе 38
И.В. Васильева. Психологические факторы репутационных рисков
в обществе 42
А.В. Герасимов. Межкультурные коммуникации сквозь призму
генезиса единого информационного пространства
в современном социуме 44
Н.В. Горина. Гражданско-правовые проблемы наследования
объектов культурного наследия в Российской Федерации 47
Н.С. Ищенко. Дегуманизация русских Украины
интернет-сообществом «Фофудья» в предвоенный период 51

<i>Д.А. Кириллов, Е.Г. Сеченова. Терминологический анализ понятий «терпимость» и «толерантность» в вопросах веры в контексте резолюции ГА ООН «Просвещение, религиозная толерантность»</i>	<i>55</i>
<i>Г.А. Кообар. Практика межкультурных коммуникаций: к вопросу о преподавании курса истории России иностранным студентам</i>	<i>58</i>
<i>Н.С. Мандрыгина. Влияние трансформаций конвергентных технологий на развитие межкультурных коммуникаций в предвоенный период</i>	<i>61</i>
<i>В.С. Невелева. Миротворческая функция образования</i>	<i>64</i>

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ: ИДЕИ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

<i>Т.А. Адамова, А.А. Почежерцев, Г.З. Мухаметчина. Формирование межпредметных знаний студентов в процессе выполнения живописной композиции</i>	<i>68</i>
<i>Н.Г. Апухтина. Л.Н. Гумилев о русском характере как фундаменте миротворчества</i>	<i>73</i>
<i>М.Ю. Бирюков. Техника рисунка пером: истоки возникновения, материалы, приемы и современные тенденции развития</i>	<i>77</i>
<i>Ю.И. Бундин. Миротворческий потенциал народной художественной культуры</i>	<i>83</i>
<i>А.И. Вегера. Техника экспериментальной перекладки как способ воплощения творческих идей</i>	<i>89</i>
<i>Е.Ю. Вяткина. Визуализация социального ролика в современном медиа-пространстве</i>	<i>93</i>
<i>В.И. Гашина. Роль цветового решения в формировании образа мультипликационного персонажа</i>	<i>96</i>
<i>Ю.В. Гудова. Имперская визуальная эпистемология в современной России</i>	<i>99</i>
<i>О.Ю. Евсеева. Локальные школы народного мастерства Тюменского региона в системе общего и художественного образования</i>	<i>103</i>
<i>Жюли Жербер. Поэтика еды в творчестве Н. Гоголя и А. Козна</i>	<i>109</i>
<i>Г.З. Мухаметчина. Региональное искусство в условиях глобализации (на примере кафедры ДПИ и этнодизайна ТГИК)</i>	<i>115</i>
<i>И.Ю. Рыбникова. Диалогический потенциал праздника</i>	<i>121</i>
<i>Ф.Д. Фахрутдинова, Л.Н. Захарова. Особенности «золотной» вышивки: современное состояние</i>	<i>124</i>
<i>Е.Г. Сулейманова. Коллекция золотного шитья в музейных фондах и мастерской Иоанно-Введенского монастыря</i>	<i>128</i>
<i>З.Л. Черниева. К вопросу актуальности в современном искусстве жанра реалистического пейзажа</i>	<i>132</i>
<i>Сведения об авторах</i>	<i>136</i>
<i>Требования к материалам, представляемым к публикации</i>	<i>140</i>

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И МИРОТВОРЧЕСТВО»
В ТЮМЕНИ**

В 2019 году исполнилось десять лет работы конференции «Межкультурные коммуникации и миротворчество». Тема конференции выглядит несоразмерной месту ее проведения. Тюмень ассоциируется с глубинными регионами России и не относится к известным и знаменитым городам, что диссонирует с восприятием ее жителями — первый русский город в Сибири, «ворота Сибири», нефть и газ и пр. В основе замысла конференции была положена мысль, что в новой реальности «глобальной деревни» общие проблемы могут объединять всех заинтересованных людей по всему миру независимо от местонахождения. Тюмень — исторический город, отметивший в этом году свое 433-летие, построенный как крепость на обломках ордынского наследия Великой Тюмени; город, стоящий на пересечении всех дорог, ведущих «на Русь» и «из Руси», на север и на юг, с работающим и основательным населением, включившим в себя разные этносы: мирный, торговый, толерантный, коммуникативный, — вполне может стать точкой притяжения людей, думающих над самой главной задачей современности — о межкультурных коммуникациях и миротворчестве. Первоначальное название конференции содержало почти исключенное из современного обихода слово «идеология» — «Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества», — которое мы убрали только в 2013 году, когда в обществе наметилась явная тенденция осознания, что социума, как и человека, без идеологии не существует.

Первая Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества» впервые состоялась 21 мая 2010 года — в год, который был ознаменован 85-летием с момента основания Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (позднее преобразовано в ССОД — Союз советских обществ дружбы), 75-летием Пакта Рериха и Знамени Мира, 65-летием образования Международной демократической федерации женщин. Также 2010 год был объявлен ЮНЕСКО Международным годом сближения культур.

Идея конференции принадлежит выпускнику ТГИК Ф.В. Тарасову, который на первой конференции дал свое видение концепции конференции через осмысление терминов «идеология», «миротворчество» и понимания актуальности идеологии миротворчества на современном этапе. Им было предложено определение миротворчества как «формы активности человека или социальной общности, целью (и вместе с тем обязательным следствием!) которой является созидание мира, в котором нет места взаимной вражде» [14, с. 51].

Конференция работала за весь период по 7 направлениям, из которых актуальными на сегодняшний момент стали три — «Межкультурные коммуникации и миротворчество в контексте глобализации», «Роль культурных институтов и культурного наследия в межкультурных коммуникациях» и «Культура диалога в памятниках культуры и искусств» (в последние два года — «Современное искусство России: идеи, проблемы, тенденции»).

На первых двух конференциях сразу выделилась группа докладов молодых историков, посвященных анализу событий в горячих точках мира [7, с. 25–32; 9, с. 24–30; и др.]. Постепенно акцент стал смещаться в сторону анализа системы международной безопасности, международных отношений, политики [3, с. 13–19; 12, с. 35–40; и др.].

Важной составляющей стали доклады, посвященные философскому осмыслению и идеологии миротворчества, которые, на наш взгляд, являются самым ценным вкладом в работу конференции. В этом отношении привлекают доклады В.Б. Сокола [13, с. 150–156]; Э.В. Барковой [4, с. 7–13; 5, с. 9–17]; М.П. Меняевой, В. С. Невелевой [10, с. 31–36; 11, с. 14–20], А.В. Герасимова [8, с. 50–56], в которых наметились новые подходы к проблеме.

В докладе В.Б. Сокола «Феноменология социального миротворчества» сделана попытка диагностировать коренную социально-антропологическую причину порождения войн и конфликтов на основании феноменологии Э. Гуссерля, при котором акцент смещается с очевидного факта на сущность вещей. В.Б. Сокол приходит к выводу, что «поддержание мира и безопасности» невозможно ожидать в сфере фактов (культурных артефактов, тех или иных геополитических, экономических факторов и пр.), сущность единения разнородного сообщества людей заключается в интерсубъективном сопереживании, то есть в сфере «региона бытия» переживаний (сознания). Если факты всегда основаны на различении и вариативности (дискретности) мира, тогда как сущность, напротив, едина и неизменна. Следовательно, на основе реальности фактов мир в принципе невозможен, и, наоборот, на основе реальности сущностей в принципе невозможна вражда [13, с. 154–155]. Рассуждения В.Б. Сокола очень убедительно подводят нас к мысли о необходимости идеологии миротворчества, в основе которой лежит строгая научная методология и которая может преодолеть «наивное» миротворчество.

Очень важным событием в работе конференции стало участие доктора философских наук, профессора Э.В. Барковой (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова). Ее выступление «Миротворчество в пространстве межкультурных коммуникаций как гуманитарный стартап человекоразмерности будущего» заставило задуматься над широко употребляемыми терминами «миротворчество», «миротворческая миссия», «миротворческая политика», «миротворческие функции» с точки зрения целостного философского рассмотрения [5, с. 11]. Э.В. Баркова предложила теоретическое обоснование этих категорий в экофилософии, базирующейся на антропном принципе и человекоразмерности [5, с. 12]. В своих умозаключениях она опиралась на учение Н.Н. Моисеева об экологическом императиве — требовании, запрещающем выход за границы, разрушающем природу, включая природу человека [5, с. 14].

Э.В. Баркова пришла к выводу, что «миротворчество как содержание пространства межкультурных коммуникаций задает *гуманитарный стар-тап* человекообразного содержания будущего во взаимодействии природы, общества, культуры» [5, с. 15, курсив автора], что является основой нового мировоззрения, практического освоения и регулирования бытия современного мира [5, с. 16].

М.П. Меняева и В.С. Невелева ввели в оборот новую философскую категорию «культура согласия». «Культура согласия представляет собой совокупность систематически воспроизводящихся форм отношений на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях (вплоть до глобального), основой которых является согласие» [10, с. 34].

В.С. Невелева на конференции 2018 г. представила доклад «Индивидуальное миротворчество в условиях глобализации» [11, с. 14–20]. Она отметила, что, с одной стороны, «невозможно увидеть мир как множество различных единиц, если за ним не стоит мир как изначальное единство» [11, с. 15], но, с другой стороны, «человек в подлинном смысле слова не существует без собранного собственного индивидуального мира» [11, с. 17]. Каждый человек должен создать свой собственный мир и прийти к индивидуальному миротворчеству, что позволит обрести потенциальную устойчивость в меняющемся текущем мире, а человечеству осознать себя в начале нового мира [11, с. 17, 19].

В конференции в заочном формате участвуют представители из Луганска (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, Стахановский педагогический колледж Луганского национального университета им. Т. Шевченко, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), что также уверяет нас в актуальности и правомерности всей нашей коллективной работы. В публикации А.В. Герасимова «Проблемы межкультурного взаимодействия в глобально-информационной социосфере сквозь призму концепции «культурной травмы» П. Штомпки» прозвучала очень важная ссылка на теорию «культурного лага» У. Огборна о «запаздывании» нематериальной культуры относительно материальной». Более чем актуально в настоящий период осознание, что «сложно переубедить людей в целесообразности принятия нового, притом, что современные социумы состоят из социальных общностей, имеющих разные ценности и интересы» [5, с. 50–51].

Необходимо отметить участие в конференции целой группы философов из Омска: П.Л. Зайцева, С.А. Ветрова, М.Д. Купарашвили и др., профессора из Китая Чжу Юйфу, аспиранта из Франции Ж. Жербер, которые своими докладами значительно расширили и углубили наш кругозор по многим актуальным проблемам, внесли ценные критические замечания.

Нельзя не подчеркнуть, что с каждым годом растет количество докладов, в которых в контексте разных наук (социологии, психологии, искусствоведения, музееведения и пр.) предлагается рассмотреть и обсудить проблемы с позиции аксиологии, то есть общественных ценностных установок, которые могут объяснить новые явления в жизни нашего социума. Некоторые высказанные точки зрения оценочного характера были шокирующими. К таковым относится доклад М.Г. Ага-

пова «Спасибо деду за Победу»: карнавализация празднования Дня Победы» [1, с. 145–148]. Автор задался вопросом: что празднуют участники парада Дня Победы? В качестве методологии им была выбрана теория фреймов американского антрополога Гофмана, которая требует выделение некоего набора констант, которые гарантируют объективность в опоре на фактологию. М.Г. Агапов описал «фреймы» парада — проход организованных групп — политических объединений, вузов, сузов, школ, клубы, предприятий и пр., которые презентуют себя через атрибуты-символы, несут транспаранты, проезжают платформы с людьми, одетыми в военную форму [1, с. 146]. В этом шествии М.Г. Агапов увидел карнавал, так как коллективная память утеряна. Сложившуюся традицию терять обществу не хочется, но необходимы новые смыслы. И парад превращается в карнавал! Вывод — перед нами трансформация когда-то священного праздника, его новое переосмысление в социуме. Конечно, жизнь ответила на такое «объективное» исследование парадом Победителей, Бессмертным полком. Это выступление ярко показывает, как важно критично выбирать методологию для научного исследования, не увлекаясь яркими «обертками».

Особый смысл работе конференции придает участие курсантов Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова. С 2015 года на конференции выступили представители Армении, Казахстана, Киргизии, Белоруссии, Туркменистана, Афганистана, Бенина, Анголы, Мали, Пакистана, Йемена, Венесуэлы.

ТГИК активно сотрудничает с ЮНЕСКО, открыто Представительство кафедры ЮНЕСКО. На конференции 2018 г. выступали Д.Ю. Субцельный, вице-президент Всемирной Федерации клубов, центров и ассоциаций клубов ЮНЕСКО, председатель Белорусской ассоциации клубов ЮНЕСКО, член национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО, З.И. Давлятбекова, генеральный секретарь Национальной Федерации клубов ЮНЕСКО Таджикистана.

Одно из важных направлений работы конференции — проведение круглых столов по разным темам — «Актуальные вопросы межкультурных коммуникаций и миротворчества» (2010), «Кризис межкультурных коммуникаций и миротворчества» (2011), «Миротворческие практики в педагогическом процессе» (2013), «Проблемы сохранения культурного и природного наследия: правовой аспект» (2018, совместно с институтом государства и права Тюменского государственного университета). Особое место в работе конференции — проведение семинара «Болевые точки адаптации детей-сирот: коммуникационный аспект», который привлек педагогов, воспитателей, работающих в этой сфере. Семинар провел А.С. Гкезалов, тренер-эксперт Общественной палаты РФ.

Организаторы конференции всегда старались приготовить для участников интересную культурную программу — выставки, экскурсии. В 2018 г. удалось организовать поездку в Тобольск в новый музей семьи императора Николая II.

Проблематика конференции позволяет объединить для общего разговора специалистов разных областей науки и культуры. Филологи,

психологи, лингвисты, музеологи, политологи, искусствоведы и др. не просто делятся результатами своих исследований, но, самое главное, каждый вносит свое субъективное переживание миротворчества в контексте межкультурных коммуникаций. На сегодняшний день опубликовано 9 томов сборников (в одном томе объединены материалы конференций 2015 и 2016 гг.). Материалы последней конференции собраны в тематическом «Вестнике ТГИК», который и предлагается вашему вниманию.

Библиографический список

1. Агапов, М. Г. «Спасибо деду за Победу»: карнавализация празднования Дня Победы [Текст] / М. Г. Агапов // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей IV Всероссийской научной конференции, 25 мая 2013 г.; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, А. М. Шевцовой. — Тюмень: РИЦ ТГАИСТ, 2014. — С. 145–148.
2. Арутюнян, В. С. Конструирование «образа врага» в азербайджанском и армянском обществах [Текст] / В. С. Арутюнян // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества: сборник статей II Всероссийской научной конференции, 21 мая 2011 года; под ред. В. И. Семенов, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГАИСТ, 2011. — С. 11–16.
3. Арутюнян, В. С. Трансформация переговорного процесса по урегулированию нагорно-карабахского конфликта [Текст] / В. С. Арутюнян // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей V Всероссийской научной конференции, 24–25 мая 2014 г.; под ред. В. И. Семенов, Ф. В. Тарасова, Д. С. Иванова. — Тюмень: РИЦ ТГАИИСТ, 2015. — С. 13–19.
4. Баркова, Э. В. Миротворческая миссия межкультурных коммуникаций [Текст] / Э. В. Баркова // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей VI и VII Всероссийских научных конференций, 23 мая 2015 г., 28 мая 2016 г.; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГИК, 2017. — С. 7–13.
5. Баркова, Э. В. Миротворчество в пространстве межкультурных коммуникаций как гуманитарный стартап человекообразности будущего [Текст] / Э. В. Баркова // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей VIII Всероссийской научной конференции, 27 мая 2017 г., 27 мая 2017 г.; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГИК, 2018. — С. 9–17.
6. Безкровная, В. Ю. Деятельность ОАО «Нефтяная компания ЛУКОЙЛ» как фактор послевоенного восстановления Ирака [Текст] / В. Ю. Безкровная // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества: сборник статей I Всероссийской научной конференции, 21 мая 2010 года; под ред. В. И. Семенов, Л. Ф. Балиной, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГАИСТ, 2010. — С. 20–25.
7. Блащаница, А. В. Измерения ближневосточного конфликта и подходы к его урегулированию [Текст] / А. В. Блащаница // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества: сборник статей I Всероссийской научной конференции, 21 мая 2010 года; под ред. В. И. Семенов, Л. Ф. Балиной, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГАИСТ, 2010. — С. 25–32.
8. Герасимов А. В. Проблема межкультурного взаимодействия в глобально-информационной социосфере сквозь призму концепции «культурной травмы» П. Штомпки [Текст] / А. В. Герасимов // Межкультурные коммуникации и миротворчество: сборник статей VIII Всероссийской научной конференции, 27 мая 2017 г.; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГИК, 2018. — С. 50–56.
9. Крюкова, О. Н. Позиция израильских религиозных организаций в палестинско-израильском конфликте на современном этапе [Текст] / О. Н. Крюкова // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества: сборник статей II Всероссийской научной конференции, 21 мая 2011 года; под ред. В. И. Семенов, Ф. В. Тарасова. — Тюмень: РИЦ ТГАИСТ, 2011. — С. 24–30.

10. Меняева, М. П. Культура мира и культура согласия [Текст] / М. П. Меняева, В. С. Невелева // Межкультурные коммуникации и миротворчество : сборник статей VI и VII Всероссийских научных конференций, 23 мая 2015 г., 28 мая 2016 г. ; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, Ф. В. Тарасова. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2017. — С. 31–36.
11. Невелева, В. С. Индивидуальное миротворчество в условиях глобализации [Текст] / В. С. Невелева // Межкультурные коммуникации и миротворчество : сборник статей VIII Всероссийской научной конференции, 27 мая 2017 г. ; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, Ф. В. Тарасова. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2018. — С. 14–20.
12. Нелаева, Г. А. Международные трибуны XXI века : «летописцы событий»? Политические аспекты создания Чрезвычайных Палат в судах Камбоджи [Текст] / Г. А. Нелаева // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества : сборник статей II Всероссийской научной конференции, 21 мая 2011 года ; под ред. В. И. Семенов, Ф. В. Тарасова. — Тюмень : РИЦ ТГАИСТ, 2011. — С. 35–40.
13. Сокол, В. Б. Феноменология социального миротворчества [Текст] / В. Б. Сокол // Межкультурные коммуникации и миротворчество : сборник статей IV Всероссийской научной конференции, 25 мая 2013 г. ; под ред. В. И. Семенов, Д. С. Иванова, А. М. Шевцовой. — Тюмень : РИЦ ТГАИСТ, 2014. — С. 150–156.
14. Тарасов, Ф. В. Стратегический потенциал идеологии миротворчества [Текст] / Ф. В. Тарасов // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества : сборник статей I Всероссийской научной конференции, 21 мая 2010 года ; под ред. В. И. Семенов, Л. Ф. Балиной, Ф. В. Тарасова. — Тюмень : РИЦ ТГАИСТ, 2010. — С. 50–53.

КУЛЬТУРА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 993

*А.А. Добренко**A.A. Dobrenko*

ДИАЛОГ КОНФЕССИЙ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DIALOGUE OF CONFESSIONS AS A FACTOR IN THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема межконфессионального диалога и его влияния на международные отношения. Особое внимание уделяется религии как основному фактору стабилизации международных отношений. Автор дает обобщенную характеристику межконфессиональному диалогу и показывает его роль во всех сферах общественной жизни. Также предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: диалог конфессий, религиозные организации, этнократия, толерантность, религиозная нетерпимость.

Annotation. This article addresses the issue of interfaith dialogue and its impact on international relations. Particular attention is paid to religion as the main factor in the stabilization of international relations. The author gives a generalized description of the interfaith dialogue, and shows its role in all spheres of public life. Also solutions to this problem are proposed.

Key words: dialogue of confessions, religious organizations, ethnocracy, tolerance, religious intolerance.

Мировая цивилизация достигла небывалого прогресса во всех жизненных сферах человечества: экономической, политической и социальной. Человечество смогло развиваться настолько, что на данный момент подчиняет себе не только социальные и человеческие ресурсы, а также природные и духовные. Как известно, ресурсов не может хватать на всех, к тому же они имеют исчерпывающие свойства. Мировые державы борются за первенство не только на экономических и политических площадках, но и на духовных, применяя зачастую силовые методы, не пытаясь попробовать решить все диалогом, что ведет к кризисам мировых и международных отношений, а также к масштабным конфликтам.

В данной статье рассматривается религия как социальный институт, способный стабилизировать социальный порядок в общественной системе посредством диалога конфессий для решения таких важных проблем, как экстремизм и терроризм.

Целями диалога конфессий могут быть:

1) мирное завершение идеологического противостояния, в результате которого достигается позитивно-цивилизационная трансформации и ук-

репление этнонациональных отношений (в качестве примера можно рассмотреть проблему этнических меньшинств, которые подвергаются ассимиляции, геттоизации и интеграции; в частности, этнические меньшинства поселяются в странах, которые толерантно и терпимо их принимают, живут обособленно и компактно, но, как правило, игнорируют коренное население, следуя своим религиозным традициям и нормам);

2) обеспечение национальной безопасности;

3) затруднение использования радикалами потенциала религиозной идеологии для мобилизации населения через актуализацию различных вероисповедных установок;

4) гарантия стабильности и сохранения социокультурной самоидентификации в условия глобализации.

Мирное сосуществование религий, изживание межконфессиональной нетерпимости (мусульманская миграция) — факторы гармонизации межэтнических отношений, не только в масштабах государства, но в мировом масштабе. Можно вспомнить слова известного западного теолога-модерниста Г. Кюнга: «Мира между нациями не может быть без мира между религиями. А мира между религиями не может быть без диалога между ними» [2, с. 64].

Религиозные организации имеют большие возможности влияния на распространение идей конфессиональной и национальной толерантности, уважительного отношения к людям другой культуры. Идея всечеловеческого единства находит отголоски и в Библии, и в Коране. Необходимы постоянные межконфессиональные диалоги, конфессиональные консенсусы, где можно задействовать мобилизационный потенциал религиозных организаций. Для этого нужна, во-первых, добровольная воля участия в данных мероприятиях самих религиозных конфессий. На данный момент мировые религии, такие как христианство и ислам, хотят увеличить число своих последователей. Они стараются включиться в уклад жизни потенциальных адептов, а также подчинить определенным религиозным нормам местные традиции, культуру, жизненные уклады и общественные отношения, но, к сожалению, часто в результате миссионерской деятельности разворачивается этнократия к соседствующим конфессиям. В результате наблюдаются случаи эмиграции из-за дискриминации по религиозному признаку, которая происходит в результате вытеснения малого числа последователей определенной конфессии более крупной. К примеру, десятки тысяч христиан бежали от произвола исламистов из государства Азавад, образованного на северо-востоке Мали, связанными с появлением там террористической группировки «Аль-Каиды». Поэтому конфессиям необходимо учитывать наличие других религиозных течений в качестве соседей, проявлять максимальную толерантность и терпимость друг к другу.

Во-вторых, необходимо наличие приемлемых для разных конфессий нормативных документов. Частичная формализация идеи о роли религии в контексте «Диалога цивилизаций» отражена в тексте «Родосской декларации 2009». В ней указывается, что мировые религии способны играть особо важную роль в укреплении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо че-

ловечества. Другими словами, религии и религиозные структуры рассматриваются в качестве посредника стратегических гражданских инициатив) [1, с. 2].

В-третьих, необходимо правдивое распространение данных идей в СМИ. Средства массовой информации в условиях конкуренции интерпретируют межконфессиональные диалоги в негативном ключе, не освещая положительные стороны работы конфессий с общественностью (например, решение проблем наркомании, помощь сиротским домам, больницам, хосписам и многое другое).

Таким образом, религиозные организации требуют большого внимания со стороны государства. Особенно важна поддержка религиозных организаций с большим количеством адептов, имеющих экономический, социальный и политический вес, стремящихся к поиску взаимопонимания на основе диалога.

Автор данной статьи понимает, что затрагиваемая им проблема требует внимания и поиска путей решения на более глобальном уровне, и наметил лишь привел возможные пути решения данной проблемы.

Библиографический список

1. Боришполец, К. П. Религиозный фактор в международных отношениях [Электронный ресурс] / К. П. Боришполец. — Режим доступа : <https://mgimo.ru/about/news/experts/214943/> (дата обращения: 29.04.19)
2. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // Будущее религии: проблемы и перспективы. — Москва, 1991. — Ч. I.

УДК 316

*П.Л. Зайцев**P.L. Zaytsev***СВЕТСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ МАРКЕРЫ
ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ****SECULAR AND RELIGIOUS MARKERS
OF CIVIC POLITICAL IDENTITY**

Аннотация. В докладе ставится вопрос об исследовательских подходах к изучению общегражданской политической идентичности. Делается вывод о возможности применения примордиального, функционального и конструктивистского подходов. Возможность совместного использования данных подходов и ожидаемый кумулятивный эффект обеспечиваются общим полем их применимости: светской и религиозной составляющей политической идентичности.

Ключевые слова: общегражданская политическая идентичность, примордиализм, функционализм, конструктивизм.

Annotation. The report raises the question of research approaches to the study of civic political identity. It is concluded that the application of primordial, functional and constructivist approach is possible. The possibility of sharing these approaches and the expected cumulative effect are provided by the general field of their applicability: the secular and religious component of political identity.

Key words: civil political identity, primordialism, functionalism, constructivism.

Заявить к исследованию проблему связи светских и религиозных маркеров общегражданской политической идентичности потребовала необходимость теоретического сопровождения «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703). Вместо утратившего силу пункта 4 настоящей «Стратегии...», были введены пункты 4.1, 4.2. Пункт 4.2. вводит и раскрывает содержание основных понятий «Стратегии...», среди которых и общероссийская гражданская идентичность. Согласно тексту «Стратегии...», «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) — осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [1]. Указанная в «Стратегии...» связь гражданской идентичности с гражданским самосознанием позволяет увидеть обращенность вводимого термина к

понятию «общественное сознание» как к родовому понятию. Под общественным сознанием принято понимать сложную систему чувств, взглядов, идей, теорий, выделение которой позволяет отвлечься от чувств и взглядов индивидуальных и обратить внимание на те взгляды и идеи, которые характерны для общества в целом. Общественное сознание имеет отраженную природу, в системе марксистской философии общественное сознание отражено от общественного бытия, как бы свидетельствуя о нем в идеальных формах, воплощенных в чувствах, взглядах, идеях, теориях. Общероссийская гражданская идентичность отражается от базовых ценностей российского общества.

Задачей настоящего исследования является проработка позиций, обеспечивающих саму возможность конкретизации базовых ценностей российского общества в некотором перечне. Подчеркнем, нас интересует не сам перечень и то, насколько он может быть понятийно выражен и завершен, нас интересует проблема перевода, фиксации базовых ценностей в некотором перечне понятий. Нам представляется, что для выделения принципиальных позиций по этому вопросу может быть взяты наработки в области определения (подходов к определению) понятия «нация». За словом «нация», некогда в соответствии со своим латинским корнем означавшим «рождаться в определенном месте», сегодня мыслится не место рождения, а целый комплекс значений, делающих нацию главной составляющей идентичности. Увидеть эти значения делают возможными исследовательские подходы: примордиальный, для которого национальная идентичность представляется совокупностью порождающих, но не порожденных, изначальных и устойчивых характеристик общности, проявляемых спонтанно; функциональный, рассматривающий национальную идентичность с точки зрения предоставляемых ею возможностей и способности решать целую совокупность социальных, личных задач; имитационный (выделяемый на основании работ Ж. Бодрийяра), показывающий, что национальная идентичность не только реализуется, но и существует только в момент политического действия, осуществляемого в интересах нации. Характерно, что воздействие на национальную идентичность, в том числе воздействие формирующее, допускает только последний подход, успешно используемый политическими технологами при конструировании «воображаемых сообществ» национально-политического акционизма.

Насколько реальной представляется возможность синтеза этих позиций? Если мы обратимся к этнолого-антропологической традиции изучающей национальную идентичность, то не увидим ни разрыва преемственности, ни противоречия между подходами, ибо примордиальная позиция Ю.В. Бромлея, сформировавшаяся в критике позиции Л.Н. Гумилева, впервые фиксированная в терминах «этническое самосознание», «этносоциальный организм» и «этникос» в монографии «Этнос и этнография» (1973 г.), подверглась ревизии со стороны академика В.А. Тишкова («Советская этнография: преодоление кризиса» (1992 г.), «Российская и советская антропология» (1996 г.), «О феномене этничности» (1997 г.), «Об антропологии как дисциплине в российской традиции» (2005 г.), «Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить» (2016 г.) и др.)

перейдя в конструктивистскую парадигму, доказавшую свою эффективность на российском и зарубежном материале.

Делая вывод о возможности исследования базовых ценностей российского общества, мы обращаем внимание, что выявлены они могут быть только с учетом перечисленных подходов, учитывающих атрибуции сообщества, функции, действия. Какие же маркеры общегражданской политической идентичности прежде всего становятся видимы при применении к ним примордиального, функционального, конструктивистского подхода? С нашей точки зрения это светскость, понимаемая как проект Просвещения, имевший общемировое значение и укорененный в том числе в российской общегражданской политической идентичности, и религиозность, переживающая сегодня ренессанс фиксируемый в понятии «постсекуляризм».

Примечание

1. Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/ — (Дата обращения 08.03.2019).

УДК 343.34

*С.В. Зимнева**S.V. Zimneva***ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ****COUNTERING TERRORISM: INTERNATIONAL EXPERIENCE**

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу методов борьбы с терроризмом в мире. Автор исследует внешние и внутренние, силовые и правовые меры противодействия терроризму.

Ключевые слова: противодействие терроризму, правовые меры, уголовная ответственность, международное сотрудничество, силовые методы.

Annotation. This article is devoted to the analysis of methods of fighting terrorism in the world. The author explores the external and the internal, law enforcement and legal measures against terrorism.

Key words: counter-terrorism, legal measures, criminal liability, international cooperation, law enforcement measures.

Вопросы борьбы с терроризмом приобрели в современном обществе особую актуальность. От совершенных террористических актов пострадали тысячи людей, разрушаются материальные и духовные ценности, угрозы повторения терактов постоянно держат общество в напряжении, а граждан — в страхе. Расширение географии терроризма осложняет отношения между социальными, национальными группами и народами.

Основной целью противодействия терроризму является обеспечение надежной защиты граждан, общества и государства от террористических акций, максимально эффективного их пресечения. Однако, как показывает практика, разрозненные действия отдельных стран не достаточны для эффективного противостояния терроризму. Борьба с терроризмом требует участия всех стран мирового сообщества, тем более в условиях глобализации мировых процессов, и приводит к необходимости разработки комплексных международных подходов и единых методик противостояния различным террористическим проявлениям.

Все меры, направленные на борьбу с терроризмом, в юридической литературе разделяют: 1) по территории применения — на внешние и внутренние; 2) по способу применения — на силовые и правовые.

Внутренними называют меры, направленные на предупреждение терактов в конкретной стране. Данные меры очень эффективны, ведь теракт проще предупредить, чем затем бороться с его последствиями. Но предугадать, где будет нанесен следующий удар практически невозмож-

но, поэтому получить своевременную информацию о готовящемся теракте спецслужбам стран достаточно тяжело.

Внешние меры по борьбе с терроризмом включают в себя взаимодействие государств, борющихся с терроризмом, а также оказание экономического давления на страны, оказывающие поддержку международному терроризму (к таковым относят Ливию, Иорданию, Ирак, Ливан, Судан, Афганистан и другие).

Силовые меры представляют собой жесткие методы, заключающиеся в аресте или физическом уничтожении террористов. Силowymi методами бороться с терроризмом предпочитает большинство стран. Если учесть, что борьба с терроризмом продолжается уже несколько десятилетий, то можно сделать вывод об их малой эффективности. Силowymi методами борются не с терроризмом, а с его проявлениями. Нужно помнить, что терроризм — это всегда реакция общества на определенные события.

Как показывает опыт, эффективна борьба с террором в стране Израиль. Так, в Израиле борьбу с терроризмом возглавляет оперативный штаб, в который включены представители армии и спецслужб, в том числе службы внешней разведки «Моссад». Задача штаба — объединять и координировать все действия, включая проведение специальных операций за пределами страны. При этом главное внимание уделяется разведке с целью упреждения терактов. Ее ведением занимаются наиболее мобильные и хорошо обученные спецподразделения, ориентированные на выполнение заданий особой сложности [2].

Правовые меры включают прежде всего принятие специальных анти-террористических законов. Первой попыткой победить международный терроризм стало принятие в 1937 году Лигой Наций Конвенции о предотвращении терроризма и наказании за террористические деяния. В настоящее время разработан и действует ряд международных документов, регламентирующих сотрудничество в области борьбы с терроризмом: Вашингтонская Конвенция о предотвращении и наказании актов терроризма (1971 г.), Европейская Конвенция о пресечении терроризма (1977 г.), Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (2000 г.) и другие.

Признавая растущую опасность терроризма, Генеральная Ассамблея ООН основала в 1999 г. отделение по предупреждению терроризма. Государствам — участникам ООН предоставляется информация о терроризме из различных источников, включая базы данных, которые были созданы и постоянно обновляются [1, с. 54].

Рассматривая методы борьбы с терроризмом в мире, следует указать, что наиболее эффективным в противодействии терроризму является синтез правовых и силовых мер. В отношении террористических группировок необходимо применять жесткие силовые методы, вплоть до физического уничтожения террористов. Нельзя забывать и о важности создания правовой основы противодействия терроризму.

Основным российским нормативным актом, направленным на борьбу с терроризмом, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который определяет терроризм как

идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Действия и преступления, имеющие террористический характер, регулируются исключительно Уголовным кодексом Российской Федерации.

Понятие терроризма, используемое в праве Великобритании, хотя во многом и совпадает с российским аналогичным понятием, но все же несколько шире. В частности, террористическими признаются действия или угроза их совершения, направленные на оказание влияния на правительство или запугивание населения для достижения политических, корыстных или религиозных целей. При этом действия этих лиц сопряжены с причинением серьезного материального ущерба или причинением вреда жизни и здоровью группы лиц или же могут существенно нарушить работу электронных систем. Последний аспект, касающийся внесения помех в работы электронных систем, отсутствует в российском законодательстве. Именно на основании наличия данного признака в британском законе многие акты компьютерного взлома вычислительных, информационных и телекоммуникационных сетей в Великобритании, в соответствии с данным актом, признаются актами терроризма со всеми вытекающими правовыми последствиями. Отечественное законодательство не признает подобного подхода [3, с. 8].

Большинство зарубежных стран включило в диспозицию статей своих уголовных кодексов, предусматривающих уголовную ответственность за терроризм, такие деяния, как взрыв и поджог. Например, уголовный кодекс Латвии (ст. 88) определяет терроризм как взрывы, поджог или иные умышленные действия, направленные на уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного ущерба здоровью людей, уничтожение или повреждение предприятий, строений, нефте- или газопроводов, электролиний или путей и средств сообщения, телекоммуникационных сетей или иного имущества с целью нанесения ущерба Латвийской республике или ее жителям, а также совершенное с той же целью массовое отравление или распространение эпидемии и эпизоотии.

Уголовный кодекс Испании терроризму посвящает целый раздел «О терроризме», в котором содержатся статьи, предусматривающие ответственность за различные действия (взрыв, посягательства на жизнь должностных лиц, финансирование соответствующих деяний и др.) [4, с. 329].

Такие сравнения можно продолжить и дальше, но приведенный анализ показывает, что национальные законодательства еще далеки от точного отображения наиболее общих и типичных черт терроризма, присущих ему как деянию, совершенному в реальной действительности.

Между тем только правовыми методами невозможно решить проблему терроризма в мире. Проблема терроризма уже давно переросла все национальные границы и стала проблемой мирового сообщества.

Глобальный характер деятельности террористических структур предполагает, что вести успешную борьбу с ними можно только при условии

тесной координации действий всех заинтересованных в этом государств, учете ими опыта друг друга. Разумеется, при обращении к зарубежному опыту необходимо учитывать специфику России, которая исключает возможность его механического копирования.

Библиографический список

1. Алексенко Д. М. Актуальность новых подходов в борьбе с терроризмом / Д. М. Алексенко // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. — Москва : Междунар. отношения, 2002. — С. 54.
2. Борьба с терроризмом: отечественный и мировой опыт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://studwood.ru/1330943/ekonomika/terrorizm_vnutrigosudarstvennyu_mezhdunarodnyu — (Дата обращения: 04.05.2019).
3. Виноградов, Н. С. К вопросу об ответственности за преступления, связанные с терроризмом, в уголовном праве Великобритании / Н. С. Виноградов // История государства и права. — 2006. — № 11. — С. 8–10.
4. Дикаев, С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С. У. Дикаев. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. — 464 с.

УДК 341.1/8

*М.О. Луц, В.О. Шардина**M.O. Lits, V.O. Shardina***МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ В РАМКАХ ЮНЕСКО****PEACEFUL SETTLEMENT OF DISPUTES WITHIN UNESCO**

Аннотация. Одной из целей международного культурного сотрудничества является развитие мирных отношений и дружбы между народами. Поэтому конфликтные ситуации необходимо разрешать посредством установленных статьей 33 Устава ООН мирных средств. В рамках ЮНЕСКО используются различные способы урегулирования споров. С помощью переговоров решаются вопросы о возвращении культурных ценностей. Проведение международных конференций способствует выработке новых форм сотрудничества государств. Консультации помогают в поиске компромиссных решений между спорящими сторонами.

Ключевые слова: мирные средства, ЮНЕСКО, переговоры, сотрудничество, международные конференции, консультации.

Annotation. One of the aims of international cultural cooperation is the development of peaceful relations and friendship between nations. Thus, conflict situations must be settled with peaceful means set in Article 33 of the UN Charter. Within UNESCO, different dispute resolution methods are used. Negotiations are used to resolve issues of returning cultural property. Holding international conferences helps finding compromise solutions between the disputing parties.

Key words: peaceful means, UNESCO, negotiations, cooperation, international conferences, consultations.

В Декларации принципов международного культурного сотрудничества 1966 г. провозглашается, что одна из целей международного культурного сотрудничества вне зависимости от того, осуществляется ли оно на двусторонней или многосторонней, региональной или всемирной основе, — это развитие мирных отношений и дружбы между народами. Такое сотрудничество должно содействовать установлению между народами прочных и постоянных связей, которые не должны страдать от напряженности, могущей возникать в международных отношениях. Поэтому спорные (конфликтные) ситуации необходимо разрешать посредством применения различных мирных средств.

Согласно ст. 33 Устава ООН 1945 г. под мирными средствами понимаются переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям или иные мирные средства.

Нормы о мирных способах урегулирования споров содержатся в различных соглашениях Международной межправительственной организации по вопросам образования, науки и культуры (далее — ЮНЕСКО). К примеру, в Конвенции «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» 2005 г. предусматривается, что в случае возникновения спора между участниками относительно толкования или применения Конвенции договаривающиеся стороны стремятся к его урегулированию путем переговоров (п. 1 ст. 25). Согласно Конвенции «Об охране подводного культурного наследия» 2001 г. «...любой спор между двумя или более государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции подлежит урегулированию путем переговоров в духе доброй воли...» (п. 1 ст. 25). При этом в названных актах ничего не говорится о самой процедуре переговоров.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 53/101 «Нормы и руководящие принципы международных переговоров» 1998 г. отмечается, что переговоры представляют собой одно из гибких и эффективных мирных средств разрешения споров и выработки новых международных норм поведения. Конструктивные переговоры, несомненно, играют важную роль в регулировании международных отношений, в том числе в рамках ЮНЕСКО. В Резолюции излагаются соответствующие принципы, которыми следует руководствоваться сторонам при избрании данного средства разрешения споров: добросовестность проведения переговоров; надлежащее вовлечение в процесс международных переговоров непосредственно заинтересованных государств; совместимость цели и предмета переговоров с принципами и нормами международного права; установление взаимно согласованных рамок для ведения переговоров; поддержка конструктивной атмосферы и недопущение срыва переговоров; концентрация внимания в течение переговорного процесса на главных целях таких переговоров; направленность на достижение взаимоприемлемого и справедливого решения в случае, если переговоры зашли в тупик.

Наиболее частыми поводами для обращения к переговорам являются вопросы о реституции или возвращении культурных ценностей [2]. Переговоры в рамках разрешения международных споров являются наиболее оптимальным вариантом, так являются менее дорогостоящими и занимают меньше времени, чем судебное разбирательство. Однако существуют и некоторые проблемы: не всегда переговоры могут гарантировать, что в конечном итоге спор будет решен, а также не могут обеспечить окончательное обязательное решение.

Что касается иных мирных средств разрешения споров, в Справочнике ООН по мирному разрешению споров 1992 г. выделяются такие оригинальные меры, как международные конференции и консультации [1]. Например, итогом Всемирной конференции, проходившей под эгидой ЮНЕСКО в Мексике в 1982 г., стало принятие Декларации Мехико по политике в области культуры, определившей основные идеи дальнейшего развития культуры и главные принципы культурной политики государств. С этого момента культура перестала ассоциироваться исключительно с литературой и искусством, она также включает образы жизни человека, основные права человека, системы ценностей, традиции и веры.

Проблемы культурной политики обсуждались в рамках других международных форумов и нашли отражение в таких документах, как «Декларация конференции министров культуры Движения неприсоединения» (Колумбия, 1997), «План действий по культурной политике для развития» (Стокгольм, 1998) и т.д.

Консультации как средство мирного урегулирования споров стали применяться после Второй мировой войны, получив закрепление в большом числе двусторонних и многосторонних международных соглашений. Консультирующиеся стороны могут заранее устанавливать периодичность встреч, создавать комиссии, что способствует поиску компромиссных решений между спорящими сторонами, непрерывности контактов между ними, а также реализации достигнутых договоренностей в целях предупреждения возникновения новых споров и кризисных ситуаций [3]. Такие положения содержатся, например, в статье VIII Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия, 2003 г.: «...такое сотрудничество предполагает... проведение консультаций в случае фактического разрушения культурного наследия или грозящей опасности такого разрушения...».

Так, в 2016 году ЮНЕСКО организовало Международное совещание экспертов по вопросам культурного наследия Сирии, на котором обсудили проблему мародерства и незаконного оборота культурных ценностей. Обращаясь к правительствам всех стран с призывом выполнять Резолюцию Совета Безопасности ООН, запрещающую торговлю культурными ценностями Сирии, участники совещания призвали составить всеобъемлющий перечень похищенных из Сирии культурных объектов. Кроме того, эксперты представили предложения по улучшению дальнейших перспектив охраны сирийского наследия посредством планов постконфликтного восстановления.

Таким образом, в рамках ЮНЕСКО могут использоваться различные мирные средства разрешения проблемных ситуаций. По нашему мнению, самыми востребованными являются переговоры, международные конференции и консультации.

Библиографический список

1. Mani R., Ponzio R. Peaceful settlement of disputes and conflict prevention [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.stimson.org/sites/default/files/Ch.%2018-Mani%20%20Ponzio.pdf> — (Дата обращения: 13.03.2019).
2. Видинеев, Д. И. Роль несудебных средств разрешения споров по возвращению культурных ценностей / Д. И. Видинеев // Международное право и международные организации. — 2016. — № 1. — С. 169–171.
3. Международное право : учебник / отв. ред. С. А. Егоров. — 5-е изд., перераб. и доп.. — Москва : Статут, 2014.

УДК 130.2

*С.Н. Оводова**S.N. Ovodova***ДИСКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ¹****DISCOURSES OF IDENTITY IN THE GLOBAL WORLD**

Аннотация. В статье характеризуются три модели соотношения глобального и локального. Выявляется зависимость принципов репрезентации локальной идентичности от разных моделей построения глобального мира. Во-первых, глобальное может пониматься как масштабирование ценностей и норм одной культуры по отношению к иным культурам (имперское глобальное). Во-вторых, модель глобального можно понимать как «объединенное всеобщее», в котором различия между локальностями стираются, нивелируются все отличия между культурами. В-третьих, глобальное можно понимать как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность.

Ключевые слова: идентичность, дискурс, философия культуры, текучая идентичность, глобальное, локальное.

Annotation. The article describes three models of the ratio of global and local. The dependence of the principles of representation of local identity on different models of building a global world is revealed. Firstly, the global can be understood as the scaling of values and norms of one culture in relation to other cultures (imperial global). Secondly, the global model can be understood as a “united universal” in which the differences between localities are erased, all differences between cultures are eliminated. Thirdly, the global can be understood as the space where different localities coexist at the same time, each of them retaining its unique nature.

Key words: identity, discourse, philosophy of culture, liquid identity, global, local.

При построении моделей глобального мира одной из ключевых проблем является осмысление форм идентичностей и способов их репрезентации в дискурсе. Данная проблема актуализируется в связи с осмыслением статусов и ролей отдельных локальностей в глобальном мире. Представления о том, как и по каким основаниям будет строиться глобальный мир, влияют на статус локального.

Теоретически можно выделить несколько моделей соотношения глобального и локального: во-первых, глобальное может пониматься как масштабирование ценностей и норм одной культуры, которая признается в качестве доминирующей по отношению ко всем иным культурам,

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-6373.2018.6.

которые воспринимаются как незначительные локальности, отстающие в развитии. При таком подходе глобальный мир воспринимается как единое унифицированное пространство. Вследствие этого борьба за доминирование в глобальном дискурсе представляет собой борьбу за возможность задавать глобальные тенденции. Власть над дискурсом увеличивает политический и экономический капитал отдельно взятой локальности, что создает впечатление эффективности и предпочтительности не только реализуемой экономической модели, но и всей культуры в целом. В данном случае понимание глобального мира воплощается в модели единого унифицированного пространства, выстроенного по «идеальному» образцу. Доминирующая культура задает темп и направление движения, формирует ключевые тенденции развития глобального, а также определяет критерии оценки эффективности развития локальностей, которые должны репрезентировать смыслы доминирующей культуры. По сути такая модель понимания представляет собой условный «имперский» вариант глобального. Культуры делятся на образцовые (доминирующие) и другие культуры. Другие в свою очередь подразделяются на «своих», «чужих» и «иных» и [4].

Модель восприятия других культур как «своих» предполагает, что культуры воспринимаются как сходные и, несмотря на отличия, понимают друг друга. Модель понимания других культур как «чужих» реализуется в отказе признавать ценность данной «чужой» культуры, в непризнании моделей поведения, формируемых в рамках «чужой» культуры, как чего-то самодостаточного. «Чужой» воспринимается как то, что необходимо подавить или перевоспитать. Модель понимания других культур как «иных» — это диагностирование принципиального отличия между культурами, отличие еще более разительное, чем отличие, возникающее в модели восприятия культуры как «чужой». «Иная» культура непонятна, она не разделяет ценности доминирующей культуры, но при этом и ее не удается колонизировать. В рамках понимания глобального как транслирования доминантных образцов (имперское глобальное) «свои» — это культуры разделяющие главенствующие ценности; «чужие» — это подчиняемые и условно колонизируемые посредством распространения единых культурных образцов; «иные» — это те, кого не получается ни ассимилировать, ни подчинить, «иные», как и «чужие», воспринимаются как маргинальные, не соответствующие общим тенденциям развития, «выпадающие» из модели глобального, не участвующие в ее построении. Отношение к другим культурам, которые в рамках «имперского глобального» воспринимаются как локальные культуры, демонстрирует отношение к другим идентичностям, отличным от доминирующей идентичности главенствующей культуры.

Во-вторых, модель глобального можно понимать как «объединенное всеобщее». Данное понимание глобального может быть реализовано как создание единого мира, в котором различия между локальностями стираются, вырабатывается общий язык (мета-дискурс). Данная модель умозрительна и возможна как теоретический конструкт. В действительности полного нивелирования различий не было достигнуто, единые, универсальные формы договоренности, учитывающие всех, не разработаны.

В рамках такой модели локальные идентичности полностью стираются, конструируется единая идентичность, с которой все себя соотносят.

В-третьих, глобальное можно понимать как пространство, где одновременно сосуществуют разные локальности, каждая из которых сохраняет свою уникальность. Реализацию данной модели понимания глобального можно увидеть в исторических, антропологических, философских и культурологических исследованиях, где реконструируется «неевропейская» история, где деконструируются понятия «третьего мира», ставится под сомнение система мышления и различия, привычная для «европейского» человека. Например, Э.В. де Кастру, создавая проект постструктуралистской антропологии, акцентирует внимание на необходимости отказаться от «европейской» рамки мышления при изучении иных народов: «Сам вопрос уже содержит в себе форму ответа, а именно форму Великого Разделения, того самого жеста исключения, который превращает человека как вид в биологическое подобие антропологического Запада, смешивая все другие виды и другие народы в общей отрицательной инаковости» [2, с. 12]. Для Кастру в рамках его междисциплинарного исследования, объединяющего антропологию и философию, важным является признание наличия иных, отличных от западноевропейского типов рациональности или точнее было бы сказать типов постижения мира. Само представление о «глобальной» истории деконструируется, признается наличие множества историй, из которых путем выбора субъекта нарратива возможно легитимизировать и конструировать разные модели истории. Рассматривая концепцию модерна, Т. Митчелл также акцентирует внимание на том, что быть «современным» — означает быть «западным»: «сама “современность” производится как Запад. Это “сейчас” модерна, его культура одновременности» [3]. «Не замечать все эти “другие” силы помогает непрерывное репрезентирование гомогенного единства пространства и времени модерна. Говоря более точно, опыт “современности” и конструируется в качестве отношения между пространством и временем» [3]. «Незападные» цивилизации и культуры играют роль Другого, колониальный опыт которого повлиял на формирование модерна Запада, но при этом данный опыт Другого нивелируется и игнорируется при создании образа модерна и образа «современности», которые ассоциируются неизбежно только с опытом Запада. В рамках модерна «Запад» признается центром «современности», задающим тенденции развития, которые воспроизводятся подчиненными локальностями. Игнорирование иных культур проявляется в нивелировании ценности их опыта развития, что сопровождается уничижающим отношением к моделям поведения представителей данной культуры. Представители иных, других, не доминантных, «несовременных *незападных*» культур со своими ценностями оказываются исключенными из дискурса современной культуры модерна. В рамках «большого» модерна, «жесткой» модерности осуществлялись инициационные практики, позволяющие формировать предпочтительные модели поведения, необходимые для достижения великих целей, которые ставились в эпоху модерна [1].

Третья модель глобального представляет собой критику модернового подхода к глобальному (что соответствует первой описанной нами модели имперского глобального) и порождает модель множественной раздробленной глобальности, где каждая локальная культура обладает своей самодостаточностью. Однако данная критика модерна представляет собой не полный отказ от модерна, а новый этап его развития, т.к. отказа от глобального не происходит и локальные идентичности продолжают формироваться под влиянием глобальных тенденций.

Библиографический список

1. Зайцев, П. Л. Инициационные стратегии «большого» модерна / П. Л. Зайцев // Омский научный вестник. — 2011. — № 6 (102). — С. 74–77.
2. Кастру, Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. В. де Кастру. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. — 200 с.
3. Митчелл, Т. Сцена «современности» / Т. Митчелл // Неприкосновенный запас. — 2014. — 6 (98). — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2014/6/9m.html> — (Дата обращения 01.05.2019).
4. Оводова, С. Н. Трансформация понимания идеи «Другого» в теории и философии культуры как отражение дискурса «глобального» и «локального» / С. Н. Оводова // Вестник омского университета. — 2019. — № 1. — С. 118–121.

УДК 069.1

*А.Р. Петелина**A.R. Petelina*

**КУЛЬТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
«НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ»
КАК ПРИМЕР ЭФФЕКТИВНОЙ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**CULTURAL AND ETHNOGRAPHIC PROJECT
«NATIONAL GALLERY»
AS AN EXAMPLE OF EFFECTIVE
INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Аннотация. Реализация культурно-этнографического проекта «Национальная галерея» — это уникальный пример объединения национальных сообществ, проживающих на общей территории. Данный проект был реализован в малом историческом городе Ялуторовске, на территории которого проживает более 50 национальностей. Сегодня на площадке галереи представлены 7 национальных сообществ и 14 творческих коллективов.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, межкультурный диалог, национальная галерея, многонациональный город, центр национальных культур, Ялуторовск.

Annotation. The implementation of the cultural and ethnographic project «National Gallery» is a unique example of the unification of national communities living in the territory. This project was implemented in the small historical town of Yalutorovsk, on whose territory more than 50 nationalities live. Today at the gallery site 7 national communities and 14 creative teams are represented.

Key words: intercultural communications, intercultural dialogue, national gallery, multinational town, center of national cultures, Yalutorovsk.

Ялуторовск — это многонациональный город, на территории которого в мире и согласии проживает более 50 национальностей. На территории города функционирует Центр национальных культур, на базе которого реализуется Программа «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных, общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений» с целью обеспечения общественно-политической стабильности, межнационального и межконфессионального согласия в муниципальном образовании.

В 2018 году на базе Центра национальных культур был разработан культурно-этнографический проект «Национальная галерея». Ранее специалисты центра столкнулись с проблемой, когда для презентации на-

ционального колорита города им не хватало единой площадки, все сообщества были распределены по отдельным помещениям, которые были не комфортными для работы с группами.

Концепт проекта заключается в том, что все национальные сообщества города Ялуторовска могут на единой площадке реализовывать совместные проекты (2 и 3 этаж центра).

Жители и гости города, попадая в национальную галерею, в одном месте могут познакомиться с колоритом города, побывать в национальных подворьях, узнать о традициях и обычаях, творчестве, ремеслах и обрядовых действиях.

Важно отметить, что создание Национальной галереи в уникальном формате с учетом интерактивной составляющей помогло привлечь большее количество посетителей различных возрастных категорий и объединить национальные сообщества города.

Основными проектами Национальной галереи, которые пользуются популярностью у жителей города, являются:

- «Дом дружбы», в рамках которого проходят интерактивно-познавательные встречи, где участники могут познакомиться в интересном формате с культурой, традициями, обычаями и творчеством национальностей, проживающих на территории нашего города;

- Дни национальных культур. Центр национальных культур сотрудничает с Дворцом национальных культур «Строитель» (г. Тюмень) и комитетом по делам национальностей Тюменской области, что позволяет совместно проводить областные национальные праздники, а также творческим коллективам участвовать в различных фестивалях и конкурсах;

- «Школа родного языка», в рамках которой в течение учебного года проходят занятия по изучению национальных языков и культур. Проект направлен на этнокультурное развитие народов России и поддержку языкового многообразия;

- «Национальная карта» — это познавательный проект для школьников города, в рамках которого проходили интерактивные экскурсии, фотосессии в национальных костюмах и мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству;

- городской фестиваль национальных культур «Венок дружбы», который традиционно проводится в День города с целью сохранения этнокультурного наследия народов, возрождения и развития самобытной музыкально-песенной, празднично-обрядовой, семейно-бытовой культуры, формирование единого этнокультурного пространства, создание условий для обеспечения доступности культурных ценностей всем слоям населения. В рамках фестиваля жители и гости города могут познакомиться с национальными подворьями: казачьим, армянским, татарским, казахским, польским, немецким и узбекским, а также поучаствовать в народных играх, отведать национальные блюда и окунуться в разнообразие национального колорита. Фестиваль вошел в перечень мероприятий в рамках гастрономического бренда «Сделано в Ялуторовске»;

- городской открытый фестиваль национальных культур «Содружество» проводится с целью сохранения и развития национального на-

родного творчества. Гала-концерт проводится традиционно в День народного Единства.

Специалисты Национальной галереи сотрудничают с представителями религиозных конфессий, что является важным показателем исполнения программы «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных, общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений в городе Ялуторовске».

Национальная галерея города является главной репетиционной и творческой площадкой города для национальных сообществ.

Резидентами центра являются 14 творческих сообществ, в которых 138 участников.

Специалисты центра плодотворно взаимодействуют с лидерами национальных диаспор, что позволяет более качественно и мобильно решать задачи по реализации данной программы.

В рамках реализации Межведомственного плана мероприятий по патриотическому воспитанию граждан города Ялуторовска на базе центра работает молодежное казачье военно-патриотическое объединение «Баталовцы», в котором на постоянной основе занимаются 18 человек.

В рамках занятий участники изучают казачью культуру, традиции, историю, фольклор, владение традиционным казачьим оружием, основы верховой езды и православные каноны. «Баталовцы» активно сотрудничают с Ялуторовским станичным казачьим обществом и принимают участие в проводимых обществом мероприятиях.

На регулярной основе молодые люди посещают казачий хутор, где занимаются верховой ездой. В течение года «Баталовцы» принимают участие во всех городских мероприятиях, в том числе массовых.

В Ялуторовском остроге без участия данного сообщества не обходится ни одно событие, ребята организуют мастер-классы по рубке шашкой, ставят личные рекорды, рассказывают туристам о ялуторовском казачестве и проводят чайные церемонии по завариванию иван-чая.

Важно отметить, что «Баталовцы» принимают участие в реализации информационных и рекламных туров, в рамках которых представители туристической индустрии посещают Ялуторовск, в том числе острог.

Также молодые люди проходят подготовку к службе в ВС РФ. Участники объединения выступают на городских, областных, межрегиональных соревнованиях и фестивалях, занимая призовые места и достойно представляя город.

В летний период 2018 года в Национальной галерее проходила летняя площадка по месту жительства с целью организации интересного досуга для детей, где они познакомились с национальностями, проживающими на территории Ялуторовска, историей города, а также посещали театральные мастер-классы.

Реализация единого межкультурного и межнационального пространства на единой площадке города позволила объединить национальные сообщества, создать для них благоприятные условия, подчеркнуть их необходимость. Это площадка, где представители различных национальностей собираются в неформальной обстановке, коммуницируют друг с

другом, создают совместные проекты. Национальная галерея города Ялуторовска создана с душой, поэтому она обладает уникальной атмосферой и является точкой притяжения для национальных сообществ.

Примечания

1. Нефедова, Н. В. Межкультурные несоответствия в процессе коммуникации / Н. В. Нефедова // Язык. Образование. Культура. — Омск, 2011. — С. 273–276.
2. Шульгин, П. М. Исторический город Ялуторовск / П. М. Шульгин // Материалы к программе. — Москва, 1997. — С. 150–175.
3. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая // Язык. Культура. Познание. — Москва, 2002. — С. 76–111.

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ,
КЛУБОВ ЮНЕСКО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

УДК 168.522

*Я.Б. Абдуллина**Y.B. Abdullina*

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР
В ТОБОЛЬСКОМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ
МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ**

**ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF ZABOLOTNY TATARS
IN TOBOLSK HISTORICAL AND ARCHITECTURAL
MUSEUM-RESERVE**

Аннотация. В статье рассмотрено наследие заболотных татар в составе этнографической коллекции народов Севера и Сибири в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Представлены некоторые данные об этнографических поездках в места проживания заболотных татар, начиная с середины XX в. Культура заболотных татар мало изучена, практически отсутствуют крупные исследования. В статье сделана попытка обзорно рассказать о некоторых имеющихся коллекциях по заболотным татарам.

Ключевые слова: культура, сибирские татары, заболотные татары, этнографические коллекции, этнография.

Annotation. The article deals with the cultural heritage of the Zabolotnye Tatars as part of the ethnographic collection of the peoples of the North and Siberia in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. The article presents some data on ethnographic trips to the places of residence of the Zabolotnye Tatars from the middle of the 20th century. The culture of the Zabolotnye Tatars is understudied; there are practically no major scientific studies. The article made an attempt to briefly tell about some of the museum collections on the subject.

Key words: Culture, Siberian Tatars, Zabolotnye Tatars, ethnographic collections, ethnography.

Особенности культурного наследия любого народа необходимо рассматривать и изучать, так как глобальные процессы культурной интеграции и унификации затрагивают практически все народности. Необходимо выделять особенности того или народа, ведь каждый народ имеет свои уникальные черты. На современном этапе становится важным сохранить и популяризовать различные формы традиционной культуры, которые проявляются в материальной и духовной составляющей. В данном контексте огромную роль в сохранении культурного наследия играют такие учреждения, как музеи, они представляют культуру в материальной и духовной сфере. Статья направлена на выявление особенностей культуры заболотных татар в музейных коллекциях Тобольского музея-

заповедника. В этой работе сделана попытка проанализировать музейные коллекции, связанные с сибирскими татарами, а также с заболотными татарами в фондах и в музейных экспозициях.

Характерные особенности заболотных татар сформировались в результате влияния местных финно-угорских племен и практически не изучены.

Коллекции по этнографии пополнялись еще до основания Тобольского музея. Музей был основан в 1870 г. До 1910 года, благодаря дарению от частных лиц музею, коллекции пополнялись. С 1910 по 1927-е годы музей был поставлен на научную основу, исследователи начинают проводить экспедиции по территориям Тобольской губернии, в этот период была сформирована уже одна из уникальных этнографических коллекций. На современном этапе в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике в структурном подразделении «Тюменского музейно-просветительского объединения» находится одна из ценнейших этнографических коллекций народов Севера и Сибири, представляющая быт, промыслы, занятия, народный костюм, а также представлена постоянная выставка «Культура и быт сибирских татар», которая находится в экспозиции Дворца Наместника. Музейная коллекция по сибирским татарам полностью сформировалась к началу XX века, до этого периода были поступления во II половине XIX века, однако это были отдельные предметы. Большая часть поступлений по сибирским татарам в музей была в 1921 и 1936 гг. К этому времени культура и быт сибирских татар представлены в музейных коллекциях. На сегодняшний день коллекция по материальной культуре сибирских татар насчитывает более 400 предметов.

Среди сибирских татар ученые выделяют заболотных татар. Заболотные татары представляют субэтническую группу людей, которые принадлежат к этносу сибирских татар, но отличаются особенностями своей культуры, языком, а также местностью компактного проживания в северо-западной части Тобольского района Тюменской области России (преимущественно в Ачирском и Лайтамакском сельском поселениях). По описаниям «Губернских ведомостей» 1860 года быта заболотных татар: «Охота была одним из главных занятий. Звероловством занимаются преимущественно зимой в болотах и лесах, куда заходят медведи, лоси, олени, белки, зайцы и другие звери. На охоту заболотные инородцы ходят на лыжах».

Интерес к культуре и истории заболотных (ясколбинских) татар был вызван многочисленными научными экспедициями, в отдаленную местность в районы Лайтамакского и Ачирского поселений Тобольского района. Одними из первых исследователей были научные сотрудники Российской Академии наук. Сбор этнографической коллекции по заболотным татарам в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН начался в 1948 г. с экспедиции научного сотрудника МАЭ В.В. Храмовой в Тюменскую область, Тобольский район, Лайтамакский сельский совет. В.В. Храмова пришла к заключению, что «заболотные татары» относятся к тюркской группе народов, но историю этих татар нужно будет изучать, используя археологические находки в этих местах, так как она считала, что «находки керамики принад-

лежат, по-видимому, не татарам, а какому-то другому народу, жившему здесь в начале нашей эры» [5, с. 174].

Тобольским музеем-заповедником были организованы экспедиции в 1970–1980-е гг. в районы, где проживали заболотные татары. Инна Андреевна Сыркина проводила археологические раскопки, ею было исследовано городище Иляк-Алып в Заболотье, эпоха поздней бронзы и средневековья [4]. Игорь Владимирович Белич проводил экспедиции к сибирским татарам в 1974 и 1978 г. В этот период были выявлены и представлены в Тобольский музей коллекции по материальной культуре сибирских татар. В 1974 г. — 50 предметов, в 1978 г. — 68 предметов. В 1980–1990-е гг. И.В. Беличем проводились экспедиции в Бегишевский, Вагайский, Ярковский районы Тюменской области и в Муромцевский район Омской области [2]. Им было собрано несколько десятков предметов материальной культуры сибирских татар.

В коллекции «Этнография Севера и Сибири» в фондах представлены предметы по различным тематикам: «Бисерные изделия», «Животноводство», «Земледелие», «Игры и игрушки», «Меховые изделия», «Одежда», «Охота», «Предметы культа», «Ремесло», «Рыболовство», «Транспорт», «Украшения», «Утварь». В коллекции «Игры и игрушки» о заболотных татарах можно узнать из рисунков детей-школьников, выполненных на тетрадных листах, время создания рисунков датируется 1936 г. Рисунки были выполнены школьниками из села Лайтамак. В этих рисунках дети представляли хозяйственную жизнь заболотных татар. Рисовали животных, обитающих в местной природной среде. Подписи к рисункам были выполнены на латинице на местном диалекте. В коллекции о промыслах и хозяйственной жизни заболотных татар «Рыболовство» представлены иглы для плетения сетей второй половины XX в. д. Вармахли Тобольского района. Помимо фондохранилища Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника сведения о сибирских татарах можно найти в научном архиве музея. Здесь научный интерес представляют отчеты об этнографических поездках и работах в районы компактного проживания сибирских татар.

В научном архиве хранится «Отчет о этнографических работах в 1995 году», составленный А.А. Адамовым. В отчете содержатся материалы интервью с жителями села Лайтамак о традиционных народных играх и занятиях, где представлены сведения о самобытной и уникальной культуре [1]. Встречаются такие игры и занятия, как «чукэ» (городки), «нештэ атышу» (бросание глины), «касалай атышу» (охота на маленьких птичек). Интересны сведения из «Материалов по этнографии усть-ишимских (1980–1981 гг.) и заболотных (1983 г.) сибирских татар» А.В. Головнева [3]. Он отмечает, что наиболее сильное угро-самодийское влияние испытали тобольские и заболотные татары. В отчете представлена информация о межэтнических контактах, миграциях, истории появления поселений, происхождение топонимов, хозяйственной жизни, торговле, жилищах, одежде, утвари, транспорте, социальном устройстве, семье и родственных отношениях.

Коллекции по сибирским татарам собраны в основном с середины XIX до середины XX в. В последней четверти XX в. этнографическая кол-

лекция сибирских татар — важная составляющая в изучении традиционной культуры народов Сибири. Рассматривая особенности культуры небольшой этнической группы заболотных татар, можно отметить: этнографические коллекции Тобольского музея-заповедника являются источником для изучения этнической истории, традиционной культуры, обычаев и верований. В коллекции сибирских татар предметы, связанные с заболотными татарами, представлены отдельными фрагментами. Отдельные категории предметов по заболотным татарам сохраняют этнические особенности народа, а также только в музее можно увидеть предметы, давно вышедшие из повседневной жизни.

Библиографический список

1. Адамов, А. А. Отчет о этнографических работах в 1995 году / А. А. Адамов // Научный архив ТИАМЗ. — НА-1556/1-20.
2. Белич, И. В. Материалы этнографической экспедиции в Тобольский район к ясколбинским татарам, 1987 г. / И. В. Белич // Научный архив ТИАМЗ. — Д. 1181.
3. Головнев, А. В. Материалы по этнографии усть-ишимских (1980–1981) и заболотных (1982) сибирских татар / А. В. Головнев // Научный архив ТИАМЗ. — Д. 1240.
4. Сыркина, И. А. Отчет историко-бытовой экспедиции Тобольского музея-заповедника, проводившейся с 20 по 24 марта 1973 г. / И. А. Сыркина, В. Л. Субботина // Научный архив ТИАМЗ. — Д. 1193.
5. Храмова, В. В. Заболотные татары / В. В. Храмова // Известия Всесоюзного географического общества. — Москва, 1950. — № 2. — С. 174–183.

УДК 159.99

*И.В. Васильева**I.V. Vasileva*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕПУТАЦИОННЫХ РИСКОВ В ОБЩЕСТВЕ

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF REPUTATIONAL RISKS IN SOCIETY

Аннотация. Социальная жизнь переходит в цифровой формат. Онлайн-общение помимо возможностей несет психологические и социальные риски. Личная информация пользователей социальных сетей становится предметом оценки и использования для психологических манипуляций.

Ключевые слова: психологические факторы, репутация, риски, общество.

Annotation. Social life goes digital. Online communication in addition to opportunities carries psychological and social risks. Personal information of users of social networks becomes subject to assessment and use for psychological manipulation.

Key words: psychological factors, reputation, risks, society.

В настоящее время почти о любом члене общества можно найти информацию в сети интернет. С одной стороны, это значимо облегчает работу кадровых служб, служб безопасности и просто коммуникации. С другой — эти же возможности сети интернет становятся полем для разного рода рисков, начиная от финансовых до психологических, связанных с самопрезентацией.

Биография человека становится доступной для ознакомления и оценивания. Если в эпоху оффлайн какие-либо проступки или неверные решения могли бы остаться достоянием относительно узкой группы людей, то в онлайн-эпоху информация становится доступной всей стране, всему русскоговорящему сегменту интернет-среды.

Онлайн-общение и онлайн-информирование характеризуется следующими особенностями:

- 1) мгновенное распространение информации, не зависимо от ее коннотации;
- 2) оценивание этой информации большим количеством людей;
- 3) неизбежность реагирования автора информации на оценки (комментарии и лайки), вовлеченность в этот процесс.

Большинство участников социальных сетей, коммуникаторов сети интернет ориентированы на получение положительной обратной связи относительно той информации, которую они о себе размещают или о них размещают средства массовой информации, если субъект — лицо публичное.

Соответственно люди психологически не готовы встречаться с отрицательной обратной связью, особенно в условиях: 1) анонимности отрицательного отзыва; 2) внешней немотивированности отрицательного отзыва; 3) невозможности установить непосредственный контакт с автором отрицательного отзыва и прояснить для себя причины такого отношения.

Наиболее яркие проявления отрицательно окрашенной обратной связи — троллинг, флейминг, кибербуллинг [1, 7]. Отрицательная обратная связь в интернет-среде воспринимается как ущерб репутации личности. Е.В. Рягузова [5] указывает на то, что репутация складывается в процессе взаимодействия с другими людьми из оценок и самооценок. Репутация — это психологический капитал, приносящий прибыль в виде социальных связей, отношений, облегчающих или затрудняющих социальное взаимодействие и решение социальных задач. Поэтому, несмотря на нематериальность репутационных рисков, они так болезненно воспринимаются участниками сообщества. Одним из серьезных последствий репутационных рисков является социальная стигматизация [6], а главное — «ломка психологических защит, к которым можно отнести хорошую репутацию и идеальное Я» [4, с. 114].

Индивидуально-психологические особенности человека могут как способствовать, так и препятствовать устойчивости к переживанию репутационного риска. В исследовании К.В. Злоказова [2] показано, что экстраверты успешнее, чем интроверты, распознают угрозы, респонденты с выраженным психотизмом успешно распознавали и противостояли угрозам их чести и достоинству.

Вывод: общество вступает в новые социальные условия — условия повышенных репутационных рисков. Возникает необходимость в выработке стратегий отношения к этой особенности социальной реальности: 1) подчеркнуто аккуратное соблюдение правил безопасности поведения в интернет-пространстве, 2) понимание невозможности достижения абсолютного «идеала» и готовность толерантно относиться как к неизбежному к репутационным рискам.

Библиографический список

1. Воронцова, Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2016. — № 2. — С. 109–116.
2. Злоказов, К. В. Влияние экстраверсии, нейротизма и психотизма на восприятие информации об угрозе здоровью, репутации и социальному статусу / К. В. Злоказов и др. // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. — С. 75–83.
4. Марченко, Ф. О. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма / Ф. О. Марченко, О. И. Маховская // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2018. — № 4 (35). — С. 100–119.
5. Рягузова, Е. В. Репутация личности как кредит доверия другого / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Т. 14. — № 1-1. — С. 71–75.
6. Рягузова, Е. В. Репутация личности: риски и опасности / Е. В. Рягузова // Социальная психология и общество. — 2014. — Т. 5. — № 3. — С. 5–14.
7. Фетисова, Т. А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор / Т. А. Фетисова // Вестник культурологии. — 2018. — № 4 (87). — С. 185–197.

УДК 316.774

*А.В. Герасимов**A.V. Gerasimov*

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ГЕНЕЗИСА ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ**

**INTERCULTURAL COMMUNICATION THROUGH THE PRISM
OF THE GENESIS OF A SINGLE INFORMATION SPACE
IN MODERN SOCIETY**

Аннотация. В данной статье проведен анализ межкультурных коммуникаций сквозь призму генезиса единого информационного пространства в современном социуме. Сделаны обобщающие выводы относительно воздействия единого информационного пространства на социокультурные ценности и межкультурные коммуникации, а также прикладных аспектов развития единого информационного пространства в современном социуме.

Ключевые слова: информация, глобализация, межкультурные коммуникации, единое информационное пространство, социокультурные ценности, информационное общество.

Annotation. This article analyzes intercultural communication through the prism of the Genesis of a single information space in modern society. Generalizing conclusions about the impact of a single information space on socio-cultural values and intercultural communication are drawn, as well as of the applied aspects of single information space development in modern society.

Key words: information, globalization, intercultural communication, common information space, socio-cultural values, information society.

На сегодняшний день информационное общество — это реальность, когда информация выступает одним из главных ресурсов, т.е. ее покупают, продают, крадут и т.д. С помощью нее манипулируют сознанием больших групп общества (например, западные рейтинговые агентства успешно манипулирует данными об инвестиционной привлекательности той или иной страны, отрасли, региона, о престижности того или иного университета и т.д.). Кроме того, в интернете развивается своя экономика, а в так называемых социальных сетях (например, Facebook, Twitter, Одноклассники, «ВКонтакте» и т.д.) возникли по существу симулякры социальных институтов, социальной жизни и социальных сообществ.

Информационное пространство — это совокупность банков и баз данных, технологий их сопровождения и использования, информационных телекоммуникационных систем [5]. Информационное пространство функционирует на основе общих принципов и обеспечивает информационное

взаимодействие организаций и граждан; удовлетворение их информационных потребностей. Основными компонентами информационного пространства являются: информационные ресурсы; средства информационного взаимодействия; информационная инфраструктура.

Российский ученый Е.П. Прохоров считает, что различные СМИ — это один из главных «наполнителей» информационного пространства (региона, страны, мира) [4]. При этом единое информационное пространство позволяет делать общественным достоянием, доступ к которому практически не ограничен барьерами пространства и времени, системы знаний отдельных лиц и коллективов [2, с. 5–21].

Одной из главных характеристик информационного пространства является его «трансисторичность», то есть способность соединять поколения людей независимо от того, являются ли они современниками в прямом смысле этого слова. Этому аспекта проблемы касался Х. Гадамер, который, задавая вопросы о «современности», останавливается на проблеме трансисторичности информационного пространства, в котором осуществляется восприятие текста [7, с. 56]. Другой важной характеристикой информационного пространства является, на наш взгляд, его культурный динамизм, проявления которого можно наблюдать почти во всех сферах жизнедеятельности.

Информационное пространство, как отмечает А. Дубас, — это исторически сложившаяся, обеспеченная правовыми гарантиями и средствами связи, с наибольшей доступностью для потребителя форма скоординированных и структурированных, территориально близких и отдаленных информационных ресурсов, которые аккумулируют результаты коммуникационной деятельности людей [3, с. 223–232]. Единое информационное пространство, постоянно расширяясь и играя все более важную роль в жизни людей, формирует новое жизненное пространство в виде целостного поля, внутри которого индивиды взаимодействуют между собой. Специфика его заключается в разорванности двух уровней бытия: реального и виртуального, что производит новые нормы и ситуации существования. Приобретая глобальный характер, информационные технологии способствуют расширению коммуникаций и формированию единого информационного пространства, в рамках которого формируются свои особые законы и нормы поведения и мировосприятия [6, с. 43].

Американский ученый Д. Белл рассматривает информационное пространство как совокупность знаний, имеющих ценность в виде экономического ресурса, который способствует развитию тех или иных секторов общественной жизни [1].

Итак, информационное пространство, постоянно расширяясь и играя все более важную роль в жизни людей, формирует новое жизненное пространство в виде целостного поля, внутри которого индивиды взаимодействуют между собой.

Таким образом, создаваемое единое информационное пространство имеет мощный потенциал воздействия, способно трансформировать социокультурные ценности. Так, в современном обществе источником и средством формирования знаний, установок, убеждений служат не столько непосредственные контакты человека с окружающей средой и

личный опыт, сколько информация, распространяемая СМИ (пресса, радио, телевидение, книги, интернет и т.д.). А событие для общества становится событием только тогда, когда оно получает информационное обеспечение.

Библиографический список

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с английского. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Academia, 2004. — СLXX, 788 с.
2. Горелова, Е. В. Философское осмысление проблем техногенной цивилизации / Е. В. Горелова // Философские науки. — 2006. — № 9. — С. 5–21.
3. Дубас, О. П. Інформаційно-комунікаційний простір: поняття, сутність, структура / О. П. Дубас // Сучасна українська політика. Вип. 19. — 2010. — С. 223–232.
4. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики [Электронный ресурс] / Е. П. Прохоров. — Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook714/01/part-008.htm> — (Дата обращения: 03.10.2018).
5. Служба тематических толковых словарей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RI\(uwsg.outt:lvwuxywgtxyig#themid](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RI(uwsg.outt:lvwuxywgtxyig#themid) — (Дата обращения: 03.10.2018).
6. Советов, Б. Я. Информационные технологии : учебник для вузов / Б. Я. Советов. — Москва : Высш. шк., 2009. — 134 с.
7. Тихонова, С. В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть / С. В. Тихонова // Полис. — 2007. — № 3. — С. 53–64.

УДК 347.6

*Н.В. Горина**N.V. Gorina***ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****CIVIL LAW INHERITANCE PROBLEMS
OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению проблем наследования таких специфических объектов гражданских прав, как культурные ценности. Работа представляет собой анализ культурных ценностей с точки зрения правовой принадлежности к объектам культурного наследия. Автор высказывает предположение о справедливом признании права собственности граждан на данные объекты в порядке наследования. Особое внимание уделяется гражданско-правовому регулированию отношений связанных с приобретением прав на такое имущество.

Ключевые слова: культурные ценности, законодательство, гражданское правоотношение, наследование, выморочное имущество.

Annotation. This article is devoted to the consideration of the problems of inheritance of such specific objects of civil rights as cultural values. The work is the analysis of cultural values in terms of legal belonging to the objects of cultural heritage. The author suggests a fair recognition of the right of citizens to these objects in the order of inheritance. Particular attention is paid to civil law regulation of relations connected with the acquisition of rights to such property.

Key words: cultural values, legislation, civil relations, inheritance, escheated property.

Сохранение объектов культурного наследия для последующего поколения, а также их охрана представляют собой одно из главных направлений социально-правового развития государства. Объектам культуры предоставляется особый правовой статус, который в большинстве случаев исключает возможность их повреждения или уничтожения. Обусловлено это как исторической ценностью, так уникальностью и неповторимостью данных объектов. Как известно, Российская Федерация издавна славилась традициями коллекционирования произведений искусства. Нельзя не согласиться с тем, что большая часть объектов культурного наследия находится в собственности государства. Вместе с тем в последние годы частное собирательство в нашей стране вновь обрело былую популярность, что повлекло формирование крупных негосударственных собраний культурных ценностей [1]. Наряду с иными видами имущества культурные ценности, будучи объектами права частной собственности, все чаще ока-

зываются в составе наследственной массы. Общеизвестный факт, что стоимость подобных объектов подчас существенно превышает стоимость иных дорогостоящих активов. Более того, у граждан Российской Федерации расширилась возможность получить в собственность довольно значительное имущество, и стало важно сохранить это имущество для передачи его наследникам [9]. Так, если раньше самым ценным, переходящим по наследству имуществом были автомобиль или вклад, то в настоящее время объектами наследственного имущества могут быть квартиры, жилые дома, земельные участки, а также другие виды имущества. В связи с этим нормы наследственного права приобретают особую важность, что обосновано развитием общества и появлением новых объектов права собственности. Все новое, что возникает в социуме, на наш взгляд, непременно должно быть урегулировано законодательством.

Вопросы наследования таких специфических объектов, как культурные ценности, в науке гражданского права до сих пор являются не достаточно проработанными и исследованными на должном уровне. Проблематика, как ни парадоксально, довольно насущна и связана с материальным, в то же время рутинным положением вещей, которые сопровождают «новоиспеченного» наследника в процессе выдачи свидетельства о праве на наследство в отношении культурных ценностей.

В настоящей работе для обозначения подобных объектов используется наиболее часто встречающийся в российском законодательстве термин «культурные ценности» [5]. Однако в законодательстве мы сталкиваемся с рядом проблем. К наиболее значимым можно отнести вопрос незакрепленности в нормативно-правовых актах непосредственно самого определения термина «культурные ценности». Кроме того, доказательно установлено расплывчатое описание входящих в состав культурных ценностей недвижимых и движимых объектов. Интересным, по нашему мнению, является прописанное и достаточной мере точное описание, что понимается под культурной ценностью в законе [6]. Справедливо возникает вопрос: что же расплывчатого в определении вещей, относящихся к объектам культурной ценности, которые прописал законодатель в законе? Как и было сказано выше, приведенное определение не уточняет, а лишь приводит общие особенности, по которым мы можем на практике отнести те или иные объекты имущества. Более точным, на наш взгляд, можно считать определение, предложенное М.А. Александровой, которая характеризует культурные ценности как вещи особого рода, обусловленные сущностью самой вещи в гражданском праве и обладающие свойством юридической незаменимости. При этом данные объекты носят антропогенный характер, основное предназначение их — удовлетворение духовных потребностей людей [7]. С данным определением становится возможным работать в контексте гражданско-правовых отношений, поскольку четкая определенность вещи и позиционирования таковой как объекта находящегося в имуществе наследодателя требует конкретики. В соответствии с этим целесообразно классифицировать данные вещи. Итак, к первой категории можно отнести музейные предметы, зарегистрированные в государственной части Музейного фонда РФ, ко второй — музейные предметы, зарегистрированные в негосударственной части Музейного фонда и, наконец к третьей отнесена масса всех культурных ценностей, которые находятся в

частной собственности граждан и юридических лиц [4]. Как видно, после классификации объектов культурной ценности, которые представляют наследие эпох, стоит вопрос о значимости и роли данных объектов. Значимость определяется не только отношением к ним конкретного владельца, но также и предполагаемой общественной пользой, в рамках общего культурного развития и наследования достояния времен.

К категории культурных ценностей относятся как движимые, так и недвижимые вещи. Тем не менее соответствующие объекты недвижимости, именуемые в действующем российском законодательстве объектами культурного наследия народов РФ (памятниками истории и культуры), имеют особый правовой режим [3]. Несмотря на частое использование данного термина законодателем, «универсального» определения понятия «культурные ценности» в законодательстве РФ не существует. В соответствии со ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре, культурные ценности — это нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [5].

В связи с этим возникает вопрос, касающийся вовлеченности объектов культурного наследия в гражданские правоотношения. В жизни граждан РФ наиболее актуальными и распространенными, на наш взгляд, являются правоотношения в сфере наследства. Как и задачи сохранения объектов истории и культуры, вопросы наследственного права всегда занимали значительное место в судебной и нотариальной практике. Разделение полномочий между судебными и нотариальными органами связано с достоверностью фактов, подтверждающих наследственные права граждан. Нотариальный порядок предусмотрен для оформления наследственных прав исключительно в случаях полного отсутствия спора об этих правах при представлении бесспорных документальных доказательств. В судебном порядке решаются вопросы при возникновении спора о наличии права наследования. Безусловно, большая часть объектов культурного наследия находится в собственности государства. Однако тот объем бюджетных средств, который выделяется, не позволяет государству в полной мере обеспечивать надлежащее состояние таких объектов, осуществлять их реставрацию и восстановление, а также заниматься их охраной. По этой причине уже давно назрела необходимость передачи объектов культурного наследия из федеральной собственности в собственность иных субъектов, таких как физические лица.

Обратим внимание, что существуют особенности при реализации прав наследников в отношении таких видов имущества наследодателя. Так, одной из распространенных является процесс доказательности не только прав, но и подлинности самой передаваемой вещи. Полагаем, что отсутствие государственных оценщиков, чье авторитетное и законодательно закрепленное заключение давало основание нотариусу признавать таковое имущество и включать в состав свидетельства о праве на наследство, в настоящее время осложняет данный процесс. Обращаясь к судебной практике, можно заметить, что

не всегда данные объекты признаются культурной ценностью. Иллюстрируя вышесказанное, можно привести пример, в котором картина, условно отнесенная к культурной ценности, в целях включения в состав наследственной массы записана на основании ее объективных и сущностных особенностей, при этом прямой речи об отношении к культурным ценностям не указывается, тем самым нивелируя необходимые действия по оценке и иным проблематичным действиям как для нотариуса, так и для наследников [2]. Как видим, при подобном «ходе» ликвидируется на корню возможность позиционирования данной вещи как культурной ценности, на основании того, что она записана в составе наследственной массы как обычный предмет, имеющий только физические параметры, без привязки к иной ценности, что осложняет возможные отношения наследования, дарения, купли-продажи или иных связанных с материальным обогащением действий.

Важно отметить, что в большинстве случаев подобные объекты признаются выморочным имуществом. Вместе с тем, к категории культурных ценностей относятся как движимые, так и недвижимые вещи. Однако объекты недвижимости, именуемые в действующем российском законодательстве объектами культурного наследия народов РФ (памятниками истории и культуры), имеют особый правовой режим [3]. Особенность наследования выморочного имущества заключается в особой роли государства. Существенно то, что РФ не представлена в наследниках и вступает в наследство в последней очереди при особых обстоятельствах, одним из которых является обязанность выплаты долгов по наследственному имуществу. Характерно, что для государства в законе не определены сроки в принятии наследства, следовательно они свободны, что порождает и дает возможность не вступать в фактическое наследование с связанными с этим долговыми или иными видами ответственности в отношении объектов культурного наследия.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) / «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001. — № 49, ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 года «О судебной практике по делам о наследовании» / «Российская газета». — № 127, 06.06.2012.
3. ФЗ от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.02.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Российская газета» от 29 июня 2002 г. № 116-117, «Парламентская газета» от 29 июня 2002 г. № 120-121, Собрание законодательства РФ 1.07.2002 г. № 26 ст. 2519.
4. Закон РФ «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ // «Российская газета» от 4 июня 1996 г., Собрание законодательства РФ от 27 мая 1996 г. № 22, ст. 2591.
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 05.12.2017).
6. Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 г. № 4804-1 Обзор изменений Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 28.12.2017).
7. Александрова, М. А. Наследование объектов культурных ценностей // Нотариальный вестник. — 2013. — № 10. — С. 17–28.
8. Демичев, А. А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 1. — С. 88–99.
9. Эксперты отмечают высочайший художественный уровень и значительную стоимость современных российских частных собраний. См. подробнее: Толстова А. СобираТЕЛЬНЫЙ образ собирателей // Коммерсантъ. 2012. 23 апр.; Изюмова Ю. Мы пойдем на Запад — в Москве открылся XXXII Российский антикварный салон // РБК Daily 2012. 5 марта.

УДК 130.2

*Н.С. Ищенко**N.S. Ishchenko*

**ДЕГУМАНИЗАЦИЯ РУССКИХ УКРАИНЫ
ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВОМ «ФОФУДЬЯ»
В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

**DEGUMANIZATION OF RUSSIANS BY THE FOFUDIA
INTERNET COMMUNITY IN THE PREWAR PERIOD IN THE UKRAINE**

Аннотация. Распространение деструктивных дегуманизирующих идеологий в процессе межкультурной коммуникации в интернете приводит к легитимации насилия в обществе по отношению к представителям дегуманизированной группы. Механизм дегуманизации коллективного антагониста рассмотрен на примере сообщества «Фофудья», которое действовало в украинском сегменте интернета в довоенный период, изобретая термины-антагонисты, дегуманизирующие русских, и переосмысливая термины «бандеровцы», «фашисты» в позитивном ключе.

Ключевые слова: дегуманизация, Украина, коллективный антагонист, пространство коммуникаций, деструктивная идеология.

Annotation. Destructive dehumanizing ideologies dissemination in the process of intercultural communication on the Internet leads to the legitimation of violence in society towards members of the dehumanized group. The mechanism of dehumanization of a collective antagonist is considered on the example of the Fofudia community, which operated in the Ukrainian segment of the Internet in the prewar period, inventing antagonistic terms dehumanizing Russians, and redefining the terms “Bandera”, “Fascists” in a positive way.

Key words: dehumanization, Ukraine, collective antagonist, communication space, destructive ideology

В современном мире интернет представляет большие возможности для реализации межкультурной коммуникации. В сети могут общаться люди и группы, которые никогда не встречаются в реальности, однако совместно формируют единое информационное пространство, в котором распространяются различные идеи, образы, идеологии. Распространение деструктивных дегуманизирующих идеологий в интернете способствует легитимации антисоциальных культурных практик в обществе и формирует среду, терпимую к насилию по отношению к группе, которая дегуманизирована. Атмосфера публичного одобрения насилия готовит и сопровождает применение насилия в реальной жизни. Распространение в украинском сегменте интернета деструктивной идеологии, дегуманизирующей русских, сыграло роль в эскалации насилия в стране в 2014 году и до сих пор

способствует одобрению военных действий Украины в Донбассе в публичном пространстве страны. Формирование и распространение деструктивной дегуманизирующей идеологии в интернете рассмотрим на примере деятельности сообщества «Фофудья» в предвоенные годы на Украине.

Межкультурная коммуникация — это общение субъектов разной культуры. Как указывает Э.А. Орлова, межкультурная коммуникация групп происходит на уровне индивидов [8, с. 186]. Интернет предоставляет пользователям такие возможности, как легкость доступа, анонимность, отсутствие цензуры или ее неявный характер, обширная аудитория. Для реализации этих возможностей возникают сообщества в социальных сетях, персональные и тематические сайты и прочие подобные центры коммуникации. Общение между группами с разной культурной идентичностью можно анализировать как межкультурную коммуникацию.

Одной из важнейших характеристик межкультурной коммуникации являются коммуникаторы и предмет коммуникации [6, с. 917]. Рассмотрим формирование группового субъекта межкультурной коммуникации в интернете на примере формирования сообщества «Фофудья». Как предмет коммуникации эта группа предлагала деструктивную идеологию, дегуманизирующую русских в России и на Украине.

В пространстве коммуникаций деление коммуникаторов на группы происходит постоянно и является естественным процессом. В ходе этого процесса проявляется с разной степенью актуальности деление на мы и не-мы, на принадлежащих к группе и всех, кто за ее пределами [6, с. 918].

Основной признак развития сообщества в деструктивном направлении — присутствие в коллективной идентичности группы коллективного антагониста. Коллективный антагонист — сообщество, представители которого являются носителями анти-ценностей, несовместимых с ценностями рассматриваемой группы. Само существование коллективного антагониста угрожает группе, и его ликвидация рассматривается как одна из целей, которые должны быть достигнуты в ходе деятельности группы [4].

Реализация такой цели возможна при дегуманизации коллективного антагониста. Как указывает Е.В. Морозова, «под дегуманизацией понимается комплекс идей и действий, позволяющих представить политических оппонентов как авторов, лишенных человеческих начал, и, следовательно, оправдывать практически любые действия в отношении них» [7]. Для дегуманизации в коммуникации используются неофициальные этнонимы и этностереотипов в качестве элементов языка ненависти [2; 3; 5], а также переосмысляются бытующие в обществе термины для самоназваний и названия коллективного антагониста.

Рассмотрим функционирование этого механизма формирования группового субъекта коммуникации на примере сообщества «Фофудья» [1].

«Фофудья» была организована на интернет-ресурсе «Живой журнал» (livejournal.com, ЖЖ) вскоре после первого Майдана на Украине (2004 г). Сообщество стало активно действовать с 2006-го в кириллическом секторе ЖЖ. Его вели и модерировали идейные украинские националисты.

История интернет-мема «фофудья» началась со следующего поста в ЖЖ в 2006 г: «На вчерашнем интернет-чате с Петром Симоненко человек с никнеймом Ноздреватенков задал такой вот вопрос: “Здравствуй-

те, я из Херсонской области, русский по национальности. Моей дочери в школе запретили носить такой атрибут русской культуры, как фофудья. Аргументировав это тем, что государственный язык — украинский. Хочу спросить, Петр Николаевич: ДОКОЛЕ?»» [10].

За последующие два-три года мем оброс значениями и стал центром своеобразной интеллектуальной игры, которая велась украинскими блоггерами в социальной сети. Этот во многом стихийный опыт тем не менее решал задачу дегуманизации оппонента, реализуя все рассмотренные выше этапы процесса: выделение группы в пространстве коммуникаций, появление самоназвания, называние коллективного антагониста.

Группа выделяет себя — это убежденные идейные украинцы, носители европейских ценностей, антикоммунисты. Группа называет себя — в рамках принятой интеллектуальной игры самоназванием выступает «бандеровцы», «жидобандеровцы», «свидомиты», «путинохулителю». Группа выделяет своего коллективного антагониста — это русские на Украине и русские вообще, русское государство, Россия. Для коллективного антагониста разрабатываются названия: исконно-русские люди (I.P.L.), «исконники».

В текстах сообщества создается гротескный образ русского на Украине: ретроград, клерикал, верит в мифических «жидо-бандеровцев», которые ненавидят все русское и мечтают уничтожить русских, и в святого Путина, который символизирует Россию и защищает русских от «жидо-бандеровцев».

Существует любопытный текст, демонстрирующий внутренний язык сообщества, время создания 2008 г. [9]. Здесь наряду с использованием русофобских штампов унижаются и православные — пародируется обращение «братья и сестры», используется дореформенная орфография, делаются попытки стилизации под церковнославянский язык. Коллективный антагонист выделяется по признаку принадлежности к русской/советской культуре и по религиозному признаку.

В тексте указаны и составители словаря, трудившиеся над этим в 2008 году. Мониторинг их блогов показывает, что эволюция за прошедшие несколько лет у всех примерно одинаковая. Часть блогов заброшена, но те, которые ведутся, выражают яркую антироссийскую позицию, в государственном перевороте на Украине в 2014 г. их авторы поддерживали Майдан, в дальнейшем поддерживали войну в Донбассе (так называемую АТО).

Пример «Фофудьи» показывает, что дегуманизирующие термины-антагонисты, которые изобретает или применяет подобное сообщество, не всегда получают широкое распространение. Например, придуманное в «Фофудье» название русских — «исконники» — не прижилось, и в начале войны 2014 г. появилось гораздо более популярное название «ватники». Однако вклад «Фофудьи» в переосмысление названия «бандеровец» на территории Украины трудно переоценить.

Бандеровцы на Украине совершили множество военных преступлений в Великую Отечественную войну и после нее. Их подрывная деятельность имела место в период 1941–1951 гг. В советское время термин «бандеровец» носил однозначно негативную, позорную окраску. На Западной Украине, где действовали украинские националистические организации, сохранялась память о пострадавших, стояли памятники жертв

вам ООН-УПА. В постсоветское время сохранение советского смысла слова «бандеровец» было немаловажной частью коллективной идентичности русскоязычных регионов Украины.

Однако за несколько лет до войны в Донбассе в публичном пространстве Украины среди интеллектуалов появляется сегмент информационного поля, где называть себя бандеровцем становится почетно, где это воспринимается как признак самостоятельного мышления, высокой культуры, творческой профессии, яркой индивидуальности. Такая самоидентификация распространяется также на выходцев из Украины, проживающих в Европе и США. Сообщество «Фофудья» внесло ощутимый вклад в формирование коллективной элитарности идейных украинских националистов, дегуманизацию русских на Украине, формирование в обществе одобрительного отношения к применению насилия по отношению к жителям русскоязычных регионов страны.

Таким образом, создание и распространение дегуманизирующей идеологии является важным элементом формирования коллективной идентичности деструктивной группы в пространстве коммуникаций. Распространение в обществе деструктивной идеологии приводит к одобрению насилия по отношению к дегуманизированным оппонентам, что и проявилось на Украине в публичном одобрении войны против Донбасса, где проживали русские, уже дегуманизированные граждане Украины.

Библиографический список

1. Все о фодудье [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://fodudja.livejournal.com/>
2. Глотова, Е. Ю. Метафоризация геноцида XX века — концептуальные образы «дегуманизации» и «очищения» / Е. Ю. Глотова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. — 2009. — № 3. — С. 13–16.
3. Горшун, Ю. В. Этнические стереотипы и ярлыки как средство дегуманизации / Ю. В. Горшун, Е. Ю. Горшун // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19, № 3. — С. 915–919.
4. Ищенко, Н. С. Использование метода неявных ссылок для противодействия распространению деструктивных антигуманистических идеологий в сети интернет / В. С. Клименко, М. М. Шарнин, А. К. Хакимова, Н. С. Ищенко // Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4i для задач мониторинга и безопасности (SCVRT2015-16): Труды Международной научной конференции (Пушино, 21–24 ноября 2016). — Протвино : ИФТИ, 2016. — Т. 2. — С. 143–147.
5. Калашникова, А. А. Этноязыковые конфликты: «язык ненависти» как средство идеологической борьбы / А. А. Калашникова, А. В. Резникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 8 (62). — С. 154–156.
6. Климов, А. Г. Межкультурная коммуникация / А. Г. Климов // Социокультурная антропология: История, теория и методология : энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. — Москва : Академический проект; Культура, 2011. — С. 916–923.
7. Морозова, Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике / Е. В. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — № 6. — С. 121–128.
8. Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология : учеб. пособие для вузов / Э. А. Орлова. — Москва : Академический проект, 2004. — 480 с.
9. Толковый словарь фодудыста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fodudja.livejournal.com/1616257.html>
10. Фодудья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://tani-flint.livejournal.com/170983.html>

УДК 81'33

*Д.А. Кириллов, Е.Г. Сеченова**D.A. Kirillov, E.G. Sechenova*

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ
«ТЕРПИМОСТЬ» И «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В ВОПРОСАХ ВЕРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕЗОЛЮЦИИ ГА ООН
«ПРОСВЕЩЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ»**

**TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS
OF «PATIENCE» AND «TOLERANCE»
IN MATTERS OF FAITH IN THE CONTEXT OF THE RESOLUTION
OF THE UN GENERAL ASSEMBLY
«ENLIGHTENMENT AND RELIGIOUS TOLERANCE»**

Аннотация. В официальных документах отношение России к религиозной толерантности долгое время отражения не находило. Поэтому ожидать замены идей веротерпимости на идеи религиозной толерантности было достаточно трудно. Однако 12 декабря 2018 года Россия поддержала резолюцию о религиозной толерантности, принятую ГА ООН. Это позволяет предположить, что теперь потенциал религиозной толерантности можно будет интегрировать в систему принципов российского религиозного пространства.

Ключевые слова: межрелигиозные отношения, иноверующие, резолюция о религиозной толерантности, терпимость в вопросах веры, религиозная толерантность, религиозное пространство.

Annotation. For a long time, Russia's official attitude to religious tolerance was not reflected in official documents. Therefore, it was quite difficult to expect the replacement of religious patience ideas with ideas of religious tolerance. However, on December 12, 2018, Russia supported the resolution on religious tolerance, adopted by the UN GA. This suggests that now the potential of religious tolerance can be integrated into the system of principles of the Russian religious landscape.

Keywords: interfaith relationships; men of a different faith; resolution on religious tolerance; patience in matters of faith; religious tolerance, religious landscape.

«Монополия на истину, которая у каждой религии своя...» [3, с. 92], объективно предопределяет установки верующих на адекватность только «своей» веры. Такие установки могут по-разному проявляться в поведении верующих по отношению к иноверующим — от религиозных войн до полного отсутствия любой агрессии. Для России — одной из самых мультирелигиозных стран — последовательное создание системы предпосылок для создания свободного от агрессии религиозного пространства имеет особое значение. Так, преамбула Закона РФ «О свободе сове-

сти и религиозных объединениях» (далее — Закон) [8] признает значимым достижение «... взаимного понимания, терпимости и уважения...» в вопросах веры. Также Россией поддержана и Резолюция ГА ООН «Просвещение и религиозная толерантность» от 12.12.2018 г. (далее — Резолюция) [6]. Очевидно, и Закон, и Резолюция ориентируют верующих и общество в целом на построение свободного от агрессии религиозного пространства. Однако Закон принципами такого пространства называет «понимание, терпимость и уважение» в вопросах веры, а Резолюция — «религиозную толерантность». После поддержания Россией Резолюции вопрос о соотношении этих принципов представляет отдельный интерес.

В Резолюции нет дефиниции понятия «религиозная толерантность». Согласно пункту 1.1 Декларации принципов толерантности от 16.11.1995 г. (далее — Декларация), «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности» [1]. То есть, для толерантности характерен психологический комфорт субъекта. Такие ее атрибуты как уважение, принятие и правильное понимание многообразия особенностей и качеств других людей, закономерно исключают появление даже предпосылок агрессии «к другим», в том числе, в религиозной сфере.

При сравнении фрагмента Закона с понятием толерантности из Декларации можно заметить как их сходство, так и различия. Сходство состоит в том, что оба текста включают «понимание» и «уважение» людьми убеждений «других лиц». Использование в Законе терминов из Декларации позволяет предположить, что идея ориентировать общество на построение толерантного религиозного пространства в Законе заложена.

Однако в Законе очевидна и непоследовательность. Так, наряду с пониманием и уважением, в предлагаемый Законом набор принципов религиозного пространства включена еще и терпимость в вопросах веры. Ни в Декларации, ни в Резолюции указания на терпимость как на синоним или элемент толерантности нет. Полагаем, и не может быть, поскольку терпимость подразумевает присутствие в личности субъекта определенной «несвободы», своего рода психологического самонасилия, субъектного «самозаставления», дискомфорта и, в конце концов, даже латентной враждебности к интересующему объекту. Так, В.М. Золотухин полагает, что «терпимость не исключает неприязни лица к представителям иной группы по мотиву их членства в таковой; при этом лицо, претерпевая определенный дискомфорт, нередко считает недопустимой лишь открытую агрессию к носителям инаковости» [2, с. 99–100], что близко и к фактической агрессии.

Исходя из сказанного, представляется очевидным и важнейший тезис о том, что содержащая элемент «самопринуждения» терпимость субъекта по отношению к объекту несочетаема с, говоря условно, «психологически комфортными» элементами толерантности, — пониманием субъектом объекта и уважением к нему. То есть, бытие в анализируемом фрагменте текста Закона таких однородных членов предложения как «терпимость», «уважение» и «понимание» представляет собой своего рода логико-лингвистический оксюморон. Учитывая же исторически-тради-

ционную коннотацию веротерпимости в России [5, с. 27–29], а также несколько настороженное отношение к толерантности со стороны современных институтов российского православия [7], потенциал сопрягающихся с религиозной толерантностью положений Закона, ориентирующих общество на понимание иноверия и уважение к нему, во многом фактически сведен на нет.

Тем самым основным принципом построения религиозного пространства, на который Закон фактически ориентирует российское общество, является терпимость в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания. Взаимное понимание и уважение в вопросах веры «выдавливаются» веротерпимостью как логически несочетаемые с последней.

Таким образом, «религиозная толерантность» и «терпимость в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания» — принципы и даже, можно сказать, группы ценностей, которые, соответственно, Резолюция и Закон предлагают полагать в основу формирования религиозного пространства. При этом религиозная толерантность и терпимость в вопросах веры — термины, описывающие не только совершенно различные, но и взаимоисключающие социально-психологические феномены. Поэтому построение религиозного пространства одновременно на принципах, закрепленных и в Законе, и в Резолюции с лингвистической точки зрения является взаимоисключающим.

Основанный на изложенном материале несложный терминологический анализ показывает, что положение Закона о терпимости в вопросах веры нарушает запрет на пропаганду религиозного превосходства, установленный статьей 29 Конституции РФ [4]. Ведь фактически в сложившейся обстановке Закон предлагает каждому верующему терпеть иноверие. В связи с этим с лингвистической точки зрения более корректным представляется построение религиозного пространства на началах религиозной толерантности.

Библиографический список

1. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. — Москва, 2001. — № 1.
2. Золотухин, В. М. Терпимость и толерантность: сходство и различие / В. М. Золотухин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2003. — № 2. — С. 93–100.
3. Карпушкин, А. В. Конституционно-правовые аспекты религиозной толерантности во взаимоотношениях государства с религиозными объединениями / А. В. Карпушкин // Общественные науки. Политика и право. — 2008. — № 4. — С. 91–95.
4. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ 04.08.2014. — № 31, ст. 4398.
5. Потапова, Н. В. Вероисповедное законодательство Российской империи в начале XX в.: «свобода совести» и «веротерпимость» / Н. В. Потапова // История государства и права. — 2010. — № 10. — С. 25–32.
6. Просвещение и религиозная толерантность. Резолюция ГА ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/128&Lang=R — (Дата обращения 02.05.2019г.).
7. Терпимость и толерантность. Официальный сайт Никольского храма п.Добринка Липецкой области Липецкой епархии РПЦ МП [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://pravera.ru/index/terpimost_i_tolerantnost_otlichie_raznykh_ponjatij/0-2672 — (Дата обращения 02.05.2019г.).
8. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ, 29.09.1997. — № 39, ст. 4465.

УДК 378: 316.7

*Г.А. Кообар**G.A. Koobar*

**ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ:
К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА ИСТОРИИ РОССИИ
ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ**

**THE PRACTICE OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS:
ON THE ISSUE OF TEACHING THE COURSE OF RUSSIAN HISTORY
TO FOREIGN STUDENTS**

Аннотация. Статья посвящена особенностям процесса преподавания курса истории иностранным студентам и связанным с этим процессом трудностям в межкультурной коммуникации. Автор выделяет три основных группы проблем: языковой барьер, разный уровень и содержание базовых исторических знаний, разная интерпретация исторических событий и исторического прошлого. В статье отмечается, что осознанное преодоление этих трудностей может способствовать более успешному формированию межкультурных связей.

Ключевые слова: практика межкультурных коммуникаций, история России, иностранные студенты, проблемы преподавания курса истории.

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of the process of teaching the course of history to foreign students and the difficulties associated with this process in intercultural communication. The author identifies three main groups of problems: the language barrier, a different level and content of basic historical knowledge, a different interpretation of historical events and the historical past. The article notes that the conscious overcoming of these difficulties may contribute to a more successful formation of intercultural relations.

Key words: the practice of intercultural communication, Russian history, foreign students, problems of teaching history course.

Современную российскую образовательную среду невозможно представить без межкультурной коммуникации (понимаем этот термин в самом широком смысле как процесс взаимодействия носителей разных культур [2, с. 6]). Сегодня государство ставит перед российскими университетами задачу по обеспечению академической мобильности преподавателей, аспирантов и студентов, а также инициирует процессы встраивания российской системы образования в международные образовательные структуры путем привлечения иностранных студентов. Выполняя данные задачи, российские вузы ориентируются не только на профессиональную подготовку специалистов, но и создают условия для формирования комфортной социокультурной среды, определяемой активным взаимодействием с представителями других культур на основе толерантно-

го взаимоотношения. Отчасти именно это обстоятельство позволяет перенести теоретическое осмысление проблем межкультурной коммуникации в практическое поле, придает исследованиям вопроса прикладной характер. Наибольшей результативностью в этом отношении отличаются исследователи-филологи, давно и обстоятельно разрабатывающие вопросы межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам. А между тем проблемы межкультурного контакта остро проявляют себя при изучении дисциплин гуманитарного цикла, таких, например, как курс истории.

Так, опыт преподавания курса истории иностранным студентам из Северной Кореи, Монголии, Казахстана, Узбекистана, обучающимся на специалитете Омского государственного университета путей сообщения, позволяет выделить ряд образовательных проблем, ведущих к трудностям в межкультурной коммуникации.

Во-первых, постижение курса затрудняет языковой барьер. И если общенаучная терминология (например феодализм, индустриализация, революция) как правило является понятной, то термины, имеющие сравнительно узкое значение, или термины, актуальные только в рамках российской истории (например боярин, полюдьё, земский собор), вызывают затруднение, требуют отдельных пояснений, проработки и закрепления. Возникает необходимость методического обеспечения курса: составления терминологического словаря, лексического минимума по дисциплине.

Во-вторых, изучение курса истории в российских вузах предполагает формирование у обучающегося целостного восприятия всемирно-исторического процесса, при опоре на основные проблемы российской истории. С одной стороны, этот подход предполагает изучение базовых фактов из истории наиболее крупных стран, регионов и цивилизаций, но с другой — содержание курса ориентировано прежде всего на российского студента, а значит, не предусматривает изучение локальных проблем отдельных народов и государств. Так, история России в основном связывается с историей западноевропейской цивилизации, с процессом и особенностями формирования земледельческой культуры, поэтому большая часть курса сконцентрирована на этих вопросах, а истории наших восточных соседей, связанной на историю Востока и вопросы становления кочевых цивилизаций, уделяется сравнительно немного внимания. Поэтому в рамках аудиторных занятий зачастую весьма затруднительно актуализировать багаж исторических знаний, имеющийся у иностранных студентов.

Но наиболее часто процесс взаимного понимания затрудняют разная оценка и интерпретация исторических событий как локального, так и мирового характера. Особенно болезненными являются вопросы общего исторического прошлого для студентов из стран, ранее входящих в состав Российской империи и СССР. Известно, что в истории взаимоотношений народов бывшего СССР есть целый ряд дискуссионных тем и спорных исторических личностей, и в рамках современных социальных, политических, культурных реалий весьма затруднительно их объективное изучение. Отметим, что обсуждение именно этих тем зачастую становится основой межкультурных конфликтов и затрудняет вопросы эффективной межкультурной коммуникации. Преподаватели-практики

отмечают, что традиционные для российской исторической науки трактовки этих тем могут восприниматься иностранными студентами как посягательство на национальные святыни [1, с. 185]. Именно поэтому основными задачами преподавания курса истории иностранным студентам становятся обсуждение накопившихся проблем, поиск исторического консенсуса, приглашение к открытому диалогу и деликатное ознакомление их с позицией отечественной историографии по общим сложным вопросам. Преподавание курса истории иностранным студентам предоставляет нам сегодня уникальную возможность способствовать формированию положительного имиджа России на международной арене, создавать прочные международные связи, напрямую способствовать процессу межкультурной коммуникации. Представляется, что корректное освещение спорных исторических моментов позволит создать у иностранных студентов положительный опыт межкультурного диалога, а приобретенный формальный и неформальный опыт общения в российской образовательной и культурной среде, возможно, приведет к более толерантному восприятию острых моментов общей истории.

В заключение отметим, что современная педагогическая практика преподавания истории находится только в начале пути по осознанному формированию поля межкультурной коммуникации и осознания важности того обстоятельства, что изучение понимания представителями различных культур базовых категорий исторической науки может способствовать более успешному формированию межкультурных связей.

Библиографический список

1. Войтович, А. В. Специфика подготовки учебного пособия по истории России для иностранных слушателей подготовительного отделения // А. В. Войтович // Международное образование и межкультурная коммуникация: проблемы, поиски, решения : сборник трудов международной научно-практической конференции, г. Томск, 26–27 октября 2016 г. — Томск : Изд-во ТПУ, 2016. — С. 182–186.
2. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 124 с.

УДК 130.2

*Н.С. Мандрыгина**N.S. Mandrygina***ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ****EFFECT OF THE TRANSFORMATION
OF CONVERGENT TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Аннотация. В данной статье анализируются варианты развития межкультурного диалога в контексте изменения конвергентных технологий. Освещаются проблема появления нового антропологического вида и варианты построения его диалога с культурой.

Ключевые слова: конвергентные технологии, межкультурный диалог, межкультурные коммуникации, трансформация, постчеловек.

Annotation. This article analyzes the options for the development of intercultural dialogue in the context of changes in convergent technology. The problem of the emergence of a new anthropological species and options for building its dialogue with culture is highlighted.

Key words: convergent technologies, intercultural dialogue, intercultural communication, transformation, postman.

Вопросы о месте и роли человека в природе и социуме во все времена являются актуальными. Формирование как собственного, так и коллективного сознания является одной из важных составляющих в процессе межкультурных коммуникаций. Современная эпоха характеризуется стремительным темпом во всех областях человеческой деятельности.

Технологическая, информационная, биологическая и прочие конвергентные сферы постоянно находятся в процессе трансформации, что оказывает влияние на восприятие человека, как самого себя, так и его окружения. «Сам термин “NBIC-конвергенция” был введен в 2002 г. Михаилом Роко и Уильямом Бейнбриджем, которые подготовили отчет “Converging Technologies for Improving Human Performance” во Всемирном центре оценки технологий (WTEC). Отчет посвящен раскрытию особенности NBIC-конвергенции, ее значению в общем ходе развития мировой цивилизации, а также ее эволюционному и культурообразующему значению. Данный этап возникновения NBIC-конвергенции стали называть “посткастельсовским” в честь М. Кастельса, который увидел предпосылки и генезис феномена конвергенции в информационно-технологическом обществе» [3, с. 39].

Из выше сказанного становится понятным, что конвергенция подразумевает под собой не только трансформацию и слияние наук и технологий, но и человека. «Синергетический и сетевой путь такой конвергенции предвещает целый сонм технологических инноваций, глобально трансформирующих механизм развития всей человеческой цивилизации. Футурологический потенциал таких трансформаций огромен и оптимистичен» [1].

«Современный человек находится во власти технократического мышления, которое порождает идею неограниченных возможностей преобразования человеком не только природы, но и собственного телесного и психического статуса» [2]. В связи с этим необходимо обратить внимание на возможные последствия этого развития, которые становятся началом не только революционных нано- и технопреобразований, но и кардинальных преобразований самого человека в так называемого трансчеловека/постчеловека. Поскольку на сегодняшний день такой трансформации еще не произошло, поэтому мы можем об этом рассуждать только в рамках какой-либо прогностической теории, представленной в научных или художественных интеллектуальных трудах. Так, представленный в произведениях научно-фантастического жанра концепт антропологического существа, которое по сюжету появляется в результате каких-либо модификаций, выступает противоположностью и зачастую находится в оппозиции с породившей его же культурой и ее носителями. В данной ситуации возможны следующие вариации диалога между «Своим» и «Чужим» и «Своим» и «Другим». При этом отсутствует возможность диалога между «Своим» и «Своим», даже несмотря на то, что данный вид порожден внутри культуры и не несет в себе потенциальной угрозы, и все равно воспринимается как нечто инородное.

Бинарная оппозиция «Свой» и «Чужой» представляет собой негативно окрашенное противопоставление, «Чужой» выступает как подавляющий элемент, не дающий возможности для самореализации традиционным носителям культуры. Позиция «Другого» не имеет какой-то конкретной эмоциональной окраски и может восприниматься как «Свой», так и как «Чужой», благодаря чему выстраиваются такие формы как «Другой-Свой» и «Другой-Чужой».

Как у представителей «Чужих», так и у представителей «Других» в научно-фантастических произведениях трансформированы элементы NBIC-конвергенции. В результате какого-либо изменения в нано-, био-, информационных и когнитивных установках появляются новые сверхвозможности, которые и отличают «Чужих» и «Других» от представителей «Своих». «Чужие» и «Другие» выступают как более сильные, выносливые представители, порой даже обладающие бессмертием. Благодаря этому они уже выходят на качественно иной антропологический уровень и не являются людьми в традиционном понимании этого слова, это уже постчеловек/трансчеловек.

В реалиях же изменение NBIC-конвергенции возможно следующим образом: при перестройке тела будут использованы био- и нанотехнологии, вмешательство в генетический код, в строение и функции организма, за перестройку разума будут отвечать когнитивные технологии, вно-

ся изменение в сознание, в мозговые функции, мыслительные процессы, из-за чего и возникает потребность в переосмыслении процессов коммуникации между индивидами. Человечество не трансформируется одно-моментно и все сразу. Выстраивается более сложный многоступенчатый межкультурный процесс между человеком и постчеловеком как с «Другим». В культуре появляется «Другой», который должен выстраивать диалог не только с культурой, которая его создала «Другой-Свой», но и с представителями других культур и цивилизаций «Другой-Чужой».

Библиографический список

1. Шевченко, Ю. С. Концепт «Конвергентные технологии» [Электронный ресурс] / Ю. С. Шевченко, О. И. Николенко // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — Режим доступа : <https://scienceforum.ru/2015/article/2015010462> — (Дата обращения: 25.04.2019).
2. Фесенкова, Л. В. Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня [Электронный ресурс] / Л. В. Фесенкова, Е. Д. Дерябина // Культурное наследие России. — 2015. — № 4. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-preobrazovaniya-cheloveka-v-sovremennoy-kulture-problema-transgumanizma-segodnya> — (Дата обращения: 25.04.2019).
3. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий : коллективная монография / отв. ред. д. ф. н., проф. И.К. Лисеев. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 344 с.

УДК 130.2

*В.С. Невелева**V.S. Neveleva***МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАНИЯ****EDUCATION POTENTIAL IN CREATING THE WORLD**

Аннотация. Миротворчество рассматривается в аспекте антропологической онтологии как самодостаточный процесс внутреннего миростроительства, мироустроения, создания собственного мира человека как индивидуальности. Обосновывается, что без миротворчества нет человека. С точки зрения философии человека оцениваются задачи и возможности миротворческого образования, непрерывного образования, образования в целом как социокультурного института.

Ключевые слова: мир, мир человека, миротворчество, миротворческое образование, философия образования, философская антропология.

Annotation. Peacemaking is considered in the aspect of anthropological ontology, as a self-sufficient process of internal peace-building, the creation of one's own person's world as an individual. It is substantiated that without the world-creativity there is no man. From the point of view of human philosophy, the tasks and opportunities of peacekeeping education, lifelong education, education as a whole as a socio-cultural institution are assessed.

Keywords: world, world of human, world-creativity, peacemaking education, philosophy of education, philosophical anthropology.

Миротворчество в настоящее время существует как актуальная и эффективная международная социальная и политическая практика, вид деятельности и совокупность связанных с ее осуществлением отношений, институций, норм и т.д. Содержание и смысл этой деятельности определяют и значение термина «миротворчество» во всем комплексе социально-политических наук, конфликтологии, теории международных отношений. В англоязычной литературе термины *peacebuilding*, *peacemaking*, *peacekeeping* связаны с различными стадиями конфликтов. О миротворчестве преимущественно упоминается в контексте оппозиции война — мир.

Разумеется, термин «миротворчество» имеет и другие значения, а соответствующие ему понятия — другое содержание, когда они становятся элементами дискурсов о культуре и человеке, т.е. выходят за пределы сферы социально-политических отношений. Достаточно вспомнить хотя бы идею Н.К. Рериха о «мире через культуру» (без культуры нет мира), идеи русских философов и мыслителей, которые о миротворчестве говорили в широком философско-культурологическом, философско-нравственном контекстах, в рамках принципиальной мировоззренческой и культурной оппозиции добра и зла. В этом случае миротворче-

ство предстает как культурный феномен, а понятие миротворчества приобретает гуманистическое содержание независимо от того, определяется ли оно с религиозно-философской или светской точки зрения.

В философском смысле понятие миротворчества может быть истолковано онтологически, поскольку оно отсылает к универсалии «мир» как «одной из самых фундаментальных онтологических интуиций» [1], а также — к одному из основополагающих феноменов (одному из идентификационных признаков) человеческого бытия — творчеству. Это дает основание утверждать, что «миротворчество» можно представить как одно из базовых понятий антропологической онтологии, непосредственно связанных с проблемами бытия человека, способов его существования и его «жизненного мира». Миротворчество тем самым рассматривается в рамках онтологической оппозиции бытия и небытия. Понятие миротворчества в таком случае соответствует творчеству мира человека, того единства, целостности, варианта «сборки», без которого не существует человек вообще как уникальный род сущего и каждый отдельный человек в его реальном существе и существовании. Это требует учитывать ряд обстоятельств: во-первых, что творчество в данном случае не является отдельным творческим актом, не может быть понято как осуществляемое в рамках реализации некоего проекта, миротворчество есть процесс; во-вторых, мир человека, являясь единством различных элементов, созданной «целокупностью синтеза» (И. Кант), имеет внутреннюю (мир человеческой субъективности) и внешнюю (объективированные формы) составляющие, сопряженные друг с другом в процессе миротворчества, но демонстрирующие различную степень «гибкости», готовности к изменению; в-третьих, в этом процессе человек не является только пассивным участником, без личного соучастия созданный мир не становится *его собственным* миром, а он в нем *не сам*.

В истории любого народа, любого общества складываются и функционируют культурные институты, с помощью которых в процессе миротворчества человек оснащается необходимыми культурными средствами и технологиями, в сфере деятельности этих институтов создается пространство миротворческой деятельности человека. Одним из таких институтов является институт образования. Учитывая сказанное, возможно вести речь о миротворческом потенциале образования. Подобное понимание отличается от того, что связано с реализацией специальных образовательных программ (под эгидой ЮНЕСКО) во многих странах мира. Их обозначают как программы «миротворческого образования» (используются также термины «миротворческое воспитание», «образование для культуры мира», «воспитание в духе мира», «peace education»). Миротворческое образование стало самостоятельным направлением в педагогической науке и практике [2]. Такое образование предполагает развитие миротворческого сознания, воспитание миролюбивой личности, уважающей людей разных национальностей, их культуру, образ жизни, воспитание личности, осознающей необходимость мирного диалога при разрешении любых проблем, способной к сотрудничеству с разными людьми. В указанном смысле миротворческое образование, конечно, предполагает как определенное направление развития внутреннего мира (сознания) человека, так и формирование его готовности к реальной межкультурной коммуника-

ции во внешнем мире, осуществляемой по «схемам» мирного сосуществования. Однако при этом и то, и другое все-таки подчинены задачам социализации человека в условиях современной действительности, глобализирующегося мира с его сложной и быстро меняющейся организацией. В ситуации естественной или вынужденной мобильности представителей различных народов, культур это действительно важно. Такое образование — своеобразная превентивная мера, профилактика возможных конфликтных отношений. В этом случае на первом месте задачи педагогического характера — формировать личность, наделенную определенными ценностными установками, знаниями, умениями и навыками, то есть задачи, опосредованные необходимостью реального функционирования личности в сложившихся объективных условиях. Прояснение фундаментального основания миротворческого образования (и образования как такового), его содержания и смысла — дело философии, философии образования и философской антропологии, в частности. Миротворчество в их контексте — это, в первую очередь, самодеятельный процесс внутреннего миростроительства, мироустроения, создания собственного мира человека как индивидуальности; без миротворчества нет человека. В этом смысле вполне действует известная «формула» К. Маркса — человек есть мир человека. Это самообразование, образование себя самого — не прагматическая процедура для человека, при том, что без ее осуществления человек вряд ли сможет организовать и свой собственный внешний мир.

У современного образования как социокультурного института много новых задач, связанных с необходимостью жизни и деятельности человека в современном динамичном мире, где он должен быть готов к мобильному существованию. Один из приоритетов в связи с этим — непрерывное образование, образование через всю жизнь, которое становится одним из способов адаптации к меняющимся условиям жизни, своеобразному «кочевничеству». В нем внешние миры человека меняют свои конфигурации, в том числе и по инициативе самого человека. Но они остаются для него все-таки *своими* мирами, если при этом человек выстраивает их в соответствии с изменениями своего внутреннего мира, вернее, с его перенастройкой, новой «сборкой», в которой обеспечивается сохранность ядра индивидуальности человека, его *личного начала*. Без этого любые попытки встроить человека во вновь сложившиеся обстоятельства выглядят именно как внешние адаптационные процедуры, технологии адаптации. В таком случае это не процесс миротворчества, а социальные практики в действии. Поэтому непрерывное образование как инструмент социальной мобильности не может исключать кропотливого труда создания человеком себя как индивидуального мира, а значит, сохраняет свою значимость и образование как возделывание человека.

Библиографический список

1. Визгин, В. П. Мир. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / В. П. Визгин // Электронная библиотека ИФ РАН. — Режим доступа : <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdfeb018c388489a2579b> — (Дата обращения: 30.04.2019).
2. Дзейтова, М. Х. Проблемы терминологии в миротворческом образовании [Электронный ресурс] / М. Х. Дзейтова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — Режим доступа : <http://jurnal.org/articles/2006/ped9.html> — (Дата обращения: 30.04.2019).

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ:
ИДЕИ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

УДК 75.051

Т.А. Адамова, А.А. Почежерцев, Г.З. Мухаметчина

T.A. Adamova, A.A. Pochezhertsev, G.Z. Mukhametchina

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЖИВОПИСНОЙ КОМПОЗИЦИИ

THE FORMATION OF THE INTERDISCIPLINARY KNOWLEDGE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF THE PICTORIAL COMPOSITION

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы формирования метапредметных знаний студентов вуза в процессе обучения живописи. Одним из видов деятельности, по мнению автора, по формированию метапредметных знаний является живопись. Освоение студентами пейзажной живописи, овладение средствами ее выразительности способствуют возможности исследовать, изучать, делать открытия, экспериментировать благодаря визуальной информативности живописных произведений (цвет, история искусств, природа бытия, обычаи и традиции, перспектива, геометрические построения и мн.др.), что, несомненно, оказывает действенный эффект на процесс формирования метапредметных знаний.

Ключевые слова: метапредметные знания, живопись, композиция, визуальная информативность живописных произведений.

Annotation. The article deals with the problems of formation of metasubject knowledge of University students in the process of studying painting. One of the activities, according to the author, of the formation of metasubject knowledge is painting. Mastering landscape painting and means of expression contributes to the ability to explore, learn, make discoveries, to experiment thanks to the visual informativeness of paintings (color, art history, the nature of existence, customs and traditions, perspective, geometric constructions, etc.), which undoubtedly has a strong effect on the formation of interdisciplinary knowledge.

Keywords: metasubject knowledge, painting, composition, visual informativeness of paintings.

Известно, что художественная деятельность наиболее эффективно влияет на процесс формирования творческой личности, потому что такая деятельность носит эмоционально-образный, ассоциативно-субъективный характер. Поэтому для художественного образования становится наиболее актуальным условием качественной подготовки студентов — будущих преподавателей дополнительного художественного образования формирование у них метапредметных знаний.

Значению художественного образования и воспитания в условиях вуза посвящены работы ученых Н.Н. Ростовцев, Е.В. Шорохов и др. В этих

работах освещаются проблемы эффективности проводимой профессиональной подготовки студентов художественных вузов.

Диссертационные исследования последних лет в области высшего художественного образования показывают значимость творческой деятельности в организации образовательного процесса, раскрывают проблемы в формировании профессиональных художественных качеств личности педагога дополнительного образования, проблемы деятельностного подхода в подготовке специалистов (Р.И. Барциц, В.Н. Банников, А.А. Ковалев, В.И. Козлов, Ю.В. Коробко, Е.Ф. Кузнецов и др.); наиболее оптимальные пути раскрывают исследования профессионально-педагогической подготовки педагога искусства (Л.А. Рапацкая, Н.А. Терентьева).

Проведенный анализ педагогической, психологической, философской литературы свидетельствует о достаточно большом внимании многих исследователей к самому процессу художественного образования будущего педагога. Однако во многом в данных исследованиях не рассматривается суть метапредметного содержания художественного образования в вузе.

О метапредметных знаниях известно давно, но всерьез заинтересовались данным подходом в обучении лет двадцать назад.

Из истории педагогики известно, что обособленность разных научных дисциплин и учебных предметов друг от друга досталась нам в наследство еще от XVII века, когда началось бурное развитие научного знания, возникли образовательные модели, которые были ориентированы на воспроизводство и закрепление результатов развития отдельных научных дисциплин и подготовку специалистов под конкретные области знания.

Эти обстоятельства привели к тому, что постепенно содержание дисциплин и все более узких специализаций стали разрастаться, все это находило свое отражение в сфере образования, что привело к заметной раздробленности научного знания. Такая раздробленность получала свое закрепление в раздробленности учебных дисциплин как в сфере высшего, так и в сфере среднего образования. Все это в конечном счете приводит к фрагментарности знаний, оторванности их от практического применения.

Поэтому метазнания (знания о знаниях, способах их получения), метаспособы (универсальные способы решения познавательных задач), метаумения (общеучебные, междисциплинарные (надпредметные) познавательные умения и навыки) относятся в свете современных изменений к основным элементам концепции современного образования.

Итак, все эти понятия объединяет иноязычная приставка «мета», синонимичная русским «за», «над» и придающая этим понятиям значение «всеобщее», «интегрирующее», «универсальное».

Метапредметность позволяет узнать, как получить знания и проанализировать все в целом, что позволяет диффундировать одному предмету в другой.

Метапредметная педагогика — один из ведущих подходов к построению нового содержания образования, основывающийся на включении в содержание образования культурологических способов и средств мышления и деятельности.

Проблему формирования метапредметных знаний рассматривали в своих трудах А.В. Хуторской, Ю.В. Громыко, С.В. Галян, А.К. Маркова и др.

Так, в своих исследованиях А.В. Хуторской рассматривает сущность термина: «Метапредметность характеризует выход за предметы, но не уход от них. Метапредмет — это то, что стоит за предметом или за несколькими предметами, находится в их основе и одновременно в корневой связи с ними. Метапредметность не может быть оторвана от предметности» [7, с. 25].

Предметность наиболее полно и образно рассматривается на практических занятиях в ходе изучения дисциплин профессионального цикла в вузе с художественным направлением. В этой связи Светлана Владимировна Аранова говорит о важности искусства в профессиональной подготовке студентов творческих специальностей, о том, что благодаря визуально-информативному произведению можно формировать метапредметные знания.

Поэтому в современных концептуальных программах по изо рассматривается метапредметный подход.

Так, например, преподавателями кафедры искусств О.А. Бакиевой и С.И. Мокроусовым был разработан алгоритм действий, направленных на формирование метапредметных знаний студентов педвуза в процессе изучения предметов профессиональной подготовки, содержащий следующие этапы — стратегический (мотив, цель, план, средства, организация, действия, результат, анализ); исследовательский (факт, проблема, гипотеза, проверка-сбор новых фактов, вывод); проектировочный (замысел, реализация, рефлексия); моделирующий (построение посредством знаковых систем мыслительных аналогов — логических конструктов изучаемых систем); конструирующий (выстраивание системы мыслительных операций, выполнение эскизов, рисунков, чертежей, позволяющих конкретизировать и детализировать проект) — и апробированный в практической деятельности в ходе выполнения студентами социального проекта «Искусство без границ» [5, с. 56–61].

При этом рассматривается процесс формирования метапредметных компетенций, которые, как известно, отличаются от метапредметных знаний тем, что компетентностный подход нацеливает не на большую информированность студентов, а на способность самостоятельно решать профессиональные задачи [4, с. 20–24].

Одним из ярких примеров такой взаимосвязи может выступать живопись. Известно, что выразительным средством живописи является цвет и на основе этого строятся все основные подходы в работе по данному виду творческой деятельности.

Фундаментом любого живописного произведения является композиция.

При помощи законов и элементарных приемов композиции на плоскости и в пространстве можно «выходить» за пределы одной дисциплины и погружаться в психологию цвета, цветотерапию, философский аспект цвета, перспективу и геометрию.

К таким понятиям, как горизонталь, вертикаль и диагональ в построении композиции, можно прийти через принципы построения золотого сечения. Пропорции и перспектива изучаются на рисунке и других свя-

занных с ним предметах. Благодаря понятию ритм в композиции также можно изучить ритм в музыке.

Просматривая взаимосвязи различных, на наш взгляд, дисциплин, можем отметить, что все они прямо или косвенно связаны между собой. Исходя из этого у студента должен формироваться ряд метапредметных знаний, построенных на анализе, синтезе и обобщении.

Студент как будущий универсальный специалист, опираясь на метапредметные знания, должен уметь: нестандартно мыслить, использовать обобщенные способы деятельности для получения и применения знаний. Лишь умение добывать и применять знания поможет воплотить в жизнь намеченные планы, анализировать и создавать новые творческие произведения искусства.

В статье С.В. Арановой написано: «Известно, что изображение — это язык, в котором присутствуют компоненты: знаковость, системность и коммуникативность. Как фраза складывается из слов, так и графическое произведение может быть составлено из подобных элементов. Коммуникативность как свойство передавать, транслировать информацию предопределяет особые отношения между автором и реципиентом, а с соблюдением логических требований применения графических единиц и средств — ясности, точности, последовательности и доказательности — создает оригинальное визуально-информационное произведение. Владение названными свойствами изобразительного языка помогает студенту и в обучении, и в самообразовании» [2].

Таким образом, можно обобщить все вышеизложенное. Сама творческая деятельность студента в ходе изучения дисциплин профессионального цикла, таких как живопись, дает возможность исследовать, изучать, делать открытия, экспериментировать благодаря визуальной информативности живописных произведений (цвет, история искусств, природа бытия, обычаи и традиции, перспектива, геометрические построения и мн. др.), что, несомненно, оказывает действенный эффект на процесс формирования метапредметных знаний.

Однако в практике обучения, где зачастую предметы профессионального цикла ведутся с точки зрения технологичности обучения, где студенты натаскиваются на освоение изобразительных приемов живописи, многоаспектные знания по живописи используются скорее фрагментарно, нежели в полном объеме. В чем и заключается еще одна проблема. Если учесть, что около 80% информации воспринимается человеком благодаря зрению, то легче было бы построить обучение на визуальном ряде с минимальным количеством теории и большим количеством практической части.

Акцентируя внимание на данном методе обучения, современному педагогу необходимо освоить метапредметный подход в обучении, который основан на реализации содержательно-целевой и организационно-деятельностной интеграции предметных методик и нацелен на преодоление недостатков, сопряженных с разрозненностью узкопредметных знаний и умений учащихся. Данный подход, в отличие от традиционного обучения, дает возможность рассмотреть задачи и функции интеллектуально-графической деятельности в образовании под новым углом восприятия [6].

Требования к метапредметным результатам обучения — это новый методологический подход в отечественном образовании. Но все, что возникает и тем более утверждается как общее требование, образуется не на пустом месте, а подготовлено длительными педагогическими поисками.

Преподавание дисциплин профессионального цикла «Живопись» на основе метапредметных технологий напрямую связано с работой по формированию мировоззрения студентов. Метапредметный подход задает нам новые возможности и предъявляет более строгие требования к работе с мировоззрением студентов, с их самоопределением, с обретением ими самостоятельной активности и устремлений в понимании мира вокруг нас, самостоятельных их усилиях обретения смысла жизни. Мы способны формировать отношение к нашему предмету у студентов как особой школе становления необходимых связей в системе «человек — общество — природа».

Метапредметный подход утверждает, что смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у студентов опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных и нравственных проблем, которые и составляют содержание образования. Освоение дисциплины «Живопись» является необходимой основой для последующего изучения дисциплин по выбору студентов, прохождения педагогической практики, подготовки к итоговой государственной аттестации.

Таким образом, метапредметный подход в изучении дисциплины «Живопись» позволяет обеспечить переход от существующей практики дробления знаний на предметы к целостному образному восприятию мира и помочь студенту овладеть такими способами деятельности, которые будут применимы им как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях. Метапредметность как принцип интеграции содержания образования, как способ формирования теоретического мышления и универсальных способов деятельности позволяет обеспечить формирование целостной картины мира в сознании.

Библиографический список

1. Алехин, А. Д. Когда начинается художник : кн. для учащихся / А. Д. Алехин. — Москва : Просвещение, 1993. — 160 с., 8 л. ил.
2. Аранова, С. В. Интеграция художественного и логического — метапредметная задача обучения изобразительному искусству в школе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/aranova12-12-2010.pdf (дата обращения : 9.04.2018).
3. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм ; пер. с англ. В. Н. Самохина ; общ. ред. и вступ. ст. В. П. Шестакова. — Москва : Прогресс, 1974. — 392 с.
4. Бакиева, О. А. Интегративный подход как средство формирования метапредметных компетенций будущих учителей изобразительного искусства в условиях инклюзивного образования / О. А. Бакиева, С. И. Мокроусов // Вестн. Челябинского государственного педагогического ун-та. — 2016. — № 5. — С. 20–24.
5. Бакиева, О. А. Формирование метапредметных знаний студентов педагогического вуза в процессе изучения предметов профессиональной подготовки / О. А. Бакиева, С. И. Мокроусов // Педагогика искусства. — 2015. — № 4. — С. 56–61.
6. Беда, Г. В. Основы изобразительной грамоты : рисунок, живопись, композиция / Г. В. Беда. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Просвещение, 1981. — 239 с., ил.
7. Метапредметное содержание образования // Хуторской, А. В. Современная дидактика : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. — Москва: Высш. шк., 2007. — С. 159–182.

УДК 159.9.01

*Н.Г. Апухтина**N.G. Apukhtina*

Л.Н. ГУМИЛЕВ О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ КАК ФУНДАМЕНТЕ МИРОТВОРЧЕСТВА

L.N. GUMILYOV ABOUT THE RUSSIAN CHARACTER AS THE BASIS OF PEACEMAKING

Аннотация. Опираясь на гипотезу и методологию Л.Н. Гумилева, автор раскрывает представление о русском характере, его истоках, важнейших чертах, функциях в истории и современности. Автор акцентирует внимание на миролюбии русского суперэтноса, способного позитивно и стратегически подходить к решению проблем по обеспечению мирного будущего.

Ключевые слова. Л.Н. Гумилев, этнос, этногенез, суперэтнос, культура, характер, этнопсихология, миротворчество.

Annotation. Basing on the hypothesis and methodology by L.N. Gumilyov, the article reveals the notion of the Russian character, its origins, its most important features, its functions in history and the present. The author emphasizes the pacifism of the Russian superethnos able to positively and strategically approach to solving the problems of the peaceful future provision.

Key words: L.N. Gumilyov, ethnos, ethnogenesis, superethnos, culture, character, ethnopsychology, peacemaking.

Лев Николаевич Гумилев — один из наиболее популярных философов второй половины XX века в России. Продолжатель евразийства, опираясь на теорию круговорота локальных цивилизаций, он создал оригинальное учение об этногенезе. Своеобразие взглядов ученого активизировало споры о роли человека, личности и сообществ в истории, о характере этноса и его представителей в дискурсе месторазвития и ландшафтов. Одними из центральных понятий учения Л.Н. Гумилева стали понятия «этнос», «этногенез», «пассионарность» и др.

Сам Л.Н. Гумилев под пассионарностью понимал особую активность индивида в стремлении к цели, способность к сверхнапряжению и одновременной жертвенности при достижении общей цели. Презрение к индивидуальным потребностям, настойчивое движение к удовлетворению социальной, часто идеальной (идеализированной), потребности. Одна из существенных черт пассионарности — потребность человека в лидерстве. Опираясь на историко-биографический метод, Л.Н. Гумилев определяет пассионарность как устойчивый, инвариантный для различных эпох и этносов комплекс психических и поведенческих характеристик и черт человека и этноса. Пассионарий — человек, обладающий врожденной спо-

способностью воспринимать из внешней среды энергии больше, чем это требуется для индивидуального и видового самосохранения, и транслировать эту энергию в виде целенаправленной работы по существенному изменению окружающей среды. Другой особенностью пассионария является способность активно влиять на психику и поведение окружающих людей, что названо Л.Н. Гумилевым «пассионарной индукцией», которая приводит к существенному возвышению активности человеческих коллективов на разных этапах их истории. Анализ биографий выдающихся личностей мира и России, осуществленный Л.Н. Гумилевым [2], коснулся ряда исторических героев, у которых общим было следующее: внутренняя активность в стремлении к деятельности, осуществляемой зачастую по принципу «не благодаря, но вопреки»; признание явных достоинств пассионария в его окружении, что порой сопровождалось своеобразной конкуренцией с окружением, а иногда оборачивалось скудной, аскетичной повседневной жизнью, а то и гибелью пассионария.

Тщательное изучение десятков народов Земли стало обширной эмпирической базой для создания концепций мировой истории взаимодействия народов, их формирования, подъема и упадка. Концепция Л.Н. Гумилева имеет ряд теоретико-методологических оснований, а именно:

1) единство природного и социального в планетарном становлении и развитии человека и человечества;

2) центральная категория этноса рассматривается двояко: а) как социокультурная человеческая общность и б) как форма внутренней дифференциации вида *homo sapiens*, складывающаяся в зависимости от географических условий жизни, особенностей хозяйственной деятельности [2, с. 186], что верно, по мнению ученого, не только для Евразии, но и для всего земного шара [2, с. 186]. Один из «основных процессов этногенеза в Евразии возник при сочетании горного и степного ландшафтов, породив группу урало-алтайских народов» [2, с. 186, 211].

Этногенез — процесс формообразования этноса при условии синтеза исторического и ландшафтного факторов, в результате чего складывается этноценоз, в котором проявляются общность языка, религии, культуры, государственной принадлежности. Этнос может интегрировать иные этносы, становясь суперэтносом («Запад» и «Восток»), и включает множество субэтносов (поморы, старообрядцы, казаки в России), которые могут интегрироваться в народности, народы, нации, государства и их союзы.

Л.Н. Гумилев, выявляя механизмы этногенеза, отмечает, что этносы рождаются там, где есть неповторимое сочетание элементов ландшафта, территории, названное им «месторазвитием» [2, с. 267]. Именно оно определяет духовный склад, обычаи и психологию тесно контактирующих народов. Пассионарии благодаря избытку биохимической энергии стремятся изменить мир, осуществляют дальние походы, путешествия либо самоотверженно противостоят захватчикам, защищая свою землю. Пассионарии создают и транслируют новые религии, научные идеи и достижения. Именно пассионарии — своеобразный фермент этногенеза, его движущая сила и источник слома старых моделей мышления и поведения. Для этногенеза нужна высокая концентрация пассионариев в популяции. Фаза подъема содержит процесс активного втягивания соседних

народов в единый процесс [2, с. 261, 323], она сменяется акматической фазой со «взрывами этногенеза», «пассионарными толчками» и т.п., и все же в ходе этой фазы энергия пассионарности активно используется, рассеивается из-за усиления борьбы, конфликтности, сопротивления некогда соратников и оппонентов. Пассионарии активно сражаются как против объективных обстоятельств, так и против друг друга, что приводит к потерям пассионариев. Продолжая инерционную фазу, этнос восстанавливает относительное равновесие, что содействует производству культуры (особенно материальной), укреплению государственности, снижению требований к человеку и его духовности, уменьшению числа творцов. Фаза обскурации по существу означает необратимый распад, а фаза мемориальная означает, что этнос слабеет творчеством ради исторических традиций и фольклорного состояния культуры. «Уважение к предшественникам состоит в том, чтобы продолжать их подвиги, а не забывать о том, что они сделали и для чего» [2, с. 258].

Общая динамика этногенеза, длящаяся 1200–1500 лет, конкретизируется Л.Н. Гумилевым по отношению к России. Ученый считает, что отечественная история отражает судьбу двух различных этносов. Восточнославянский образован в начале нашей эры в виде государства Киевская Русь, а с падением Новгорода путь этого этноса подошел в конце XV в. к завершению. Другой этнос — собственно русские, чья история начинается с XIII–XIV вв. как история Московского царства, а затем Российской империи. На XVII–XVIII вв. пришлась акматическая фаза с повышенной пассионарностью; очевидно, с 1800 года начинается фаза надлома, продолжающаяся и поныне. Русский этнос примерно на 500 лет моложе западноевропейских этносов, которые ныне претерпевают инерционную фазу. Это обстоятельство позволяет серьезно усомниться в идеях западничества, популярных с 30–40-х гг. XIX в. Западная Европа — месторазвитие иного суперэтноса.

Обратив внимание на историю России, Л.Н. Гумилев продолжил идеи евразийства. Евразия — географически самый большой суперконтинент. Социокультурно — особая целостность, система гармоничных отношений народов, этнических групп, которые занимают соседние экологические ниши, ландшафты, взаимодополняющие друг друга формы человеческой деятельности [4]. Согласно Л.Н. Гумилеву, евразийцы осознают единство происхождения, судьбы и будущности составляющих Евразию народов, а потому особенно тяготеют к миролюбию и миротворчеству.

Обращая внимание на сложности развития мира на рубеже XX–XXI вв., можно, опираясь на учение Л.Н. Гумилева, прогнозировать растущее значение международных связей, в т.ч. по предотвращению угрозы Третьей мировой войны, погашению различных военных столкновений современности [1], благодаря урокам истории на просторах Евразии, а также особенностям психологии и характеров евразийских этносов.

Остановимся на характерах евразийцев и русского ядра евразийского суперэтноса. Л.Н. Гумилев пишет, что «модусы пассионарности свойственны почти всем людям», но в чрезвычайно разных дозах» [2, с. 257]. Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с разной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание и разру-

шение, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равновесию [2, с. 257].

Л.Н. Гумилев выдвигает понятие «этнопсихологический склад», который, по его мнению, «определяется климатом, рельефом, флорой и фауной этнических месторазвитий» [2, с. 354], при этом все культуры получили на базе означенных условий «подлинное и необходимо-достаточное развитие: земледельческие культуры Индии, охотничьи культуры эскимосов Канады, способ жизни жителей урбанистических агломераций современности» и т.д. [2, с. 354].

Русская культура «включает в свой состав культуры десятка других народов и издавна была связана с соседними народами», становясь от этого «универсальной и терпимой» [3, с. 3]. Страна полна пассионарным напряжением, о чем свидетельствуют исход в казачество, старообрядческие скиты, миграции на Урал и в Сибирь, крестьянские восстания и протест декабристов, многочисленная военная помощь за пределами страны и т.п., — все это осуществлялось в противовес личным интересам (имущественным, сословно-классовым) [4]. Но это были деяния и подвиги во имя социальной и политической справедливости в государстве и мире. «У России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [3, с. 5].

Черт русского национального характера много, и каждой противостоит противоположная: щедрости — скупость, доброте — злобность, любви — деспотизм и т. п. Но есть универсальные и общезначимые черты, о которых много пишут, говорят и спорят. Так, стремление к воле, свободе чаще всего проявляют юноши нации, обладающие большими потенциальными возможностями. Правильно и своевременно воспитанные черты характера определяют «бесценные свойства русского человека», в чем и состоит цель образовательной среды. Именно она вкупе с семьей «предотвращает или перенаправляет национальную характерную черту в позитивном направлении» [3, с. 6].

На наш взгляд, чертами национального характера становятся сформированные ценности труда (жажда деятельности; профессия, призвание), морали (способность выстроить гуманные и миролюбивые контакты человека с его ближним и дальним окружением) и творчество (позволяющее не только мечтать, но и прогнозировать будущее, планировать и осуществлять необходимые и должные изменения в мире) [1]. Именно этот базовый комплекс ценностей нашего российского современника позволяет успешно решить одну из труднейших задач современности — обеспечить мирное будущее планеты, страны.

Библиографический список

1. Апухтина, Н. Г. От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления : монография / Н. Г. Апухтина. — Челябинск : ЧГИК, 2006. — 196 с.
2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли : монография / Л. Н. Гумилев. — Москва : АСТ-АСТРЕЛЬ, 2006. — 512 с.
3. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 3–6.
4. Меняева, М. П. Культура согласия : сущность, становление, воспроизводство : монография / М. П. Меняева. — Челябинск, ЧГИК, 2018. — 231 с.

УДК 741.02:686.862.1

*М.Ю. Бирюков**M.Y. Biryukov***ТЕХНИКА РИСУНКА ПЕРОМ:
ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ПРИЕМЫ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ****PEN DRAWING TECHNIQUE:
THE ORIGINS, MATERIALS, SKILLS AND CURRENT TRENDS**

Аннотация. В статье рассматривается техника рисунка пером, истоки ее возникновения, используемые материалы, приемы, а также современные тенденции развития данного вида графического искусства. Свое начало техника рисунка пером ведет из глубины веков. Материалы и приемы перьевого рисунка достаточно разнообразны, их создавали выдающиеся мастера прошлого и современного изобразительного искусства. Техника рисунка пером особенно рекомендуется молодым художникам и студентам художественно-проектных специальностей как отличная школа тренировки верности руки и точности глаза.

Ключевые слова: графика; техника рисунка пером; графические материалы; перо; чернила; тушь; студенты художественно-проектных специальностей.

Annotation. The article discusses the technique of drawing with a pen, the origins of its appearance, the materials used, the skills, as well as modern trends in the development of this type of graphic art. The pen drawing technique starts from the depths of the ages. The materials and techniques of the pen drawing are quite diverse; they were created by outstanding masters of the past and of modern fine art. The technique of drawing with a pen is especially recommended for young artists and students of art-design specialties as an excellent school for training hand fidelity and eye accuracy.

Keywords: graphics; pen drawing technique; graphic materials; pen; ink; students of art design specialties.

Во все времена искусством графики занимались, при этом искренне отдаваясь ему, используя разнообразные графические техники и материалы, не только художники-профессионалы. Примером являются наши выдающиеся соотечественники, которые оставили о себе память не только в сфере своей основной деятельности, но и как самобытные художники-графики: М.В. Ломоносов, В.А. Жуковский, С.П. Королев, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Короленко, Ф.И. Шаляпин, К.Э. Циолковский, Т.Г. Шевченко и др. Многим из них графическое искусство помогало в их основной деятельности, дополняя ее и сливаясь с ней.

Одна из самых древних техник графического искусства в истории человечества — рисунок пером, который прошел долгий путь своего раз-

вития, о чем свидетельствуют многочисленные исторические источники, свое начало он ведет из глубины веков. Перо как инструмент для рисования своими широкими возможностями с давних пор привлекало к себе внимание художников. Великие мастера изобразительного искусства Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициан, Дюрер, Рембрандт, Делакруа, Менцель, Доре, И.Е. Репин, В.А. Серов, М.А. Врубель и многие другие оставили нам неповторимые и разнообразные по приемам исполнения образцы рисунков, выполненных этим инструментом.

Для рисунков пером необходимы чернила или тушь. Рецепт самых древних чернил не сохранился, но известно, что египтяне писали свои папирусы смесью сажи и масла. Аналогичным составом пользовались древние китайцы 2,5 тысячи лет до н.э. В Европе чернила появились значительно позже, когда точно — неизвестно, но в III веке до н.э. чернила уже использовались в Греции и Риме. Из пурпура и киновари в Древнем Риме делали красные «придворные чернила», которыми писались только государственные документы, даже был издан указ, который запрещал пользоваться красными чернилами за пределами императорского двора под страхом казни, эти чернила стерегла специальная стража [2]. В связи с этим широкое распространение получил абсолютно другой, более простой вид чернил — черная краска, которая применялась в живописи.

Древнеримские художники — современники Плиния и Витрувия — делали чернила из плодовых косточек, виноградной лозы, мягкой древесины, сажи, древесного и костного угля. Веком позже начали пользоваться чернилами из отвара коры дубильных растений. Эти виды чернил применяли на Руси и звали соответственно «чернилами копчеными» и «чернилами вареными» [3, с. 52].

В XVI веке стали применять железные чернила, которые используются и в наши дни, а также стали пользоваться чернилами, приготовленными на основе чернильных орешков — патологических наростов на листьях различных растений и деревьев. Измельченные чернильные орешки и железный «уклад» образовывали на дне сосуда «чернильное гнездо», куда вместо готовых чернил подливали свежий прилив, сделанный из ольховой коры. Гнездо служило долго, около 7–10 лет. Железо в гнезде помещали в виде связки пластинок, а нередко просто клали расщепленные замки, ключи, цепи, гвозди, некоторые считали лучшим вариантом использовать очень ржавое железо.

Чтобы более легко было выдержать одинаковые сроки нахождения чернил в гнезде, завели обычай: заливать чернила в гнездо, когда появлялся молодой месяц. Для того чтобы чернила не пропитывали тонкую бумагу и не расплывались, в них добавляли камедь (вишневый клей), а для уменьшения вязкости добавляли квасцы (двойную сернокислую соль алюминия, хрома или железа и какого-нибудь щелочного металла или аммония в форме кристаллов), а также имбирь и гвоздику.

В XVIII веке вместо кусочков железа стали использовать железный купорос, что резко повысило скорость приготовления чернил. Состав старинных чернильных рецептов стал более понятен после открытия дубильных кислот и был окончательно восстановлен после идентификации в 1876 году великим химиком Карлом Вильгельмом Шееле галло-

вой (орешковой) кислоты. При варке из ольховой коры в воду поступают дубильные кислоты, с которыми железо дает окись солей железа. Процесс идет в кислой среде, для чего и добавляли квасцы или сусло, а иногда даже кислые щи. Раствор, который получался, обычно был слабо окрашен, но при подсушивании благодаря железу окислялся и темнел. Образующаяся окись железа не растворялась в воде и имела высокую светостойкость. Подобно танину ольховой коры реагирует с железом галловая кислота, которая содержится в чернильных орешках, благодаря этому процесс изготовления железно-галловых чернил значительно упростился. Стоит заметить: невзирая на свою веками проверенную стойкость, железные чернила в древних рукописных текстах иногда выцветают. Для возобновления таких текстов рукопись обрабатывают парами сернистого аммония, который образует с железом сульфид серо-черного цвета, и выцветший текст становится опять видимым.

В 1847 году профессор Рунге приготовил чернила из экстракта кампешевого (сандалового) дерева, которое широко распространено в Мексике и на островах Карибского моря. Сок этого дерева содержит химическое вещество гематоксилин, который при окислении превращается в пигмент фиолетово-черного цвета. Американский вариант чернил получил широкое распространение, особенно в качестве школьных чернил. Лучшим сортом отечественных кампешевых чернил считались чернила глубокого-черного цвета фирмы «Пегас» [2].

Используется также несколько экзотических рецептов чернил, среди них каштановые — из отвара кожицы зеленых каштанов, из спелых ягод бузины и кожицы греческих орехов, также делались чернила и из черники — «Указ о чернилах из черники» сохранился в рукописях XVI–XVII веков [3, с. 53–54].

Существует очень интересный графический материал — бистр, используемый для рисования кистью или пером. Бистр широко использовался художниками до конца XVIII века, а потом был вытеснен тушью и сепией. Цвет бистра — коричнево-рыжеватый. Его изготавливают из сажи, получаемой при сжигании буковой древесины [4, с. 27]. В зависимости от степени пережога буковой древесины и прокаливании сажи получают тот или иной оттенок. Еще бистр можно приготовить из отвара цикория (250 граммов цикория на литр воды). Цикорий кипятят 3–4 часа на слабом огне, затем раствор процеживают, добавляют алюминиевые квасцы (на 1 литр отвара берут 100 г квасцов) и осаждают раствором соды. Воду отделяют от осадка, а осадок высушивают и смешивают с клеевым раствором [1, с. 18].

Рисунок пером — чуть ли не самая сложная техника графики. Для выполнения работ в этой технике используют металлические, птичьи и тростниковые перья. Основное качество пера — его гибкость и упругость, оно должно легко скользить по бумаге, оставляя при этом тонкий или утолщенный след.

Перья для рисунка современной промышленностью практически не выпускаются, однако можно использовать школьные перья № 11 и 86. Также используют перо № 23, которое дает ровную линию почти без нажима. Перо № 98 с двумя надрезами на конце может давать только толстую равномерную линию. Иногда художники используют гусиное

или птичье перо, например, перо индюка, глухаря, вороны и т.п. При работе птичьим пером особенно важно сделать правильный очин и тонкий расщеп (используются специальные расщепные ножи). Лучшим для выполнения рисунков является перо из левого крыла, а именно 2, 3, 4 от края; из правого крыла перья менее удобны для держания в правой руке. Одним из важных моментов подготовки птичьих перьев к работе является их закаливание. Для этого перья вставляют в песок и нагревают его примерно до температуры 60°C, после чего кончик пера становится более твердым, упругим и пружинистым [4, с. 22–23]. Отличительной чертой гусиного пера является его пластичность, которая позволяет легко получать тонкий и толстый штрих, а при особенно сильном нажиме мазок получается широкий, очень похожий на кистевой.

Для работы пером можно использовать любую бумагу, но лучшим вариантом является проклеенная гляцевая или мелованная, а также идеально гладкая бумага — брестоль (иногда художники используют засвеченную фотобумагу). Чаще всего рисунки пером выполняют тушью, черными или темно-синими чернилами. Тушь изготавливают из газовой сажи, спиртового раствора, шеллака, глицерина, сахара, поверхностно-активного вещества — желчи и антисептика. Главной особенностью туши является глубокий черный цвет, которого не имеет акварель. Сгустки подсыхающей туши с кончика пера нужно счищать лоскутком плотной ткани, а в перерывах во время работы следует кончик пера втыкать в половинку свежерезанной картофелины, тогда тушь свободно будет стекать с пера. Чаще всего в процессе работы художники пользуются двумя-тремя перьями разной толщины [1, с. 19–20].

Одним из классических инструментов графического искусства является тростниковое перо, им рисовали Рембрандт, Боттичелли, Пизанелло, Альбрехт Дюрер, Франс Гальс и многие другие художники. Несмотря на примитивность этого инструмента, оно не утратило своего значения для художников и в настоящее время.

Рисунок тростником очень похож на штриховой рисунок пером. Этот своеобразный инструмент изготавливают из выстоянного камыша, бамбука, зрелой пшеницы, риса и т.п. Хороший, крепкий тростник имеет коричнево-желтый цвет с блестящим оттенком. Подрезают перья на свой вкус, если нравится мягкая плавная линия — перо надо сделать длинным и тонким, если больше по нраву строгая линия — перо делают значительно короче. Когда необходимо перо, которое давало бы широкий штрих, его кончик срезают до желательной ширины. Внутренний мягкий слой тростника лучше всего удалять ножиком или лезвием безопасной бритвы [1, с. 20–21]. Особенность тростникового пера в том, что линия ведется им очень легко и может быть очень широкой, но короткой, так как перо берет мало туши. Работа тростниковым пером очень красиво сочетается с размывкой.

Известно много попыток оправдать пословицу «что написано пером, не вырубить топором». «Вырубали», а точнее, выводили и очень успешно. Единственный надежный рецепт предложил шведский химик Берцелиус — раствор экстракта сандала синего с добавкой ванадиево-кислого аммония. Текст, написанный ванадиевыми чернилами, можно уничтожить только вместе с бумагой.

В первой половине прошлого века люди стали свидетелями появления особенной модификации чернил — чернильной пасты, а потом и шариковых авторучек. В 1938 году венгерский художник, скульптор и журналист Л. Биро и его брат (по специальности химик) получили патент на конструкцию ручки, в которой чернила подавались к шартику, который пишет под давлением поршня. Позже в Австралии заменили жидкие чернила пастой, которая при столкновении с воздухом быстро высыхает. Так появилась шариковая ручка, которой мы пользуемся в современности [3, с. 55].

С широким распространением шариковой авторучки закончилась бесменная вахта тривиального изобретения человечества — чернил из жидкости. По времени это совпадает с началом освоения космоса. Возможно, здесь не простое совпадение — ведь чернила из жидкости не годятся для письма в невесомости. Однако, не найдя применения в небе, чернила из жидкости продолжают использоваться на Земле.

При всем многообразии графических материалов, которые используются в процессе обучения рисунку в современных художественных вузах, отметим что, рисунок пером является тем видом учебной деятельности, которая в значительной степени способствует формированию профессионального мастерства у студентов художественно-проектных специальностей. Появление современных графических материалов (гелевая ручка, фломастер, маркер, линер, рапидограф), удобных для выполнения рисунков, набросков, зарисовок, выдвигает этот вид учебной деятельности на одно из первых мест, активно влияющих на формирование профессиональных умений у студентов вышеуказанных специальностей. На наш взгляд, рисунок пером и аналогичными ему материалами является одной из составных частей системы обучения студентов в процессе освоения основ изобразительной грамоты, он требует максимальной собранности, аккуратности, самодисциплины. Четкость линии, штриха, пятна, невозможность их исправления мобилизует внимание студентов, воспитывает такие качества, как аккуратность, собранность, сосредоточенность.

Библиографический список

1. Бірюков, М. Ю. Техніки графічного мистецтва : метод. посіб. для вчителів і керівників гуртків образотв. мистецтва та викл. і студ. мистецтвознав. спец. / М. Ю. Бірюков. — Луганськ : СПД Резников В. С., 2011. — 94 с.
2. Васильев, В. Г. Рецепты древних чернил [Электронный ресурс]. — Режим доступа : URL:http://www.officemart.ru/office_goods/articles/articles600.htm (дата обращения : 15.02.2019).
3. Зверев, В. История чернил / В. Зверев // Юный техник. — 1979. — № 2. — С. 52–57.
4. Одноралов, Н. В. Материалы, инструменты и оборудование в изобразительном искусстве / Н. В. Одноралов. — 2-е изд., доп. — Москва : Просвещение, 1988. — 173 с.

Рисунки автора

- Рис. 1. «Зима. Церковь», 15x20, фотобумага, тушь, перо, корректор.
 Рис. 2. «Новодевичий монастырь», 20x30, тонированная бумага, черная шариковая ручка.
 Рис. 3. «Кот Митька», 20x30, акварельная бумага, тушь, кисть, техника «грязайль».
 Рис. 4. «Недоверие», 12x13, бумага, тушь, тростниковое перо.
 Рис. 5. «Око», 7x11, мелованная бумага, тушь, рапидограф.
 Рис. 6. «Каштанка», 20x30, бумага, бистр, перо.
 Рис. 7. «Лондон», 20x30, бумага «бристоль», тушь, гусиное перо.
 Рис. 8. «Кубанский тур», 21x21, ватман, кампешевые чернила «Пегас», перо, гелевая ручка.
 Рис. 9. «Обсерватория», 10x12, бумага, синяя шариковая ручка.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

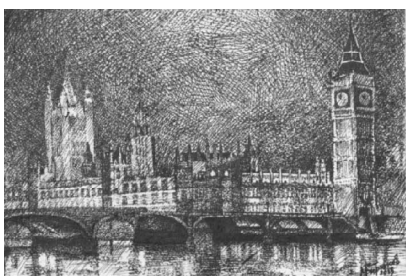

Рис. 7

Рис. 8

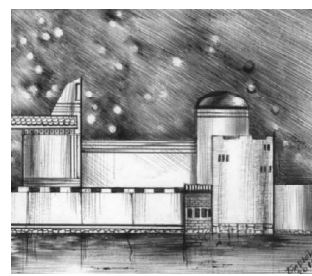

Рис. 9

УДК 304.4 + 398

*Ю.И. Бундин**Y.I. Bundin***МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ****PEACEKEEPING POTENTIAL OF NATIONAL ART CULTURE**

Аннотация. Раскрывается нормативная природа народной художественной культуры как регулятора общественной жизни, на примере обычаев примирения показывается ее миротворческий потенциал в современном общественном развитии и обосновывается необходимость принятия мер по ее поддержке.

Ключевые слова: народная художественная культура, традиционные ценности, миротворчество, обычаи примирения, общественное развитие.

Annotation. The normative nature of folk art culture as a regulator of public life is revealed, the peacemaking potential in modern social development is shown on the basis of the customs of reconciliation, and the need for taking measures to support it is substantiated.

Key words: folk art culture, traditional values, peacemaking, customs of reconciliation, social development.

Народная художественная культура по своей глубинной природе и содержанию являет нам накопленный и транслируемый от поколения к поколению социальный опыт совместного проживания и деятельности людей. Бытующая в формах традиций, обычаев, обрядов, ритуалов, произведений народного художественного творчества, она исторически была призвана упорядочивать и гармонизировать общественную жизнь во всем многообразии ее проявлений, отношений человека к самому себе, к другим людям и окружающей природе.

По мере социально-экономического развития человечества, возникновения государства как новой формы общественной организации и юридического права в качестве основного социального регулятора народная художественная культура стала утрачивать свою нормативную функцию в пользу сугубо эстетического содержания, отражающего этническое своеобразие тех или иных социумов, их моральные ориентиры и нравственные приоритеты.

Зародившееся и получившее развитие в формах народной художественной культуры обычное «неписаное» право впоследствии легло в основу права юридического — «писаного», развитие которого, в свою очередь, происходило в дальнейшем в рамках соотношения коллективистских и индивидуальных начал совместной жизни и деятельности лю-

дей. Вступление человечества в постиндустриальную эпоху, характеризующуюся приоритетом интересов личности над интересами общества и государства в рамках политических доктрин либерализма и рыночных экономических моделей, существенно ограничило роль народной художественной культуры, сведя ее к предмету историко-художественных исследований, к сфере досуга и развлечений. Наиболее показательны в последнем случае современные трактовки произведений устного фольклора, из которых начисто исключается нормативное, нравоучительное содержание, а само произведение сводится до типичной для культуры постмодерна комедии положений. Характерным примером может служить анимационный фильм об Иване-царевиче и трех богатырях.

Качественной особенностью человека является его общественная природа. В отличие от других живых существ, опыт совместной жизни и деятельности человека генетически не кодируется и не транслируется, а передается от поколения к поколению в формах культурных коммуникативных архетипов, фиксирующих социальный опыт, обеспечивающих его воспроизводство и реализацию. В этом смысл и назначение культуры в целом как сугубо человеческого феномена. Культура выступает как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [6, с. 341].

По мере исторического развития общества меняются смыслы универсалий культуры и сам их набор, организованный в целостную систему. В этой связи можно выделить такие основные исторические типы культуры, как традиционная культура, характерная для доиндустриальных, аграрных обществ, культура модерна, свойственная индустриальной эпохе, и культура постмодерна, отражающая универсалии постиндустриальной цивилизации. Их принципиальное различие заключается в соотношении роли коллективного и индивидуального начал в жизни и деятельности социума.

Основы традиционной культуры, характеризующейся приоритетом коллективистских универсалий культуры, уходят своими корнями в архаическую эпоху, когда выживание человека в противостоянии с силами природы обеспечивалось механизмами единения социальной группы в целостного субъекта развития. В условиях неразвитости абстрактно-логического мышления, устной речи и отсутствия письменности единственным действенным средством упорядочивания совместной жизни и деятельности членов племени, их закрепления и трансляции от поколения к поколению выступали наглядно-демонстрационные образы и коллективные действия, обращенные к чувственно-эмоциональной и волевой сферам психики.

Не отделяя себя от природы и подражая ее явлениям, древний человек оттачивал свое художественное мастерство, неосознанно творя образы на принципах гармонии и красоты. Мифологическое сознание через художественное творчество отражало и утверждало целостность и упорядоченность окружающего мира и человека в нем. Народное искусство, выросшее на почве ритуалов, обрядов и обычаев, непосредственно выражало заложенные в нем социальные нормы — статусы, иерархии и

стандарты поведения, вводило требуемые для совместной жизни и деятельности дозволения и запреты, определенную, чисто человеческую систему ценностных установок и ориентаций.

Убедительным примером может служить этническое правосознание чувашей, которое, как указывают исследователи, накапливалось и транслировалось народной художественной культурой. Морально-правовые нормы получили отражение в пословицах, поговорках, песнях и преданиях. Пословицы традиционно использовались крестьянами как одна из форм фиксации обычного права. Содержащиеся в них рекомендации воспринимались как непреложная истина, стереотип поведения, освященный мудростью поколений [7, с. 372]. Ярче всего обычное право проявлялось в отношениях собственности и брачных нормах, в вопросах регулирования хозяйственных, имущественных и прежде всего поземельных отношений — всего того, что сегодня относится предмету гражданского права. Так, случаи самовольного запахивания межи и чужих полос рассматривались как грубое нарушение имущественных прав, а также ритуального поведения, освященного общинными традициями, что нашло свое отражение в пословице «След воды не прочен, а межа поля прочна» [7, с. 381].

Постиндустриальная эпоха в организационных формах либеральных демократий, с доминированием ценностей индивидуализма, абсолютизацией юридического права как универсального и единственного социального регулятора и нивелированием норм морали, противоречащих интересам конкурентной борьбы, характеризуется перманентным возникновением очагов социальной напряженности как на национальном, так и на глобальном уровнях, чреватых различными формами конфликтных проявлений, с одной стороны, и неспособностью их урегулирования исключительно правовыми и силовыми мерами — с другой. Необходимым условием разрешения конфликтов становится реанимация универсалий традиционной культуры, включение в общественную жизнь фундаментальных ценностей культуры, выражающих общественную природу человека, надличностных психических образований, управляющих индивидуальной психикой, получивших название коммуникативных архетипов и лежащих в основе произведений народного художественного творчества. Крылатым выражением роли фундаментальных ценностей культуры может служить девиз, под которым после Второй мировой войны была создана Европейская хоровая ассоциация «Европа Кантат»: «Люди, которые вместе поют, никогда не станут воевать друг с другом» [2].

Важнейшим элементом традиционной культуры, обеспечивающим целостность социума в качестве субъекта развития и выражающим ее миротворческий потенциал, выступают обычаи примирения. При этом смысл термина «примирение» означает восстановление целостности социальной группы как необходимое условие развития. Обычай примирения как организационная форма компромиссного удовлетворения взаимных претензий с древнейших времен служил одним из наиболее эффективных и гуманных способов разрешения споров, ибо апеллировал, в первую очередь, к нравственной позиции конфликтующих сторон в контекстах бытовавших моральных норм. Более того, будучи объективиро-

ван в произведениях народного художественного творчества, прежде всего — в фольклоре, он выполнял воспитательную функцию и выступал эффективной превентивной мерой по предупреждению конфликтов и тем самым обеспечению целостности социума как необходимого условия его жизнедеятельности.

Богатейший материал о процедурах и техниках примирения представлен в сказках, посвященных судебным историям, в том числе и примирительному способу разрешения юридически значимых споров и конфликтов [3]. В них сторонами, судьями или квазисудьями и другими участниками процесса выступают различные персонажи: вымышленные и реалистичные, животные, люди, божества. При этом решения, как правило, основываются на принципе справедливости. В то же время примирительная процедура как в функциональном, так и институциональном, а также содержательном аспектах выбирается в соответствии и отражает нравы, традиции, юридический быт и опыт, менталитет народа — автора фольклорного произведения. Вместе с тем и сами произведения, и сентенции, содержащиеся в них, оказывают морализующее, воспитательное воздействие на адресата, слушающего или читающего, прививая ему правовое мышление, сознание и понимание. Смысл сказок обычно таков: между двумя или более персонажами возникает юридически значимый конфликт или спор, предметы которого различны. Судья как третье лицо его разрешает в примирительном порядке на основе компромисса, решение выглядит справедливым или несправедливым, судья мудрым или глупым. Персонажи различаются по виновности в содеянном, справедливости и законности деяний своими человеческими качествами, определяющими мотивы и причины деяний [3].

Такого рода сказки и подобные им баллады, саги, легенды известны всем народам. Особенности их содержания связаны, как правило, с местными традициями образа жизни и деятельности, однако во всех случаях общим является то, что примирение выступает ценностной категорией, входящей в идеологическое ядро культуры. Ибо культуру составляют интерпретации мира, человеческая деятельность и отражающие их артефакты. Выходя за пределы индивидуального познания, эти интерпретации существуют в коллективном сознании, в социальном процессе. Нет частных, персональных культур. Индивидуальной может быть только деятельность, но ее значимость является коллективной. И чем теснее связаны друг с другом интерпретации и действия, тем глубже они укореняются в культуре. В этом контексте культура выступает тканью социальных организаций [5, с. 219].

Процедура урегулирования споров и конфликтов с использованием примирительных процедур стала источником древнего обряда славян — «побратимства» — и превратилась в один из способов ограничения кровной мести. В народе существовал и обычай ритуального «гашения» всех возникших обид в определенные календарные сроки, примером чему является знаменитое Прощеное воскресенье на Масленице, которое впоследствии приобрело форму православного праздника.

В обычаях русского народа сложились три основные формы примирения и разрешения споров: месть, частное примирение обиженного с обид-

чиком («междоусобица») и публичное примирение перед всем «честным миром». Данные обычаи нашли свое выражение в пословицах и поговорках, сопровождающих повседневную жизнь русского человека:

В ссоре оба проигрывают.

Всякая ссора красна мировую.

Где двое бранятся, тут третий не суйся.

В ссорах да во вздорах пути не бывает.

Худой мир лучше доброй ссоры.

На спор не будь скор.

Дальше в лес — больше дров, больше в спор — больше слов [1].

Истоки традиционных форм примирения русского народа находятся в культурно-исторических и морально-этических традициях крестьянства. Основной формой организации сельских жителей была община, но не родовая, а соседская, что обуславливалось высокой миграционной активностью населения. Община несла коллективную ответственность перед государством или землевладельцем за исполнение возложенных на нее повинностей (тягла) и распределяла между своими членами принадлежащие ей земельные угодья. Крестьяне-общинники были связаны круговой порукой [4]. И поэтому вопрос целостности крестьянского «мира» был определяющим в жизни и деятельности общины.

Насущные потребности и опыт хозяйственной жизни, а также простонародные представления о справедливости в сочетании с утопическими крестьянскими правовыми идеалами и нормами действующего законодательства порождали социальные нормы, регулирующие различные стороны сельской жизни. Действенность этих норм обеспечивалась их освященным традицией авторитетом, убежденностью в их справедливости, их общим конвенциональным признанием и коллективным принуждением к их соблюдению. Общей задачей этих норм было поддержание мира и согласия среди односельчан. Так формировалось русское обычное право, которое, регулируя повседневные отношения между людьми, определяло юридический быт русского народа [4]. Именно обращение к историческому опыту и его осмысление позволяют надеяться, что примирение в его различных формах может стать эффективным средством разрешения конфликтов и в наши дни.

Традиционную художественную культуру настоятельно необходимо рассматривать как неотъемлемую часть современной духовной культуры. Рост глобального экологического сознания, осознание исчерпанности финансово-олигархической модели капитализма с ее парадигмой всеобщего материального потребления, наполнение процессов общественного развития духовными человеческими смыслами обуславливают востребованность народной художественной культуры как носителя общих для всего человечества культурных кодов, как актуальная и крайне необходимая альтернатива тотальной глобализации, как основа интеграции всего человечества в единое общеисторическое целое. Примером тому служит актуализация в повседневной жизни кабардинцев памятника устного народного творчества «Адыге-хабзе», все активнее выполняющего роль социального регулятора взаимоотношений в этнической группе.

Следование традиционным нормам обычного права, бытующим в народной художественной культуре в условиях фактически сплошной маргинализации населения бывших советских республик, позволяет обеспечивать общественную стабильность, регулировать межнациональные и этнорелигиозные конфликты. Востребование данной социальной роли народной художественной культуры ставит на повестку дня вопрос о государственной поддержке и культивировании фольклора, развитии системы его правовой охраны. При этом следует учитывать, что, в отличие от религии, которая формально отделена от государства, фольклор остается неотъемлемой частью светской культуры. Вольное обращение с наследием народного художественного творчества чревато окончательной утратой этнической идентичности российских народов. Требуется разработка и принятие исчерпывающего комплекса неотложных мер по сохранению, развитию и пропаганде народной художественной культуры именно как действенного средства обеспечения нравственной целостности и самобытности российского общества.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : избранное / В. И. Даль. — Москва : Аргументы недели, 2018. — 544 с.
2. Европейская хоровая ассоциация [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://europeanchoralassociation.org/about-us/history/>
3. Ефремова, Н. Н. Тема примирения в фольклоре и литературе / Н. Н. Ефремова // Вестн. восстановительной юстиции. — 2011. — № 11. — С. 75–81.
4. Кудрявцев, М. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа : из истории общинного самоуправления в России / М. Кудрявцев // Вестн. восстановительной юстиции. — 2011. — № 11. — С. 64–74.
5. Минцберг, Г., Альстренд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий / Г. Минцберг, Б. Альстренд, Дж. Лэмпел. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 336 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — Москва : Мысль, 2010. — Т. II. — 634 с.
7. Чуваши / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ашафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный ин-т гуманитарных наук. — Москва : Наука, 2017. — 654 с.

УДК 004.92

*А.И. Вегера**A.I. Vegera*

ТЕХНИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕРЕКЛАДКИ КАК СПОСОБ ВОПЛОЩЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ

THE TECHNIQUE OF EXPERIMENTAL CUTOUT ANIMATION AS A WAY TO IMPLEMENT CREATIVE IDEAS

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие техники экспериментальной перекладки на современном этапе. Анализируются анимационные ролики, выполненные в этой технике. Рассматривается значение техники экспериментальной перекладки как нового способа воплощения творческих идей, определяющего не только технологию, но и новую эстетику анимационного фильма.

Ключевые слова: анимация, авторская анимация, экспериментальная перекладка; флипбук; бумажная перекладка; рисованная анимация.

Annotation. This article regards the formation and development of experimental cutout animation at modern stage. Animation videos made in this technique are analyzed. The value of the technique of experimental relaying as a new way to implement creative ideas, which determines not only technology, but also a new aesthetics of an animated film, is considered.

Key words: animation, author's animation, experimental cutout animation; flipbook; paper cutout animation; traditional animation.

Более чем за сто лет своего существования анимация прошла колоссальный путь. Изначально анимация по большей части существовала как отрасль кинематографа, представляя собой один из способов экранного творчества. С развитием телевидения популярность данного искусства резко возросла, сферы применения анимационного кино стали активно распространяться. На сегодняшний день язык анимации стал значительно сложнее, расширилась тематика, появились новые анимационные техники и методы их реализации.

Говоря о технической стороне, следует отметить, что анимация представляет собой огромный выбор методов создания: от традиционной (рисованная анимация) до экспериментальной анимации, совмещающей различные техники и технологии. «Современная анимация — это не только разнообразные фильмы, телевизионные сериалы, анимационные шоу. Это огромная область художественной продукции, способная удовлетворять самым изысканным запросам разнообразный целевых аудиторий» [2].

Выходя за пределы кинематографа, анимация находит широкое применение в рекламе и на телевидении, в производстве компьютерных игр,

сайтов и интернет-сервисов, а также в создании мультимедийного портфолио и медиапрезентаций. Ресурсы анимации используются в самых разных целях, а универсальность и доступность языка анимации, не требующего перевода и пояснений, стали залогом ее успеха.

Освоение анимацией новых технологий и сфер применения началось относительно недавно. Представляя собой «...комбинацию разных видов искусств, образующих качественно новое и единое эстетическое целое...» [3], анимация становится синтетическим искусством, «...мультфильм ищет себя как особый и самостоятельный вид искусства...» [4], задача которого создать убедительную картину мира, реализовать самые немислимые фантазии и замыслы художника.

«Технические особенности современной анимации во многом определены законами, по которым функционирует индустрия производства анимационного кино. Принято разделение на два основных течения: массовая, коммерческая анимация и так называемая «экспериментальная» или фестивальная анимация. Следует отметить, что к первой категории принято относить контент, созданный для широкого проката. Вторая группа не предполагает априорного наличия того или иного эксперимента в форме или содержании... такая форма скорее понимается как художественная» [4].

В 2009 году среди фестивальных работ был обнаружен короткометражный анимационный ролик, выполненный в так называемой «технике экспериментальной перекладки». В Сингапуре появилась анимация под названием “Parkour Motion Reel”, созданная дизайнером-иллюстратором Serene Teh и постпродакшн Noel Lee. Размещенный как студенческий проект, ролик вызвал к себе столько внимания в интернете, что в результате получил большую аудиторию симпатий за рубежом. “Parkour Motion Reel” был показан в программе NHK Techne, которая демонстрирует лучшую авторскую анимацию со всего мира. Данный ролик знакомит зрителя с субкультурой «паркур». Кадр за кадром с помощью пера и бумаги автор иллюстрирует физическую красоту движения паркурщика, взаимодействующего с окружающей средой. Паркурщик виртуозно двигается в различных направлениях на протяжении всего ролика, что придает невероятную динамичность картине, дополнительный акцент вносят руки, участвующие в создании анимации путем переворачивания листов одного за другим. Задача данного проекта направлена на то, чтобы создать представление о паркуре как о форме искусства, а не как о спорте.

Позднее экспериментатором Serene Teh был создан ряд проектов для канала Disney XD: “Pair of Kings”, “Suite Life”, “Flipbook Ident”, “I’m in the Band”, “Zeke and Luther Marathon op”. Придерживаясь графической формы исполнения посредством анимации, Serene Teh иллюстрирует популярные сериалы и телепередачи. Далее выходят ролики “Assassins Creed”, в котором герой популярной видеоигры вновь демонстрирует трюки и прыжки в стиле паркура, экранизация боевика “Kingsman. The Golden Circle”, основанного на серии комиксов Kingsman, и бумажная версия популярного мистического фильма “Annabelle”, эффектно сочетающего в себе все те же черно-белые рисунки.

Техника экспериментальной перекладки стала основой еще одного не менее интересного ролика. Американский режиссер-экспериментатор Адам Песапане, известный под псевдонимом Pes, в 2015 году создал удивительный рекламный ролик для компании Honda Motor Co под одноименным названием “Paper”. За что был удостоен множества наград и премий, в том числе премии Эмма в номинации «Выдающийся рекламный ролик 2016 года».

Название “Paper” действительно уместно, поскольку речь идет об эволюции автомобиля, связанной с постоянными схемами и эскизами конструкторов и дизайнеров. Компания Honda решила привлечь к себе внимание весьма творческим образом. Она решила не просто прорекламировать себя и свои автомобили, а рассказать настоящую историю своей компании от самого начала, когда они занимались лишь выпуском мотоциклов. Создав некий бумажный фильм, в котором постепенно можно увидеть эту эволюцию в развитии самой фирмы, Honda передала историю своей компании.

Ролик проектировался в трехмерных редакторах, но целиком снимался с помощью множества листов бумаги и иллюстраций, взаимодействующих в одном макете. Благодаря невероятному воображению команды аниматоров тысячи нарисованных от руки иллюстраций превратились в волшебный трехмерный мир. Десятки аниматоров и иллюстраторов, тысячи оригинальных рисунков и четыре месяца работы. Все в фильме сделано вручную и снято на камеру. Во время съемок рисунки располагались на большом столе, а страницы переворачивались вручную.

Видео начинается с момента, когда основатель компании Соитиро Хонда приделал на велосипед своей жены генератор от американского двигателя, чтобы сделать из него мопед. Далее ролик отмечает некоторые ключевые события в жизни компании: серия побед мотоциклов Honda в гонках Isle of Man TT, производство лодочных моторов и экологически чистых двигателей CVCC, несколько поколений моделей Civic и Accord, а также разработки для Formula-1, робототехники и самолетостроения. Множество мотоциклов, автомобилей и самолетов искусно передвигаются по горной местности, спортивным трассам и воздуху, кадр за кадром создавая иллюзию непрерывного движения [5].

«Анимация имеет значительное преимущество перед всеми остальными видами подачи информации. При помощи анимации передаваемая информация приобретает динамичный и интерактивный характер. Нестандартное техническое решение позволяет не только обогатить создаваемый образ, но и улучшить потребительские качества производимой продукции, сделать ее более привлекательной для потребителя и востребованной на рынке» [1].

Далее за рубежом этот прием постепенно распространяется, определяя собой не только технологию, но и новую эстетику мультфильма. Техника экспериментальной перекладки продолжает упорно развиваться, но из-за трудоемкости работы на данный момент вышло небольшое количество роликов.

Сложность и замысловатость анимационного ряда обуславливалась как авторским замыслом, так и новым способом заинтересовать внимание

зрителя. А уникальность и новизна техники экспериментальной пере-
кладки позволили выделить ее среди других работ, дав новый виток
развитию языка анимации.

Библиографический список

1. Василькова, А. Кругосвет : универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс] / А. Василькова. — Электронные данные. — 1997–2019. — Режим доступа : https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/ANIMATSIYA.html
2. Кривуля, Н. Г. Анимация как феномен культуры / Н. Г. Кривуля // Анимация и мультимедиа между традициями и инновациями : материалы V Международ. науч.-практ. конф. «Анимация как феномен культуры». — Москва : Всерос. государственный ун-т кинематографии им. С.А. Герасимова (ВГИК), 2009. — С. 1.
3. Роднина, М. Искусство, его формы, основные направления : электронная тетрадь [Электронный ресурс] / М. Роднина. — Электронные данные. — 2015. — Режим доступа : https://studbooks.net/1177437/kulturologiya/sinteticheskie_vidy_iskusstva
4. Тарковский, А. А. Запечатленное время / А. А. Тарковский // Вопросы киноискусства. — Москва : Наука, 1967. — № 10. — С. 87.
5. Удинцев, Н. Для Honda сняли мультипликационную историю компании : look at me [Электронный ресурс]. — Н. Удинцев. — Электронные данные. — 2015. — Режим доступа : <http://www.lookatme.ru/mag/live/experience-news/217185-paper>

УДК 004.92:659.125

*Е.Ю. Вяткина**E.Y. Viatkina***ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РОЛИКА
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ****VISUALIZATION OF PUBLIC SOCIAL ANNOUNCEMENTS
IN MODERN MEDIA SPACE**

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие визуализации как способа выразительного средства, ее роль при создании социального проекта. Дается характеристика тенденций в дизайне современных медиапроектов. Определяется важность изобразительных элементов, их особенности и влияние на зрителя при создании социального медиаролика.

Ключевые слова: визуализация, социальная реклама, ассоциация, гарнитура, цвет, изображение, восприятие.

Annotation. This article discusses the concept of visualization as a means of expression, its role in the creation of a social project. Characteristics of trends in the design of modern media projects are given. The importance of visual elements of their features and the impact on the viewer when creating a public social announcement are determined.

Keywords: visualization, public social announcement, association, typeface, color, image, perception.

Понятие «визуализация» является многогранным благодаря использованию в различных науках, однако основная его функция — это представление информации в виде изображения. Использование визуализации в социальных проектах является основным источником воздействия и передачи информации обществу.

Основными элементами социальной рекламы являются текстовый блок и изображение. Использование различной гарнитуры влияет на отношение человека к информации. Для восприятия человеком наружной рекламы требуется использование удобочитаемых гарнитур и одновременно оригинальной подачи. Так, использование строгих квадратных шрифтов настраивают аудиторию на серьезное восприятие информации. Округлые гарнитуры указывают на доброжелательность и комфорт. Благодаря округлым гарнитурам текстовый блок воспринимается мягко и положительно. Наклонные шрифты с виньетками используют для передачи легкости, красоты. Курсив облегчает информацию, но она и кажется менее важной. Использование рукописных гарнитур — достаточно сложно читаются и не подходят для наружной рекламы. Однако они отлично подходят для подчеркивания эксклюзивности. Они вызывают чувство до-

верия к информации. Однако для придания тексту большей эмоциональности используется цвет. Использование гарнитур без засечек подходит для наружной рекламы и интернет-рекламы, они отличным образом привлекают внимание [3, с. 16–34]. Для создания социальной рекламы важно опираться на тип рекламы и таким образом выбирать гарнитуру. Так, для наружной рекламы лучше подходят большие шрифты с жирным начертанием, они передают контраст между фоном и основной информацией. Также в одной рекламе не рекомендуется использование более трех гарнитур, так как они нарушают целостность композиции.

Цвет шрифта также играет важную роль для визуализации проекта. Он выступает психологическим инструментом, распространяющимся на все сферы дизайна. Ассоциативный ряд, который несут цвета, являются мощным инструментом. Так, красный текст ассоциируется с неудачей, а зеленый — с удачей. Со многими цветами связаны подсознательные реакции, что придает тексту дополнительный смысловой акцент. Так, использование того же красного цвета инстинктивно говорит об ошибке, а зеленый цвет ассоциируется с правильностью действия. До наступления цифровой эпохи цвет был в дефиците при создании графического дизайна. Его использовали только на обложках, а внутри печатных изданий подчеркивали информацию благодаря начертаниям [4]. Контрастные цветовые акценты мгновенным образом настраивают аудиторию на определенный эмоциональный лад, а также привлекают внимание к информации. Цвет выполняет важные функции для концентрации внимания зрителя. Он влияет на восприятие заголовков, призывает к действию, ключевым словам и фразам.

Привлекательность цветового оформления является важной частью разработки дизайна рекламы. Выбор правильного цвета повышает читабельность текста и придает эмоциональный окрас рекламе. Чем ярче будет эмоция, тем больше влияния это окажет на общество. Так, символом зеленого цвета является спокойствие, здоровье, земля, и его стоит использовать при создании социальной рекламы, направленной на экологически чистые продукты, оздоровление нации. Для создания решительной социальной рекламы, призывающей к действию, следует выбрать красный цвет, который является источником энергии и вызывает наиболее яркие эмоции. Использование акцентирующей функции в социальной рекламе является наиболее значимой. Она подчеркивает наиболее значимые элементы, которые передают смысловое сообщение. Также при создании дизайна социальной рекламы важную роль играют цветовые сочетания, комбинации. Так, в рекламе, призывающей остановить алкоголизм, на первый план выходит яркая цветная бутылка, окруженная серо-голубыми или коричневыми оттенками, которые обладают отталкивающей функцией. Таким образом цвет, структурирует пространство рекламного сообщения.

Использование изображений оказывает огромное эмоциональное влияние на восприятие социальной рекламы. У людей возникает чувство причастности к событиям, поэтому они сначала обращают свое внимание на иллюстрацию, а потом — на текстовый блок. Ученые из Гарварда утверждают, что пользователь воспринимает рекламу за полсекунды. За это время он осознает, нравится ли ему увиденное, а также думает о надобности дан-

ной рекламы. Если взгляд задерживается, то мозг начинает обрабатывать информацию, связанную с деталями изображения. Так, психолог из Университета Миссури, изучавший особенности действия памяти человека, выяснил, что человек может заострить свое внимание только на пяти элементах одновременно. Так как реклама должна быть быстродейственной, нельзя допускать перенасыщения ее элементами. Также проведенными исследованиями ученый доказал, что люди не ищут чего-то сверхнового [2, с. 251–268]. Для лучшего понимания подходит знакомая ситуация и информация. Если визуальный образ в рекламе окажется знакомым, то данная реклама будет иметь преимущества.

Также важную роль в восприятии рекламы имеют количество цветов, их интенсивность и сочетание. Изображения не должны быть перегружены обилием цветов, иначе это отталкивает аудиторию. Интенсивного цвета должно присутствовать как можно меньше, стоит выделять им только основные элементы. При выборе цвета фона нужно ориентироваться на ненавязчивые, неопределенные цвета. Также следует избегать близких оттенков и одинаковых цветов фона и деталей [5]. При выборе цвета важно ориентироваться как на эмоционально-ассоциативное восприятие, так и на пол человека и его национальность.

С помощью цвета можно эффективно направлять образ в рекламе. С помощью цветовой ориентации увеличивается скорость восприятия предметов. Согласно одному исследованию, черно-белые изображения запоминает 40% аудитории, двухцветные — 45%, а полноцветные — 70%. Таким образом, возрастает и уровень узнаваемости. Так, достаточно использовать всего четыре цвета, для того чтобы потребитель легче запомнил рекламу.

Особенную важность имеют символьные изображения, которые вызывают ассоциации, связанные с основной проблемой, отражаемой в социальной рекламе. Так, использование реальных фотографий повышает эффективность социальной рекламы. Ярким примером является видеоряд о бездомных животных: особенное воздействие на зрителя оказывают жизненные ситуации, которые с ними происходят из-за невнимательности общества, — заболевания, инвалидность, анорексичность [1, с. 70–108].

Библиографический список

Монографии

1. Дмитриева, Л. М. Социальная реклама : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Реклама» и «Связи с общественностью» / Л. М. Дмитриева. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 271 с.
2. Ученова, В. В. Социальная реклама вчера, сегодня, завтра / В. В. Ученова, Н. В. Старых. — Москва : Индекс Медиа, 2006. — 304 с.

Диссертации

3. Захарова, Н. Н. Особенности визуальной организации современного культурно-образовательного медиапроекта : дис. / Н. Н. Захарова. — Санкт-Петербург, 2016.

Интернет-источники

4. Психология восприятия шрифта и ее практическое применение. — URL : <https://www.designzzz.com/font-psychology> (дата обращения: 28.01.2019)
5. Роль цвета в рекламе. — URL : <http://simplesmm.ru/blog/rol-tsveta-v-reklame-dlya-sotsialnykh-setey> (дата обращения: 04.02.2019).

УДК 004.032.6:7.017.4

*В.И. Гашина**V.I. Gashina*

РОЛЬ ЦВЕТОВОГО РЕШЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ПЕРСОНАЖА

THE ROLE OF THE COLOR SCHEME IN THE CREATION OF A CARTOON CHARACTER IMAGE

Аннотация. Работа над мультипликационным проектом предполагает длительный этап подготовки перед производством анимации и выпуском готовой продукции. Подготовка включает в себя работу с цветом, создание цветового сценария. В данной статье идет речь о цвете и его роли в формировании целостного образа персонажа мультфильма.

Ключевые слова: мультипликационный фильм, цвет, дизайн, образ, персонаж, кадр, композиция, эскиз.

Annotation. Work at the animation project involves a long preparation stage before the production of animation and the release of finished products. Preparation includes working with color, creating a color script. This article deals with color and its role in shaping the holistic image of the cartoon character.

Keywords: animated film, color, design, image, character, frame, composition, sketch.

Персонаж — центральная фигура кадра в мультипликационном фильме.

Задача художника анимации состоит в создании иллюзии жизни с помощью серии кадров, на которую действуют законы физики, а движение выражает намерение и настроение персонажа. Созданию мультдвижения в двумерной и трехмерной техниках предшествует длительный этап подготовительных работ, художники тщательно продумывают дизайн персонажей и окружения. «Даже если ты берешь актера, чтобы его загрировать, до неузнаваемости преобразить, ты все равно берешь живую материю. А вот что берем мы? Ни-че-го. Что ж тут объяснять? Что мультипликация — чудовищное искусство, потому что надо сочинять все, от первой линии на белом поле до последнего наслоения звука при перезаписи? Все сочиняется. Нам ничего не дано» [3].

Планирование внешнего вида всех персонажей, костюмов, реквизита и дизайна окружения занимает месяцы и годы подготовки, прежде чем эти составляющие образуют единую композицию кадра. Важным компонентом в планировании является цветовой сценарий, представленный серией набросков сцен в цвете. Задача цветового сценария — в создании разнообразия и богатства визуального рассказа, объединении цепи раз-

розенных мультипликационных сцен в последовательность, раскрывающую зрителю идею произведения.

«Мир сознания выполнен в ярком и сочном цвете. (...) Многое в этом мире карикатурно. Мир людей более реален: лес выглядит как лес, цемент — как цемент. Цвета в реальном мире тоже тусклее, чем в Мире Сознания». [1]

Цвет оказывает большое влияние не только на изобразительное решение, но и на выявление характера персонажа. Можем отметить, что художник через цвет добивается единства конструкции и идеи, логики и эмоции. Продвигаясь от целого к детали, он сначала решает общую цветовую драматургию мультипликационного фильма. Выбрав самое главное, художник приступает к работе над эскизами, но окончательный вариант появится только после завершения работы над раскадровками (черновыми рисунками, иллюстрирующими действие), мультипликатом (раскадровка, объединенная с музыкальным сопровождением в видеоряд) и фоновыми изображениями.

Работа с цветом в поиске необходимой внешности анимационного героя подчиняется правилам цветоведения и имеет мало отличий от работы над эскизом живописного полотна. Например, художник опирается на цветовой круг, выбирая основные и дополнительные цвета.

На сегодняшний день художники вольны выбирать любую удобную технику для создания цветового решения, будь то традиционные материалы — акварель, гуашь, цветные карандаши, тушь, масло — либо диджитал-арт: имитация любых традиционных материалов, трехмерное моделирование и лепка (с последующей покраской). В классической рисованной анимации обычно используется однородная заливка, обрамленная контуром (серым или черным), реже обозначается собственная тень. Цифровые технологии позволили художникам создавать сложные текстуры, которые сохранятся при создании анимации, без необходимости перерисовывать в каждом кадре. Текстуры могут создаваться из коллажей, рисунков.

Цвет в персонажном дизайне выступает крайне субъективной деталью. Реакция на цвет и его значение задается культурными традициями того или иного народа, влиянием социальной группы и, равным образом, личными предпочтениями человека.

Обратим внимание на такой горячий цвет, как красный. Данный цвет ассоциируется с огнем, яростью, страстью, сигналом тревоги. Тем не менее красный выступает как цвет роскоши и высокого социального статуса. В дизайнерском решении чистый красный цвет влияет на зрителя ошеломляюще. К красному художник обращается, если нужно передать властность либо чувственность в облике. «После вырывается логотип на красном фоне. Красный, как правило, означает энергию, смелость, динамику, восхищение, также красный и оранжевый впоследствии будут на костюмах суперсемейки.

После логотип логично переходит на красную полицейскую сирену — символ быстроты, опасности, энергии» [2].

Синий и голубой цвета относятся к холодным, невозмутимым, спокойным. Синий — это цвет безоблачного неба и мира, с другой стороны

— может ассоциироваться с печалью и унынием, но его светлые оттенки выглядят как приятные и дружелюбные. Темные оттенки ассоциируются с надежностью.

«Цвета в офисном пространстве блеклые и безжизненные, что отображает скуку рабочих в этой холодной и угнетающей среде» [2].

Черный цвет считается нейтральным (нейтральные цвета используются в качестве фона либо используются в комбинации с яркими цветами для выявления акцента). Черный ассоциируется с силой, формальностью и элегантностью, загадочностью, с другой стороны — это цвет траура, смерти и зла.

Белый в спектре расположен на противоположной от черного стороне, но он, равно как и черный, сочетается с любыми другими цветами. Белый связан с образами чистоты и непорочности в культуре многих стран Запада, но в азиатских странах белый выступает цветом траура. В дизайне часто применяется в стиле минимализм либо служит фоном для других цветов.

Мультипликация представляет собой экранное искусство, вбирающее в себя качества почти всех видов художественного творчества, она синтезирует в себе живопись, графику, скульптуру. Мультипликация тесно соприкасается с областями актерской, музыкальной, дизайнерской, инженерной деятельности. Цветовое решение выступает составной частью мультипликационного производства, призванного подчеркнуть характер персонажа и обогатить композицию визуального рассказа.

Библиографический список

1. «Головоломка» : как создавали самый ожидаемый мультфильм. — URL : https://www.vokrug.tv/article/show/golovolomka_kak_sozdavali_samyi_ozhidaemyi_multfilm_goda_48352/ (дата обращения : 23.04.2019).
2. Композиция кадра. Мастерство визуального рассказа. — URL : https://multtov.net.ua/article/318_kompozitsiya_kadra.html (дата обращения : 22.04.2019).
3. Норштейн, Ю. Б. Снег на траве : Фрагменты книги. Лекции по искусству анимации / Ю. Б. Норштейн. — Москва, 2005. — С. 7.

УДК 130.2

*Ю.В. Гудова**I.V. Gudova*

ИМПЕРСКАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

IMPERIAL VISUAL EPISTEMOLOGY IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена описанию имперской культуры в современной России. В качестве методологии использована концепция визуальной эпистемологии Д. Блейкмар. Предметом исследования становятся скульптуры как пример имперского искусства: памятник царю Ивану IV Грозному, памятник императору Александру III, памятник князю Владимиру Великому. Основная гипотеза заключается в том, что указанные памятники создают определенный семиотический ландшафт города и способствуют формированию имперского сознания. Автор делает вывод, что одна из важных ролей в имперской визуальной эпистемологии принадлежит монументальным искусствам.

Ключевые слова: имперская культура, имперское искусство, имперское сознание, Д. Блейкмар.

Annotation. The article is devoted to the description of imperial culture in modern Russia. The concept of visual epistemology by D. Bleichmar is used as a methodology. The subject of research is sculptures as an example of imperial art: a monument to Tsar Ivan IV the Terrible, a monument to Emperor Alexander III, a monument to Prince Vladimir the Great. The main hypothesis is that these monuments create a certain semiotic landscape of the city and contribute to the formation of imperial consciousness. The author concludes that one of the important roles in imperial visual epistemology belongs to the monumental arts.

Keywords: imperial culture, imperial art, imperial consciousness, D. Bleichmar.

Имперская культура — это сложный этносоциокультурный феномен. В условиях развития в определенном государстве имперских амбиций доминирующие социальные субъекты используют культуру как способ легитимизации и прославления имперской власти.

Одним из важнейших элементов имперской культуры является искусство. Как утверждают Т.С. Злотникова [1, с. 213] и М.Н. Шумихина [3, с. 130], имперская культура использовала искусство в нескольких функциях: визуализация имперского бессознательного, конструирование и репрезентирование социальной реальности.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00273.

Для описания функционирования изобразительного искусства в системе имперской культуры Даниэла Блейкмар предложила концепцию «визуальной эпистемологии». Это «способ знания, основанный на визуальности, влиянии на наблюдение и представление» [4, с. 8], «техника <...> и метод создания и распространения знаний» [5, с. 236]. Визуальная эпистемология действует как часть и предпосылка имперской системы, которая имеет долгую историю представления в живописно-графических, декоративно-прикладных, скульптурно-монументальных и архитектурных формах общения для решения административных задач. «Визуальная империя» Даниэлы Блейкмар связывает естественную историю, визуальную культуру и управление империей. Важным элементом визуальной эпистемологии является культурная география и культурная антропология, которые также создаются графическими, живописными, декоративно-прикладными, скульптурными и архитектурными средствами.

В современной культуре имперская визуальность развивается с использованием традиционных искусств и новых средств массовой информации. Традиционные средства в современной России включают скульптурные памятники важнейшим фигурам имперской истории российского государства — Ивану Грозному (Москва, 2017), Владимиру Великому (Москва, 2016), Александру III (Ялта, Крым, 2017), генералу Ермолову (Минеральные воды, 2008), (Пятигорск, 2010).

Н.Р. Саенко и А.И. Шипицин утверждают, что скульптуры являются одним из важнейших инструментов конструирования политического сознания: «Они [скульптуры] являются <...> маркерами социальной и исторической памяти и выполняют важную функцию — накапливают, генерируют, передают определенную информацию» [2, с. 80]. По их мнению, популярность или непопулярность памятника определяется сочетанием разных факторов. Экономические и политические аспекты очень важны, когда есть скульптура. Благодаря этому один памятник в разные исторические моменты имеет разные статус, ценность и окраску. «Диахрония памяти зависит от состояния средств ее перевода, от того, какие значения в настоящее время обновляются памятником. В свою очередь, трансформация дискурса памяти вызывает изменения в культурном и семиотическом ландшафте города» [2, с. 80].

По мнению исследователей, культурная память, представленная скульптурами, тесно связана с политической идеологией [2, с. 81]. Таким образом, скульптура изменяет культурную память в соответствии с политическим запросом. Н.Р. Саенко и А.И. Шипицин называют такую политику культурной и символической. По нашему мнению, именно такая политика является частью имперской культуры и позволяет легитимизировать правящую власть.

Как подчеркивают авторы, скульптура отличается от других видов изобразительного искусства трехмерным изображением, реальностью и деятельностью восприятия. Благодаря этим качествам власть использует скульптуру как средство пропаганды [2, с. 82]. Таким образом, скульптура, включая памятник, является социальным явлением, потому что представленная информация варьируется в зависимости от власти.

Благодаря установке памятника исторической личности власти хотят обновить исторический характер в культурной памяти населения. В том числе через создание различных исторических мифов вокруг этого персонажа. Благодаря распределению памятников центр создает определенную культурную память, благодаря которой он может управлять периферией. Памятник царю Ивану IV Грозному вызвал большой резонанс в российском обществе. Эта историческая фигура — двусмысленная. С одной стороны, он значительно увеличил территорию российского государства, с другой стороны — во время его правления были периоды смуты и опричнины. Из-за споров в обществе о том, стоит ли поставить памятник Грозному, менялись город установки памятника и место установки, несколько раз откладывали дату открытия памятника.

Памятник императору Александру III, на наш взгляд, был создан для обозначения российской принадлежности крымских территорий. Ялта — один из крупнейших городов Крыма, и после возврата Крыма в Россию в 2014 году был принят ряд мер в области культуры для обозначения крымской земли как территории российского государства. Во-первых, временной пояс региона был изменен с киевского времени на московское время, разница составила один астрономический час. Во-вторых, официальный государственный язык был изменен с украинского на русский. И в-третьих, установка памятника российскому императору в одном из крупных городов Крыма стала логическим продолжением маркировки крымской территории как русской. Благодаря этому центр страны ввел свою культуру, трансформировал культурную память периферии, в данном случае Крыма. Это помогло укрепить связь между центром и периферией и узаконить власть центра на территории периферии.

Самый интересный пример — памятник князю Владимиру Великому. Согласно истории, он крестил Русь в 988 году. 4 ноября 2016 года, в государственный праздник Дня народного единства, президент В.В. Путин открыл этот памятник. Скульптура высотой достигает 17,5 метра (для сравнения: памятники Ивану Грозному и Александру III 2,5 и 4 метра). Скульптура Владимира Великого установлена в самом центре Москвы на охраняемой территории Московского Кремля. Визуально высота Владимира равна башням Московского Кремля. Башни были построены в XV веке вокруг административного Центра московского княжества. Затем в ходе истории они были разрушены несколько раз и реконструированы. В периоды истории, когда Москва была столицей России (Российское государство, СССР, Российская Федерация), силовые структуры располагались на территории Кремля. Благодаря этому Кремль в современном русском сознании символизирует государственную власть: именно там происходят самые значительные политические события. Таким образом, памятник крестителю Руси стоит на фоне символа государственной власти. В последнее время мы видим в России усиление связи между государством и институтом религии, особенно христианством. Религиозный христианский символ важен для страны на фоне символа государственной власти в государственный праздник, визуальная пропорциональность этих памятников указывает на попытку сформировать позитивное отношение к укреплению роли религии в стране. Таким образом, подчеркивается

важность совместного существования государственной власти и церкви. В советское время преследовалась религия, многие церкви и храмы были уничтожены. Благодаря установке памятника Владимиру Великому эпизод с преследованием церкви стирается из истории. Таким образом, памятник крестителю Руси трансформирует культурную память.

В итоге можно сделать вывод, что одна из важных ролей в имперской визуальной эпистемологии и конструировании имперского сознания принадлежит монументальным искусствам. В различных визуальных примерах мы видим, как имперская культура строит имперский образ. Одним из самых сильных жанров визуализации имперских образов является монументальная скульптура. Скульптуры представляют и формируют имперское сознание из символического центра империи на другие территории, как внутри страны, так и за ее пределами, используя различные изображения, например, используя изображение тех же памятников в виде открыток, картинок в интернете и т.п.

Практику символического объединения территорий с помощью монументальных статуй героев национальной истории можно наблюдать как в истории европейских классических империй XVIII–XIX веков, так и в истории империй нового типа, сформированных в эпоху глобализации. Доминирование центра над периферией с помощью монументального искусства показывает, что современная Россия осуществляет традиционные имперские культурные практики.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С. Имперское бессознательное — это контекст творческого самосознания человека / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический бюллетень. — Ярославль, 2014. — № 2. — Т. 1. — С. 213–217.
2. Саенко, Н. Р. Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры / Н. Р. Саенко, А. И. Шипицин // Вопросы культурологии. — Москва, 2010. — Т. 12. С. 80–84.
3. Шумихина, М. Н. Искусство как проводник политического мифа в жизнь / М. Н. Шумихина // Бюллетень гуманитарного ун-та. — Екатеринбург, 2017. — № 3 (18). С. 127–131.
4. Bleichmar, D. Visible Empire. Botanical expeditions and visual culture in the Hispanic Enlightenment / D. Bleichmar. — Chicago, 2012. — 228 p.
5. Bleichmar, D. The Imperial Visual Archive: Images, Evidence, and Knowledge in the Early Modern Hispanic World // Colonial Latin American Review. — London, 2015. — Vol. 24. Is. 2. — P. 236–266.

УДК 378.096

*О.Ю. Евсева**O.U. Evseeva*

**ЛОКАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ НАРОДНОГО МАСТЕРСТВА
ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА
В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**LOCAL SCHOOLS OF NATIONAL CRAFTSMANSHIP
OF THE TYUMEN REGION
IN THE SYSTEM OF GENERAL AND ARTISTIC EDUCATION**

Аннотация. Статья посвящена вопросу включения региональной составляющей в систему общего и художественного образования. Показано, как возможно на материале локальных школ художественного мастерства способствовать формированию компетенции.

Ключевые слова: изобразительное искусство в системе общего образования; художественное образование; декоративно-прикладное искусство; региональная составляющая.

Annotation. The article is devoted to the question of including a regional component in the system of general and art education. It is shown on the material of local schools of artistic skill how to promote the formation of competence.

Key words: visual arts in the system of general education; art education; arts and crafts; regional component.

В современных условиях проблема включения региональной составляющей не только в систему общего, но и профессионального художественного образования имеет целый ряд аспектов. Являясь одним из основополагающих направлений, общая тенденция гуманизации образования предполагает восприятие как мировой, так и отечественной художественной культуры, включая ее региональные проявления, каковыми можно рассматривать локальные школы народного мастерства региона.

Данное положение обосновывается тем, что наиболее стабильным в этнической истории всегда был и остается дух народа, проявляющийся в любви к родному как изначальному, будто то язык, обычаи, искусство. Именно родовое имеет воспитывающее и формирующее значение. Обращение к традиционным художественным и культурным ценностям других народов многократно умножает духовные способности человека. Нравственные, эстетические воззрения народов наиболее сконцентрированы в их национальном искусстве — это лучшая школа жизни, школа нравственности, школа эстетического воспитания. Народное декоративно-прикладное искусство способствует формированию духовности личности, системы ее ценностей, того стержня, вокруг которого

формируется неповторимая человеческая сущность. Вместе с тем народное декоративно-прикладное искусство — это «прошлое в настоящем. Живая традиция, неизменно сохраняющая цель преемственности поколений, народов, эпох, — пишет в своей книге М.А. Некрасова и продолжает: — Это огромный мир духовного опыта народа, художественных идей» [2, с. 7–8]. Не отдельные предметы быта, а цельный и стройный мир, который безжалостно разрушается, когда из него выхватывают ту или иную вещь, когда, рассматривая произведения народных мастеров, забывают о глубоких корнях, не только исторических, но и культурных. Но именно эта сторона позволяет в задачи общехудожественного образования вводить такие как формирование исторической памяти, вопросы нравственного воспитания, уважение к традициям, воспитание чувства патриотизма.

Роль и значение декоративно-прикладного искусства в системе общего и профессионального образования различного уровня рассматривается многими учеными-педагогами [1, 6]. Так, в трудах Т.Я. Шпикаловой выделены следующие исходные положения формирования основ этнохудожественного образования:

- историко-культурологический подход, позволяющий рассматривать различные явления в народном искусстве, как и в других типах художественного творчества, в их целостности и историческом развитии;

- художественно-эстетический подход, направленный на выявление специфики художественно-образной системы народного искусства и показывающий одновременно «общее» во взаимодействии народного, народного искусства с другими типами художественного творчества в системе культуры;

- комплексный подход к разработке содержания художественно-эстетических, гуманитарных учебных предметов и методики их преподавания;

- неразрывность методов теоретической и практической сторон обучения и воспитания, среди которых непосредственное общение с народным мастером — носителем традиции коллективного опыта занимает одно из ведущих мест;

- учет региональных особенностей искусства, прежде всего народного, определяемых в значительной мере этническими традициями и историко-культурными связями населения, с опорой на сложившиеся этнопедагогические традиции региона;

- учет цели и задач развития личности в контексте концепции гуманитаризации образовательной системы в целом [6].

Народное искусство, на протяжении столетий являясь своеобразным «жизненным учебником», передающим от старшего поколения к младшему опыт и знания, умения и навыки, житейскую философию и этику, в современных условиях не теряет своей воспитательной и образовательной функции. Изучение региональных народных промыслов является основой понимания закономерностей народного искусства в целом. Чтобы проводить эту работу с учащимися, педагог должен правильно использовать истоки педагогического мастерства, опыт и идеалы, накопленные веками не одним поколением.

ФГОС НОО и ООО [3, 4] допускают рассмотрение местных народных художественных промыслов и ремесел в рамках региональной составляющей. Если вопросы содержательного и методического аспектов региональной составляющей в системе общего образования опираются на опыт включения регионального компонента, предполагаемого предшествующим стандартом, то система дополнительного образования детей может опираться только на индивидуальные наработки и опыт педагогов. В системе дополнительного образования согласно ФГТ дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области декоративно-прикладного искусства, и в частности по направлению «Декоративно-прикладное творчество», данному аспекту может уделяться больше внимания.

Сами ФГТ разработаны для предпрофессионального образования. В рамках предметов «Работа в материале», «История народной культуры и изобразительного искусства», где формируются знания и навыки копирования, варьирования и самостоятельного выполнения изделий декоративно-прикладного творчества и народных промыслов и лучших образцов различных художественных ремесел, знания основных видов народного художественного творчества, его особенностей, народных истоков декоративно-прикладного искусства и основных центров народных художественных промыслов [5], логично включение и традиционных для региона народных промыслов и ремесел.

На уровне профессиональной подготовки в системе художественного образования ФГОС ВО предусматривают вариативную составляющую содержания, одной из функций которой является также отражение национально-региональных особенностей в подготовке будущих специалистов. Одной из составляющих в решении обозначенной проблемы можно рассмотреть включение в основную образовательную программу дисциплин, формирующих представление у будущих специалистов об этнохудожественных особенностях своего региона. Так, в учебный план подготовки по направлению подготовки 54.03.02. «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» включены такие дисциплины и факультативы, как «Традиционные ремесла региона», «Краеведение», «Народные обряды и праздники». Изучение региональной составляющей наряду с историей декоративно-прикладного искусства способствует формированию знаний о закономерностях развития художественной культуры и ремесел региона как составляющей материальной культуры человечества.

На занятиях основное внимание обращалось на творческие задания, позволяющие будущим специалистам лучше прочувствовать специфику народного декоративно-прикладного искусства, его значение в эстетическом воспитании и художественном образовании школьников.

В этом аспекте активная дискуссия в научно-педагогическом сообществе России, посвященная поиску путей гуманитаризации и гуманизации образования, определению важнейших характеристик нового социально-культурного типа личности, которая должна формироваться в образовательном процессе при сочетании общекультурного развития и всемерного сохранения национальных и региональных культурных традиций в современных условиях, актуальна. Чрезвычайно разнообраз-

ны и аспекты, в которых исследуются проблемы поликультурного образования. В связи с вышеизложенным возникает проблема подготовки профессиональных кадров, способных решать возникшие педагогические задачи.

Вся деятельность по включению региональной составляющей в образовательные системы различного уровня направлена на воспитание человека — патриота своей родины, наследующего лучшие традиции народной культуры, отражающей высокие принципы морали и этики; на развитие духовно-нравственных основ личности через духовные и культурные ценности и традиции народа. Это, в свою очередь, требует от педагога глубокого знания народного искусства, формировавшегося веками, понимания эстетического в национальном, прикладном искусстве, а также его глубинной духовной сути.

Особенно важно это в Тюменской области как одном из наиболее полиэтнических регионов России, где проживают представители около 150 этносов и субэтносов, при этом более 110 реально действующих национальных общественных объединений (региональных и местных) выражают их интересы.

Соседство различных этносов, проживающих в одном регионе, привело к тому, что характерной чертой современного мира стала поликультурность пространства жизнедеятельности человека. Современные условия не позволяют игнорировать проблему неподготовленностью людей к повышению уровня полиэтничности социальной среды, в которой живут и трудятся представители различных национальностей, и в то же время их изменений. Данный аспект обуславливает неизбежность изучения вопросов поликультурности образования.

В сложившихся условиях важнейшей составляющей содержания образования является народное декоративно-прикладное искусство. Воспитательное и образовательное влияние декоративно-прикладного искусства основывается на его родовых началах, причем родовое выступает в народном искусстве в виде системы, структуру которой образуют три аспекта. Первый аспект — связь человека с природой. Эта особенность прослеживается на всех этапах исторического развития народного искусства всего мира. «Природность» определяет особые нравственные критерии и художественную специфику произведений народного творчества. Второй аспект — выражение национального, проявляющего себя в особенностях национального стиля. Третий аспект — «школы народного искусства» — национальные, региональные, краевые, школы отдельных промыслов [1, 2, 6].

Таким образом, можно рассматривать обращение к этнокультурным традициям в воспитательном и образовательном процессе как одну из актуальных проблем современного эстетического и художественного образования, способствующую усилению культуuroобразующих функций учебных заведений различного профиля в регионе.

Современный уровень развития профессионально-художественного образования характеризуется рядом противоречий между:

— потребностью многоотраслевого регионального образовательного пространства в развитии кадрового обеспечения и ограниченными воз-

возможностями системы высшего профессионального образования в расширении перечня направлений подготовки и специальностей;

- необходимостью учета реальной потребности региона в кадрах, специфики социально-трудовых отношений в образовательных организациях различного уровня в регионе и отсутствием научного обоснования развития регионального образовательного пространства;

- расширением сотрудничества образовательных учреждений региона и недостаточной разработанностью научно-методического обеспечения реализации интегративных образовательных систем.

Даже предварительный анализ состояния проблемы развития профессионально-художественного образования позволяет выявить ряд недостатков:

- пока не сбалансирован рынок труда, слабо ориентирована на текущие и перспективные потребности социально-экономического развития региона образовательная политика;

- мало уделяется внимания формированию прогнозного перечня профессий в комплексных программах развития профессионального художественного потенциала для региона;

- динамика изменений показателей инновационного и культурного развития региона (научных, производственных, инвестиционных, материально-технических) учитывается еще недостаточно;

- низок уровень содержательной и структурной интеграции образовательных учреждений, направленной на создание открытой профессиональной среды в условиях региона.

Включение регионального аспекта в системы общего и художественного образования наиболее эффективно при соблюдении следующих условий:

- этнопедагогические традиции каждого народа необходимо рассматривать в единстве с общекультурными и художественными традициями и как отражение педагогического опыта «психического склада той или другой этнической общности»;

- наиболее целесообразно обращаться к методам этнопедагогике при изучении народной культуры, в частности художественной, что является оправданным самой «генетической» связью компонентов народной культуры;

- процесс обучения и воспитания с использованием некоторых приемов этнопедагогике будет успешен, если он является результатом сотрудничества педагога и учащегося;

- включение в педагогический процесс этнохудожественных и этнопедагогических традиций должно способствовать сохранению народной культуры, передаче подрастающему поколению культурной исторической памяти народа;

- использование педагогического опыта и культурных традиций других народов должно основываться на накопленных фактах этнопедагогических систем, последующем сравнительном анализе традиций народной педагогики и дальнейшем обобщении опыта идей о воспитании и образовании народов данного региона;

- этнопедагогические традиции эстетического воспитания, применяемые на занятиях, должны согласовываться с особенностями психологического развития данного возраста и с личностными особенностями каждого учащегося (студента);

— в основы трудового воспитания и образования должны быть включены воспитательные и образовательные функции народного искусства, региональные, локальные школы народного мастерства как фундаментальные пласты народной художественной культуры.

Соблюдение этих условий способствует решению как ряда художественно-эстетических задач, так и повышению эффективности образования и воспитания с использованием этнохудожественного компонента.

Библиографический список

1. Алексеенко, Е. В. Народное искусство и традиционная культура России — системообразующий компонент непрерывной художественно-образовательной системы / Е. В. Алексеенко // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием Национального педагогического симпозиума «Образование и национальная безопасность». — Орел : Изд-во Орловского государственного ун-та им. И. С. Тургенева, 2017. — 292 с. — С. 9–18.
2. Некрасова, М. А. Народное искусство как часть культуры : теория и практика / М. А. Некрасова. — Москва : Изобразит. искусство, 1984. — 334 с. : ил.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 // Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://fgos.ru/> (дата обращения: 31.05.2019).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 // Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://fgos.ru/> (дата обращения: 31.05.2019).
5. Федеральные государственные требования к минимуму содержания, структуре и условиям реализации дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программы в области декоративно-прикладного искусства «Декоративно-прикладное творчество» и сроку обучения по этой программе. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 12 марта 2012 № 159 // Сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mkrf.ru/documents/ob_utverzhenii_federalnykh_gos352757/ (дата обращения: 31.05.2019).
6. Шпикалова, Т. Я. Концептуальные подходы к содержанию художественного образования и воспитания школьников средствами народного искусства / Т. Я. Шпикалова // Формирование личности учителя начальных классов в процессе освоения классического и народного искусства : сб. — Шуя, 1992. — 95 с. — С. 9–15.

УДК 821.161.1.09-2+929

*Жюли Жербер**Julie Gerber***ПОЭТИКА ЕДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГОГОЛЯ И А. КОЭНА****THE POETICS OF FOOD
IN THE WORKS OF N. GOGOL AND A. COHEN**

Аннотация. В данном компаративистском исследовании рассматриваются гастрономические образы, встречающиеся в произведениях А. Коэна и Н.В. Гоголя. Актуальность исследования определяется важностью освещения классических художественных произведений, связанных с такой областью человеческой жизни, как гастрономия, изучение которых помогает раскрыть психологические аспекты героев и дает представление о важных аспектах русской и еврейской культур. Кроме того, сравнение данных авторов осуществляется в области филологии впервые.

Ключевые слова: А. Коэн, Н. Гоголь, литература, поэтика, еда, идиллия, эротизм.

Annotation. This comparative article analyzes the gastronomic images in the works of A. Cohen and N. Gogol. This study is relevant because it highlights the representation of gastronomy in their works. The link between the characters and the role of food helps to underlie the psychology of the heroes, and also emphasizes important aspects of Russian and Jewish cultures in their works. In addition, the authors are compared for the first time in the field of philology.

Key words: A. Cohen, N. Gogol, literature, poetics, food, idyll, eroticism.

Пища не всегда изображается в литературе, но когда это все же случается, то она действительно имеет символическую функцию. Описания блюд в русской прозе, также как и во французской, часто напоминают «словесные натюрморты» [9]. Недавние и многочисленные анализы на эту тему [8] отдают почетное место еде как раскрытию того, что представляют собой персонажи. Прием пищи является моментом, в котором раскрывается характер персонажа и качества межличностных отношений. Наконец, внимание, уделяемое еде, раскрывает целый пласт культуры и времени. С другой стороны, мало исследований, которые позволяют измерить культурные сходства или особенности в отношении пищи. Это то, что мы предлагаем сделать здесь, изучая поэтику еды у Гоголя и Коэна — двух авторов, которых никогда не сравнивали, несмотря на их близость. Эти авторы являются мастерами гротеска и бурлеска — жанров, в которых тело и его функции занимают преобладающее место.

Анализ поэтики еды, то есть изучение литературных форм, и особенно стилистики, позволяет нам пролить свет на значение представления пищи

у этих авторов из разных культур и эпох. Николай Гоголь — русскоязычный писатель, родившийся на Украине в 1809 году и умерший в Москве в 1852 году. Альбер Коэн, родившийся в Греции в 1895 году, является франкоязычным автором со швейцарскими корнями и еврейской культуры, который умер в Женеве в 1981 году. Цикл романов Альбера Коэна состоит из четырех книг: «Солаль» (1930), «Проглот» (1938) «Любовь властелина» (1968) и «Храбрые» (1969). Последние — пять буйных и причудливых персонажей, которые называют себя «Храбрые Франции», — евреи с греческого острова Кефалония, происходящие от еврейской семьи Солаль из Франции. Радость жизни у этих персонажей часто принимает форму наслаждения едой. Это эмоциональное отношение к еде также можно прочесть в работах Гоголя: от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1830) до «Мертвых душ» (1842). Именно из этих работ ясно, что понятие еды нагружено двумя символическими слоями: жизнь и эротизм.

На первый взгляд, еда является признаком жизни, особенно идиллической жизни. Здесь мы заимствуем у Бахтина его концепцию «идиллии» как ограниченного пространством микромира, который самодостаточен и не связан с другими местами, с остальной частью вселенной [2], это закрытый и совершенный мир. Во-первых, продукты ассоциируются с землей, которая их произвела, землей, наполненной воспоминаниями для авторов и считающейся далеким раем. «Храбрые», и Коэн через них, продолжают превозносить свой родной остров Кефалония. Что касается Гоголя, то в своих украинских сказках он дает увидеть свой родной край Малороссии, который ему дорог. Еда чаще всего указывает на изобилие, тем самым рисуется райская страна, где всего в избытке. Бахтин привносит еду в основные темы идиллической жизни [2, с. 258].

Прежде всего речь идет о деревенской идиллии, так сказать, «местной». В прологе к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» персонаж Рудый *Панько* приглашает читателя посетить его уголок: «Зато уже как пожалуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот — дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха!» [4]. Панько использует всевозможные метафоры, чтобы подчеркнуть редкое качество еды своей страны: слезы, хрусталь, драгоценности. Эта ода еде похожа на оду Проглота в начале романа, где он заявляет о своей любви к родному острову: «Прощай, Кефалония, пышный остров моего детства! [...] Прощайте, фрукты, приятные небесам, уже созревшие в этом сладком климате!» [10]. Здесь празднуется изобильная и как будто женственная сладость. Таким образом, прием пищи и продуктов питания показывается не в реалистичной, но в сублимированной форме.

С другой стороны, Гоголь описывает семейную идиллию в повести «Старосветские помещики». В этом тексте выражается ностальгия по жизни, организованной крестьянским трудом, где царит порядок, чистота и изобилие. В этой короткой повести рассказывается о повседневной жизни двух стариков — Афанасия и Пульхерии, основное занятие которых состоит в том, чтобы есть и готовить пищу: домашнее управление состоит в

«беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений» [5]. Постоянно упоминается «котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре». Не только супруги, но и другие персонажи участвуют в этом выплеске пищи, будь то производство или потребление: «Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила готовить еще на запас, если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы свои» [5]. Вся производственная цепочка находится под знаком радостного избытка, что свидетельствует о том, что жизнь одновременно спокойная и буйная — то, о чем мечтает любой человек. Сублимация пищи, которая здесь происходит, объясняется, согласно Бахтину, тем, что в идиллии крестьяне едят пищу, которую они сами производили с помощью солнца, дождя, земли. Тогда пища становится конкретным результатом гармонии вселенной. С другой стороны, пища персонализируется: ее столько, что она, кажется, сама просит себя съесть. Эта идея напоминает рог изобилия, мечту греческой мифологии: стол, который украшается сам по себе и без труда, в соответствии с первоначальным состоянием человека в раю. У Гоголя в повести «Ночь перед Рождеством» колдун Пацюк обедает «перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки» [4]. Зачарованная пища, словно оживленная собственной жизнью, предлагает небесный образ человеку, которому не нужно никаких усилий, чтобы прокормить себя, — даже руку протянуть.

Наконец, можно считать, что персонажи испытывают идиллию со своим телом. У персонажей Коэна настоящая привязанность к своему организму, в частности у Проглота: «О, сладкие кузены, какое удовольствие тихо услышать, как мягко катается по моей счастливой кишке и оседает в моем дорогом животе эта пища обожаемая, цементированная моей слюной!» [10, р. 13]. Тело упоминается напрямую: «кишка», «живот», «слюна» и звук, который оно издает. Проглот получает удовольствие от воображения и ощущения, связанных с биологическими процессами своего тела: от приема пищи до пищеварения. Кажется, он считает чудом превращение внешнего в себя, на что указывает повторение притяжательных местоимений: «*моя* кишка», «*мой* живот», «*моя* слюна». Его привязанность одинакова к внешнему, окружающим людям и еде, и к внутреннему, к собственным органам: «сладкие», «дорогой», «обожаемая». Лирический тон через междометия «О!» и обращения типа «сладкие кузены», антепозиции «обожаемая пища», ассоциирующейся с выражением «счастливая кишка», окрашен гротескным юмором, который помещает читателя в самое тело едока.

Проглот является достойным наследником еврейской культуры, и особенно хасидской, в которой нельзя пренебрегать телом: ему нужно предлагать хорошую еду. Исаак Лейбуш Перец, пишущий на идише, автор народных еврейских сказок, пишет: «Тот, кто много постится,

грешник — тело должно питаться! [...] И вот приходит праздник, день радости — веселись! Возьми каплю водки, веселись и ты, тело! И душа вкушает удовольствие, и тело тоже! [...] Пасха, день нашего освобождения — угостись, тело, вот тебе галушка! [...] Не шути, братец, с галушками» [7, с. 82]. Мы находим здесь обращение персонажа к собственному телу, энтузиазм через восклицательные знаки. Для повествователя Исаака Лейбуша Переца, также как и для Проглота, прием пищи — внутренний праздник. Итак, на этих трех уровнях идиллий царят изобилие и гармония, которые ассоциируются с едой.

Можно тогда выделить четвертый уровень, о котором разные критики уже говорили: неизмеримое удовольствие от письма, игры со словами — вот то, что мы называем текстуальной идиллией: действительно, «праздничное измерение [...] приравнивает наслаждение едой к наслаждению письмом, чтением и языком» [8]. Рассказчики, а за ними авторы питаются и упиваются словами. По словам Винсента Жуве, «удовольствие от слов часто описывается с помощью образов пищи: знак, вкус которого испытан с наслаждением, освобождается от ограничений мира и смысла» [12].

Идея наслаждения позволяет нам артикулировать понятия еды и эротики: их объединяет то, что они необходимы для жизни и приносят удовольствие. Глубина этой аналогии была широко проанализирована представителями французского постмодернизма, такими как Мишель Фуко или Жорж Батай. Как говорит Джудит Кауфманн, для персонажей Коэна еда представляет собой способ «соприкоснуться с миром, впитать его» [12]. Речь Проглота предлагает всевозможные лексические вариации о поглощении, которое является самым условием полового акта: «Я никогда не забуду этот великий день, когда я впитывал, рассасывал, глотал, хрустел, покусывал, пожирал, пробовал на вкус, проглатывал, заглатывал, обжирался до опасного набухания стенок желудка и высшего расширения!» [13, р. 599]. С явным энтузиазмом Проглот перечисляет эти синонимы, таким образом выявляя связь между этими двумя интимными областями. Напротив, его отношение к еде «аскетично» и временами напоминает ту, которая господствует между рыцарем и его дамой, когда его заявления о любви к еде приобретают рыцарский стиль: «Я предпочитаю вообще не есть бутаргу [прессованная сушеная икра серой кефали], чем есть ее немного, ведь боль разлуки больше, чем печаль отсутствия!» [10, р. 237]. Гиперболические выражения «боль разлуки», «печаль отсутствия» и тонкость нюанса между этими чувствами, неожиданные в контексте, когда персонаж выражает свои предпочтения в еде, производят комический эффект. Это полное отречение от «потребления» напоминает таковое в «Тристане и Изольде», когда после ночи в лесу они решают разлучиться, чтобы больше не увековечивать свою незаконную любовь. В этом тексте «бутарга», которая является, между прочим, традиционным средиземноморским блюдом большой утонченности и высокой цены, ассоциируется с недостижимой дамой. Как это ни парадоксально, принцип куртуазной любви заключается не в том, чтобы вступить в соитие, а в том, чтобы поддерживать страсть, не стремясь к ее реализации.

Следует добавить, что роман «Храбрые» начинается с речи Проглота, провозглашающего свое завещание перед тем, как покончить с собой. Это фактически является перечислением всего, что он любит в жизни,

начиная с еды: «А вы, вкусные вещи, которые можно съесть, что завтра будут все же, но без меня, кто вас настолько любил, до свидания! Прощайте, очаровательные на вкус фрукты, уже созревшие в этом нежном климате! Прощайте, обожаемые дыни и волшебные арбузы! [...] Прощай, вкусное белое вздутое яйцо и кружевное!» [10, р. 13]. Эротическое измерение принимает форму неявной аналогии между женщиной и фруктом: «любить», «очаровательный», «созревать», «нежно», «обожаемый», «очаровательный», «вкусно». К тому же «дыня», «арбуз» — это фрукты, обычно ассоциируемые с женской фигурой. Круглая форма, «вздутие» — «вздутый» аспект имеет сексуальный оттенок.

Аналогия также обнаруживается у Гоголя в повести «Сорочинская ярмарка» в диалоге между Хавронией Никифоровной и Афанасием Ивановичем: «Вот вам и приношение [...] — проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою, будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, — вареники, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички! [...] — Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья послаще всех пампушечек и галушечек» [4]. Ласкательная форма этих слов, «галушечки», «пампушечки», «товченички», может указывать в данном контексте на нежное отношение. Сексуальная отсылка с аллюзией «кушанья послаще» эксплицитна, а в этот раз со стороны женщины.

Интересно, что обнаруживается ценностное переверачивание по отношению к религии. Религиозные тексты же, Тора или Библия, сравнивают не еду с женщиной, а наоборот, женщину с едой. В Песни Песней (4:11–13) говорится: «Из уст твоих сочтется сотовый мед, невеста моя, мед и молоко под языком твоим. [...] Ты — сад с гранатовыми деревьями, с превосходными плодами». Метафора подчеркивает именно красоту женщины. При этом именно эта книга Библии является эстетическим и моральным вдохновением обоих авторов: она цитируется Коэном на протяжении всего произведения, а также упоминается у Гоголя.

В иудаизме женщина также сравнивается с едой. Даниель Боярин, еврейский религиовед, напоминает, что в Талмуде «готовая» женщина в кровати сравнивается с накрытым столом. В ответ на вопрос одной еврейки о том, как следует поступить в интимных отношениях, раввин говорит, что «хочет [хозяин] есть его соленым — ест, [хочет] печеным — ест, [хочет] тушеным — ест, [хочет] вареным — ест. И то же с рыбой...» [3, с. 217]: женщин, соответственно, прямо ассоциируют с куском мяса. Еда у Коэна всегда объект культа, и наоборот, когда женщину сравнивают с едой, это, наверное, не особенно ее хвалит, по крайней мере, с точки зрения читателя: «Блондинки мне напоминают о жирненькой печени говядины хорошо поджаренной, тогда как брюнетки скорее у меня ассоциируются с жирненьким хвостом говядины с обильным красным перцем» [11]. Сравнение не во благо женской красоте, но в пользу «потребительского» отношения к ней. Итак, еда имеет эротический аспект у этих авторов, во-первых, с точки зрения поглощения, а во-вторых, по отношению к женщине.

В заключение надо сказать, что, несмотря на различия культуры и времени, сходство поэтики еды этих авторов поразительно. Михаил Бахтин описывает банкет Рабле в терминах, которые идеально соответствуют этим авторам, когда он пишет, что тенденция к изобилию и универсальности присут-

ствуется в каждой картине употребления и приема пищи и что она определяет формирование этих образов, их позитивный гиперболизм, их триумфальный и радостный тон. Этот гиперболизм принимает форму фигур «мифических огров» [1]. Эти персонажи думают прежде всего о том, как заполнить свои желудки. В обоих случаях пища ассоциируется с избытком и вызывает, по словам Клодин Накаче-Руими, «интенсивные эмоциональные реакции в полном согласии с эстетикой избытка, присущего гротеску» [14], жанру, который помещает тело и его функции в центре внимания. Этот факт свидетельствует о том, что еда в этих произведениях помимо практической функции, такой как отвлечение ритма истории или выявление черт характера, выполняет как физическую, так и метафизическую функцию празднования жизни, призывая к любви и играя со смертью. Даже в их соответствующих биографиях авторы чем-то похожи, если вспомнить, что Альберт Коэн прошел через несколько эпизодов анорексии и что Гоголь умер от религиозных постов, говоря, что дьявол присутствует в его желудке.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1> (дата обращения: 01.03.2019).
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва: Искусство, 1986.
3. Боярин, Д. Израиль по плоти : О сексе в талмудической культуре / Д. Боярин. — Москва : Книжники, 2012.
4. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Собр. соч. : в 9 т. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 1. — URL : <https://ilibrary.ru/text/1088/index.html> (дата обращения: 13.04.2019).
5. Гоголь, Н. Старосветские помещики // Миргород. Кн. 1. — Москва : АСТ, 2008. — URL : http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171961 (дата обращения: 12.03.2019).
6. Лебедева, П. Гастрономические образы и их функции в творчестве Н.В. Гоголя [Электронный ресурс]. — URL : <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2016/09/29/gastronomicheskie-obrazy-i-ih-funksii-v-tvorchestve> (дата обращения: 01.04.2019).
7. Перец, И. Л. Хасидские рассказы / И. Л. Перец. — Санкт-Петербург : Северо-Запад Пресс, 2004.
8. Ранчин, А. М. Символика еды в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» [Электронный ресурс]. — URL : <https://www.portal-slovo.ru/philology/41261.php> (дата обращения: 01.03.2019).
9. Филиппова, Е. В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте : на материале малой прозы 60–80-х годов XX века : дис. и автореф. по ВАК РФ 10.02.01 / Е. В. Филиппова. — Ставрополь, 2004.
10. Cohen, A. Les Valeureux // Cohen, A. Gallimard. — Paris, 1986.
11. Cohen, A. Mangeclous // Cohen, A. Gallimard. — Bibliotheque de la Pluiade, 1993.
12. Jouve, Vincent A. Cohen et le grotesque // Kauffmann, J. Grotesque et marginalité. Variations sur Albert Cohen et l'effet-Mangeclous. — Peter Lang, 2000. — URL : <https://www.fabula.org/revue/cr/108.php> (дата обращения: 01.04.2019).
13. Milkovitch-Rioux, C. Des propos des “bien Ivres” aux rires des Valeureux : Jouissances et rjouissances rabelaisiennes dans le roman cohunien // Cahiers Albert Cohen. — Numero 6. — 1996. — С. 9–45. — URL : <http://www.atelier-albert-cohen.org/index.php/liste-des-articles-en-ligne/135-des-propos-des-qbien-ivresq-aux-rires-des-valeureux-jouissances-et-rejouissances-rabelaisiennes-dans-le-roman-cohenien-par-catherine-milkovitch-rioux.html> (дата обращения: 30.03.2019).
14. Nacache-Ruimi, C. Albert Cohen, une poutique de la table // Rennes, PUR. — Tables des hommes, 2015.
15. Schaffner, A. Le banquet des Valeureux (Albert Cohen, Mangeclous) / Elfe XX–XXI. — URL : <http://journals.openedition.org/elfe/538> (дата обращения: 01.04.2019).

УДК 7.023.1-033.6

*Г.З. Мухаметчина**G.Z. Mukhametchina*

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА И ЭТНОДИЗАЙНА
«ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ»)**

**REGIONAL ART IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION
(BY THE EXAMPLE OF THE DEPARTMENT OF DECORATIVE
AND APPLIED ARTS AND ETHNODESIGN
OF TYUMEN STATE INSTITUTE OF CULTURE)**

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы проведения крупномасштабных биеннале, «превращающих высокое искусство» в сферу туристического бизнеса» и арт-туризма, искусство все и всех объемлющего аттракциона, которое зритель должен считывать на ходу. С другой стороны, остро встает обратная проблематика: поиски собственной идентичности оборачиваются «элементарной демонстрацией этнических штампов».

Ключевые слова: керамика, декоративно-прикладное искусство, ремесло, выпускные квалификационные работы.

Annotation. This article deals with the problems of large-scale biennales «transforming high art» in the sphere of tourism business» and art tourism, the art of all and all-encompassing attraction that the viewer must read on the go. On the other hand, the reverse problem is acute: the search for one's own identity turns into «an elementary demonstration of ethnic cliches».

Keywords: ceramics, arts and crafts, crafts, final qualifying works.

Проведение крупномасштабных биеннале «превращает высокое искусство» в сферу туристического бизнеса» [1] и арт-туризма, искусство все и всех объемлющего аттракциона, которое зритель должен считывать на ходу. С другой стороны, остро встает обратная проблематика: поиски собственной идентичности оборачиваются «элементарной демонстрацией этнических штампов» [3].

В этой ситуации искусство локальных, маленьких пространств пытается удержаться на плаву, балансируя между экспериментом и отказом от новизны ради новизны. Для тюменской художественной среды таким «островком» стало сообщество керамистов — преподавателей, выпускников и студентов кафедры декоративно-прикладного искусства и этнодизайна «Тюменского государственного института культуры» (ТГИК).

Количество защит, где присутствует данный вид творчества с 2003 года, и количество дипломов, получивших хорошие и отличные оценки, с уче-

том «штучной» специальности, — 49 человек. При этом важнейший показатель: с 2010 по 2015 год лауреатов, призеров и обладателей 1 и 2 мест на международных выставках — 258, всероссийских — 379, региональных — 178, областных — 121, городских — 147. Радует и «универсальность» самих прикладников, которые пробуют себя в различных жанрах.

Керамика в выпускных квалификационных работах ТГИК играет большую роль: во многом это связано не только с эффектом доступности и теплоты керамики как материала, но и с качеством работ, что позволяет говорить о высоком уровне преподавания и хорошо отлаженном процессе обучения на кафедре. Объяснение этому также и уникальность данного вида творчества, что позволяет мастеру уйти в область реконструкции и сохранения культурного наследия либо свободно экспериментировать в духе новейших художественных течений.

Сегодня накоплен огромный опыт как мирового, так и общероссийского масштаба по материально-технической оснащенности процесса изготовления керамики, но сам процесс «воспитания» мастера, передача собственных знаний от педагога к ученику, где имеет значение каждая «мелочь», приобретенная зачастую методом проб и ошибок, всегда уникален.

Присутствие керамики в современном интерьере увлекает возможностью интересных находок, освоения новых тем и сюжетов, выявления не просто характера, специфики и свойств материала, но и его «экспериментального духа». Это уже не только прикладное и утилитарное, не просто изобразительно-скульптурное направление, но и концептуальный путь, где нет границ для идей и тем (диплом Романа Попченкова «Джазовая тема в декоративной скульптуре», 2013).

Поскольку функциональная часть предметного мира все более отдается сфере дизайна, керамика не просто переносит акцент на эстетические качества вещи, но и становится доминантой ансамбля, «изюминкой» интерьера. Это не снимает с нее «социальной» ответственности, поэтому многие выпускники выбирают темы, связанные с проблемами, — экологии («Сибирский лес» Алены Васенковой, 2015, «Полет. Стерхи» Людмилы Козловой, 2011), рождаемости и статуса материнства и женщины в обществе («Женщины Кавказа» Анны Болдиной, 2011).

Для представления «жизни» готовой керамики в интерьере важно знать не просто характер и почерк стилей и течений в искусстве прошлых веков и современности, но грамотно выбирать материалы, с учетом фактуры и плотности, научить студентов видеть свои сильные стороны в работе с ними.

Скульптурный, архитектурный или живописный, графический способ декора обязательно пробует каждый, но грамотный выбор играет приоритетную роль. Шероховатые пласты или компактная масса, где напряженность внутренней жизни задана динамическим сопряжением пластических ритмов, обязательно находят своих приверженцев. Так, стилизуя «буддийский» лотос, Елена Дрыгина в дипломе «Применение принципов гармонии природных форм в решении комплекта декоративной скульптуры «Лотос»» (2015) отказалась от передачи формы распустившегося цветка. Но остановилась на более лаконичной архитектонике его коробочки, имеющей интересную структуру в сочетании объемов и полостей. Несмотря на объяснение подобных стилизаций по опыту прошлых веков географическими открытиями, торговлей или туристическим «бумом», здесь сохранен подход «восторга перед натурой».

Студенты комбинируют керамику с гобеленом и деревом, собирают панно из пластов и композиции из древнейшего вида — традиционных сосудов. Новая концепция пространства позволила керамике расширить полномочия, поэтому декоративный фонтан (Анастасия Самохвалова), ширма (Евгения Томилова) или стол для игры в нарды, созданный под впечатлением восточных изразцов (Ольга Завьялова), наряду с композициями из ваз, блюд или панно выглядят очень достойно.

Пространство современного интерьера многоуровневое и многослойное, здесь вместо трассированного марша по прямой более уместно зонирование, поэтому ширмы с элементами керамики — очень перспективное применение сил.

Панно «Итальянская комедия дель арте» (А. Евдокимова, 2015), задуманное для буфетной зоны в Театре кукол, наглядно сочетает принцип «хлеба и зрелищ», когда, находясь в фойе, маленькие зрители уже предвкушают встречу с куклами и актерами.

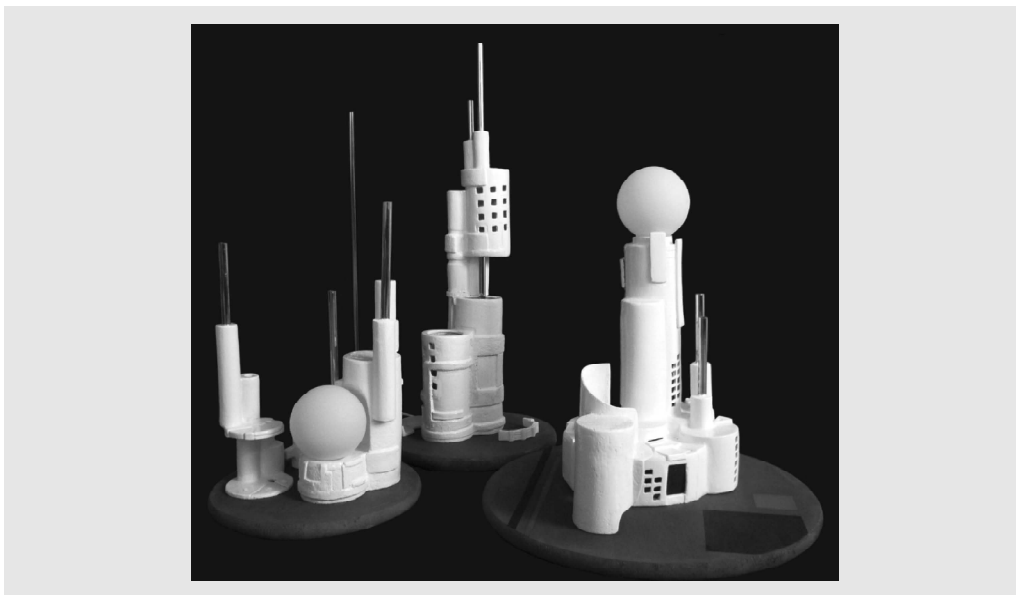

Похвально, что молодые мастера не боятся брать крупногабаритные, многосоставные вещи, многофигурные композиции. Соединяясь, сосуды разных форм создают почти перспективное поле. Их форма как музыкальный ритм. «В последней четверти XIX века, когда наука активно

изучала природу цвета, а техника давала множество новых, ранее неизвестных красок, проблема колорита как собственно живописная задача встала особенно остро...

Так, например, разрабатывалась проблема равновесия цветных геометрических форм, строго размеряющих количество каждого цвета» [2].

Декоративные светильники по мотивам архитектурных фантазий Я. Чернихова (Н. Белобородов, 2015) выступают не только как средовой элемент, но как «родственники» этого выразительного вида искусств.

Достижение XX века — многожанровость, как в станковой картине, так и в керамике, — плавно перешло в новое столетие. Много работ, где дипломники обращаются к «национальным истокам»: архаика севера, мусульманские орнаменты, славянские мотивы, фольклорные сюжеты, — не просто дань уважения, ностальгии по прошлому или желание «показаться не как все», эти ремейки — дань эпохе нового историзма, претендующего на анализ, философскую составляющую и культурную ситуацию.

Это понятие всеобщности, глобальности культурного процесса, для которого временные и географические границы не столь существенны, как идентификация по характеру, стилю и образу того или иного предмета. «Сам тип репрезентации глобального мира как разделенного на современность и несовременность, на западный и незападный уже давно не адекватен реальной системе определяющих современный мир связей» [2].

Отсюда огромное внимание уделяется «пояснительным запискам», поиску аналогов и эскизам. Студент хорошо представляет, что просто механическое перенесение или неграмотное подражание тут же сказывается на восприятии предмета, среда его отторгает как чужеродный и «несвоевременный», который ушел от подлинности антиквариата, но не состоялся как «современный», поскольку лишен самобытности или яркого художественного почерка.

Потому что «товарный вид» остается внешней бутафорией, но художественные качества определяются не только и не столько этим. Неделikat-

ный уход искусства профессионального в народную или наивную область может выглядеть очень грубо, поэтому тщательно изучаются техники нанесения орнамента, декора, рецептура состава материала и оговаривается заранее, что здесь возможно сделать «акцентом эксперимента».

К сожалению, отдельно взятая статистика и примеры одной кафедры не дают оснований для далеко идущих выводов или глобальных прогнозов развития этого вида искусства в целом. Но в конкретно взятом вузе, на примере конкретной кафедры можно убедиться, что у керамики большое будущее: характер каждого произведения индивидуален и каждый образ представлен в конкретной пространственной ситуации. Педагоги ценят в студентах самостоятельность, творческую независимость и доскональное знание ремесла.

Библиографический список

1. Мамонов, Б. Опасности подстерегают / Б. Мамонов // Художественный журнал. — Москва, 2005. — № 58/59. — С. 106.
2. Мизиано, В. Идентификация контекста / В. Мизиано // Искусство. — Москва, 2009. — № 6. — С. 44.
3. Пронина, И. Роль цвета в предметном ансамбле / И. Пронина // Человек, предмет, среда : вопросы развития советского декоративного искусства : сб. /под ред. В. П. Толстого. — Москва : Изобразит. искусство, 1980. — С. 125.

УДК 130.2

*И.Ю. Рыбникова**I.Y. Rybnikova***ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАЗДНИКА****DIALOGICAL POTENTIAL OF THE HOLIDAY**

Аннотация. Интерес к диалогическому потенциалу праздника обусловлен ролью, которую играет праздник в сохранении и трансляции духовного единства общества, в обеспечении устойчивого социокультурного пространства. Празднуя, человек пребывает в диалоге с предками и современниками, природой, Богом, миром в целом. Осуществление такого диалога помогает человеку понять себя, постичь смысл существования.

Ключевые слова: диалог, игра, культура, праздник, символ, ценности.

Annotation. The interest in the dialogical potential of the holiday is due to the role that the holiday plays in the preservation and transmission of the spiritual unity of society, in ensuring a sustainable socio-cultural space. Celebrating, man is in dialogue with ancestors and contemporaries, nature, God, the world as a whole. The implementation of such a dialogue helps a person to understand himself, to comprehend the meaning of existence.

Key words: dialogue, game, culture, holiday, symbol, values.

Исходным моментом философского анализа диалогического потенциала праздника является определенность в понимании диалога / диалогичности, и значимую помощь здесь может оказать концепция диалога культур, существенный вклад в разработку которой внесли М.М. Бахтин, М. Бубер, В.С. Библер, М.С. Каган. М.М. Бахтин определяет диалог как всеобщую основу взаимопонимания, как «почти универсальное явление, пронизывающее... все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение...» [1, с. 71]. Способность к диалогу рассматривается М. Бубером как неперемное условие жизненной силы культуры и постижения человеком самого себя [4]. Для В.С. Библиера диалог выступает «оптимальной формой общения людей» [3]. Общим законом существования культуры объявляет диалогичность М.С. Каган, усматривая суть диалогичности в поиске такого контакта с собеседником, при котором порождается «духовное единство, единство многообразия» с неперменным сохранением субъективности [5, с. 403–404]. На наш взгляд, представленные интерпретации диалога / диалогичности взаимодополняют друг друга и применимы к анализу диалогического потенциала праздника.

Специфика социокультурных трансформаций, наблюдаемых в современном мире, делает проблему диалога актуальной не только на теоретическом уровне, но и в плане принятия конкретных практических решений, на-

правленных на укрепление взаимопонимания между людьми. С особой настойчивостью сегодня заявляют о себе проблемы взаимоотношений между странами, между человеком и обществом, обществом и природой, личностью и государством; проблемы взаимоотношений между поколениями, различными этническими группами и конфессиями. Проблемное поле обнаруживается в выстраивании отношений между субъектами всех уровней современной цивилизации. Исследователи едины во мнении, что решение комплекса проблем, связанных с сохранением социокультурного пространства, возможно лишь при условии межкультурных коммуникаций, «где новый смысл и социальную ценность приобретает диалог как наиболее действенное средство формирования сложных систем отношений на разных уровнях и в разных сферах общественной жизни» [2, с. 38].

Празднику принадлежит особая роль в выстраивании и укреплении межкультурных коммуникаций. Уникальность участия праздника в данном коммуникативном процессе определяется тем, что в праздничной атмосфере задаются и транслируются разнообразные диалоговые отношения. Полагаем, что специфика данных отношений обусловлена игровой природой праздника, его связью с ценностными основаниями празднующей группы, с символическим языком повествования. Остановимся на специфике подробнее. Во-первых, у нас не вызывает сомнения факт игровой природы праздника, поскольку праздничная игра отвечает всем общим критериям игровой деятельности. Особенность праздничной игры мы усматриваем в том, что она связана с почитанием наиболее значимых событий природного, общественного и индивидуального бытия. В праздничной игре происходит актуализация духовных ценностей, эта игра небуднична, исполнена особой торжественности, привязана к определенному времени и обладает собственной структурой и ритмикой [6, с. 46]. Во-вторых, праздник — это акт почитания того, что люди считают ценным и значимым, любое праздничное событие имеет исключительно аксиологическую нагруженность, это событие происходит всегда по поводу ценностей. В-третьих, важная роль в праздничном бытии отводится символике — языковому коду, помогающему проникнуть в смысл происходящего и в «другом» узнать «своего»; не случайно каждый праздник непременно имеет свои символические атрибуты. В контексте заявленной темы можно сказать, что в празднике возникают диалоговые отношения, актуализирующие общие для празднующей группы ценности, и происходит это в игровой (свободной) форме посредством символического языка.

Тезис о разнообразии диалоговых отношений в празднике нуждается в уточнении. Во-первых, праздник участвует в осуществлении имманентного закона человеческой жизни — он выстраивает диалог прошлого с настоящим и будущим. Специфика праздника периодически повторяться и транслировать прошлое работает на сохранение исторической памяти, укрепляет духовные узы между поколениями. В акте празднования человек включает события прошлого в свой собственный опыт, переживает прошлое как собственную духовную биографию, обретая тем самым историческое бессмертие. В сохранении исторической памяти и выстраивании диалога с предками особая роль принадлежит историческим памятным датам, общенародным праздникам. Феномен Бессмертного полка, ставшего в последние годы непременным атрибутом празднования

Дня Победы в Великой Отечественной войне, — убедительное свидетельство того, насколько важно человеку переживать свою связь с историей страны, с людьми, благодаря которым эта история состоялась.

Во-вторых, праздник обеспечивает диалог человека с нацией, этносом. Среди праздников, формирующих национальное самосознание, особая роль принадлежит традиционному народному празднику, потенциал которого в условиях культурной глобализации и «размывания» национальной идентичности еще не оценен по достоинству. В-третьих, особой формой праздничного диалога является тот, в который вступают сами празднующие в качестве полноправных собеседников. Такой диалог начинается еще до праздника (с момента подготовки к нему). Праздничный диалог, как указывалось выше, всегда возникает по поводу высших ценностей человеческого бытия и потому способствует наиболее интенсивному переживанию празднующей группой своего духовного единства. Пережитое чувство общности выходит за пределы продолжительности отдельного конкретного праздника, оно становится духовной цементирующей силой в повседневной жизни людей. Говоря о разнообразии диалоговых отношений, формируемых праздником, нельзя забывать о диалоге с природой и со сверхъестественным, сакральным (например, Богом). Первый диалог отчетливо звучит в праздниках природного цикла, а религиозные празднества конечной целью имеют установление духовной связи человека с Богом.

Закономерен вопрос о праздниках, устанавливающих в диалоге общечеловеческое единство. Такие праздники отсутствуют, поскольку человечество многолико. Можно назвать праздники, диалогический потенциал которых выходит за рамки объединения нации, страны или конфессии. В перечне светских к числу таковых относятся Новый год и праздники, имеющие статус международных. Среди религиозных праздников можно, например, назвать Рождество и Пасху (у христиан), Навруз (у мусульман). Любопытный пример демонстрирует сегодня спорт: торжественное открытие (закрытие) олимпиад и чемпионатов мира становится настоящим общечеловеческим праздником, объединяя людей разных национальностей, культур, вероисповеданий и политических убеждений.

В качестве общего итога можно заключить, что диалогический потенциал праздника работает на воссоздание, укрепление и трансляцию духовного единства общества, обеспечивает устойчивость социокультурного пространства. Празднуя, человек пребывает в диалоге с предками и современниками, природой, Богом, миром в целом. Осуществление такого диалога помогает человеку в конечном итоге понять себя, постичь смысл существования.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва, 1972.
2. Берестовская, Д. С. Диалогичность праздника : на примере культуры народов Крыма / Д. С. Берестовская, О. В. Брыжак. — Симферополь, 2015.
3. Библер, В. С. Мышление как творчество : внедрение в логику мысленного диалога / В. С. Библер. — Москва, 1975.
4. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. — Москва, 1999.
5. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. — Санкт-Петербург, 1996.
6. Рыбникова, И. Ю. Бытийный статус праздника : дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / И. Ю. Рыбникова. — Омск, 2001.

УДК 008 : 316 3 38

*Ф.Д. Фахрутдинова, Л.Н. Захарова**F.D. Fakhrutdinova, L.N. Zakharova*

ОСОБЕННОСТИ «ЗОЛОТНОЙ» ВЫШИВКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

COMPOSITIONAL FEATURES OF CONTEMPORARY GOLD EMBROIDERY

Аннотация. Рассматривается история развития золотного шитья. Композиционные особенности построения его орнаментов, цветовое решение, традиционные материалы золотного шитья. Основные техники золотной вышивки: литой шов, шов «в раскол», шов «в прикреп», «рядки», «городок», «денежка», «ягодка», «разводная клетка», «рогожка», «перышко», «бабий». Современные проблемы золотного шитья.

Ключевые слова: «золотное шитье», канитель, орнаментальность, композиция, колористика, традиции.

Annotation. The article regards the history of gold embroidery in Russia, compositional features of construction of ornaments, color scheme, traditional gold embroidery materials. The main techniques of gold embroidery are cast seam, «split» seam, «in the attachment», «rows», «town», «money», «berry», «adjustable chequers», «matting», «feather», «Babiy». Modern problems are discussed.

Key words: «gold embroidery», ditch, ornamentation, composition, color, traditions.

*Как в тереме девица
Дорогой ковер вышивала,
Она золотом ковер вышивала,
Она жемчугом ковер унизала...*
(Из народной хоровой песни)

Вышивка — древнейший вид русского декоративного искусства. Многостороннюю и глубокую характеристику орнамента русской вышивки дал в своих работах Б.А. Рыбаков [5]. Русской вышивке посвящены работы Г.С. Масловой, М.Н. Мерцаловой, И.Я. Богуславской. Авторы отмечают, что в течение нескольких столетий выработались определенные приемы исполнения этой вышивки, характер орнамента и его колорит. Особенности вышивки своей местности крестьянки бережно хранили и передавали из поколения в поколение, постоянно обогащая и развивая мастерство исполнения. Различают народную вышивку Русского Севера, народную вышивку юга России, вышивку центральных районов России. Известна уникальнейшая техника народной вышивки — шитье золотными и серебряными нитями и низание жемчугом, зародившаяся на Руси в глубокой древности. Золотными и серебряными узорами укра-

шали одежду, предметы убранства интерьера, конскую упряжь для праздничных выездов [3, с. 25].

В начале XIX века создатели вышивок еще помнили смысловое значение *украш* (украшений). Жив был и обряд чтения узоров. Но во второй половине XIX века вышивальщицы уже не всегда могли расшифровать бережно сохраняемые ими орнаментальные композиции, сознавая лишь их благотворную силу.

В современную эпоху намечается тенденция использования «золотой» вышивки не только при реконструкции исторического, национального костюма, но и при изготовлении современной одежды. В своей книге «Народный костюм» Н.М. Калашникова пишет, что в конце XX века преобладающее значение приобрел подход к моде как социокультурному явлению, как механизму социальной, культурной и психологической регуляции, тесно связанному с основными ценностями и тенденциями развития современного общества [1, с. 17]. В учебном пособии «Народная культура в современных условиях» авторы отмечают, что «промежуточная культура» — это культурный пласт, располагающийся «в промежутке» между профессиональным «ученым» искусством и аутентичным фольклором. Сами эти «полюсные» явления достаточно сложны и неоднозначны, меняются и обладают свойствами взаимопроникновения и взаимовлияния. Тем не менее фольклор и «высокое искусство» давно признаны основными составляющими национальной культуры. Однако к рубежу XIX–XX веков стало очевидно, что два эти безусловных компонента, не исчерпывают собой все многообразие проявлений национальной культуры. «Альбомная культура», «посадское искусство» ... и многое другое — все эти разноплановые явления объединяло поначалу одно: они со своей очевидностью не относились ни к профессиональному искусству, ни к аутентичному фольклору, соединяя в себе, черты обоих этих культурных пластов [2, с. 86]. К таким культурным явлениям можно отнести и золотное шитье, которое в середине двадцатого века использовалось не часто. Но в культуре не бывает полностью забытого. Все созданное как благо для человека становится снова востребованным и актуальным. Так работают традиции в культуре.

В современном золотном шитье в основном используются искусственные нити. Золотошвейные работы выполняются ручным способом с подкладной тканью, чтобы металлическая нить не порвала вышиваемую ткань. При золотном шитье работают обе руки, мастерицы вышивают обеими руками — левой под пальцами, правой — наверху. Традиционное золотное шитье предполагает использование натуральных материалов и, конечно, ручное шитье. Орнамент вышивки должен отражать определенный художественный образ будущего изделия. Исследователи отмечают, что разнообразен композиционный строй этих вышивок. В золотных вышивках с черным шелком узор всегда имел центрическое построение композиции с густо зашитым фоном. По концам полотнячатого головного убора (платок полотенце образной формы) или на очельях сорок (русский женский головной убор) узор строился на сочетании квадратов и прямоугольников или имел диагональное построение узора [4]. Существует разнообразие техник шитья: литой шов, шов «в раскол», шов «в прикреп»,

«рядки», «городок», «денежка», «ягодка», «разводная клетка», «рогожка», «перышко», «бабий» и др. Традиционно золотым шитьем принято называть вышивку металлической нитью — золотой, серебряной. Вплоть до XI века в этом виде шитья использовали волооченое золото и серебро — нити в виде вытянутых проволочек. Позднее начинают использовать металлическую нить, скрученную на льняную или шелковую основу. В XVI веке золотая нить практически исчезает, ее заменяет золоченое серебро — более доступный материал. Кроме пряденых нитей в золотном шитье применяли плоские полосы, канитель — тонкую проволочку, скрученную спиралью, а также металлические блески в виде плоских колец. Вышивки металлической нитью выполнялись швом «в прикреп», металлическая нить накладывалась на ткань, в то время как другая, льняная или шелковая, пришивала металлическую к ткани. Шитье и «низание» жемчугом были широко распространены на Руси. В «жемчужных» реках (северные реки) добывали мелкий жемчуг.

Памятников русского шитья XII–XIV веков известно мало. Незначителен вещевой материал XIV века. Уцелевшие памятники представляют собой облачения первых московских митрополитов Петра и Алексея — саккосы, епитрахили, поручи. Атталинская, или «царская», вышивка получила большое развитие благодаря возвышению христианской церкви.

В XVI–XVII веках для золотной вышивки характерна зеркальная композиция с симметричным построением узора относительно вертикальной оси. Вышивали на бархате, камке, атласе. Цветовое решение строилось на контрастном сочетании золота и серебра на темных тканях (красный, малиновый). С конца XVII века в золотном шитье используются барочные элементы, высокорельефное шитье «по карте». Мотивы и принципы построения узора русского орнаментального шитья XVI–XVII веков получили свое дальнейшее развитие в народной крестьянской вышивке XVIII–XIX веков. Особенно пышно расшивались золотыми нитями головные уборы, платки и душегреи. Золотошвейки пользовались прядеными или волоочеными нитями, битью — тонкой узкой полосой металла, канителью. Растительные, зооморфные и другие узоры воплощались с помощью большого количества разнообразных швов-прикрепов: «копытчко», «городок», «клопчик», «денежка» и др.

В современном мире растет интерес ко всему традиционному. На фоне глобализационных процессов большую ценность приобретает оригинальность, самобытность культурных традиционных явлений. Художники обращаются к золотной вышивке для декора особо торжественных и праздничных нарядов, изделий культового значения — саккосы, епитрахили, поручи украшаются атталинской (царской) или золотной вышивкой.

Золотная вышивка широко применяется в моделировании современной одежды, орнаментальность в большей степени выступает как основной носитель красоты, соединенный с совершенством форм. В изделиях культового значения, реконструкции национального костюма орнаментальность «поднимает» предмет над ограниченностью его бытового назначения, выступает как особый знак, модель гармонического мирового порядка. Проблемы в искусстве шитья сегодня существуют. К сожалению,

нию, памятников русского «золотого» шитья сохранилось мало, лишь в фрагментах женской одежды, головных уборов, облачений митрополитов. Традиционные материалы для выполнения швов заменяются современными, часто ручные швы также заменяются машинными. Золотная вышивка — старинный способ вышивки, известный еще с древности, — в настоящее время приобретает большую ценность, поэтому необходимо восстановить и сохранить его для передачи следующим поколением, где этот вид народного искусства снова будет актуален.

В рамках выпускных квалификационных работ студентов Тюменского государственного института культуры под руководством одного из авторов статьи создана коллекция народных костюмов, где использовалась золотная вышивка.

Библиографический список

1. Калашникова, Н. М. Народный костюм [Текст] : семиот. функции / Н. М. Калашникова. — Москва, 2002. — 374 с.
2. Народная культура в современных условиях [Текст] : учеб. пособие / М-во культуры РФ ; Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. Н. М. Михайлова. — Москва, 2000. — 219 с.
3. Орнамент народов Сибири как исторический источник [Текст] : по материалам XIX — начала XX в. — Москва ; Ленинград, 1963. — 500 с.
4. Основы художественного ремесла. Вышивка. Кружево. Художественное ткачество. Ручное ковроделие. Художественная роспись тканей [Текст] : практ. пособие / под ред. В. А. Бардулина, О. В. Танкус. — Москва : Просвещение, 1978. — 225 с. : ил.
5. Рыбаков, Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства [Текст] / Б. А. Рыбаков // ДИ СССР. — 1975. — № 1. — С. 31–33 ; № 3. — С. 38–44.

Праздничный женский татарский костюм, выполненный с помощью золотного шитья Альбиной Киселевой, выпускницей института 2008 года

УДК 745

*Е.Г. Сулейманова**E.G. Suleymanova*

**КОЛЛЕКЦИИ ЗОЛОТНОГО ШИТЬЯ
В МУЗЕЙНЫХ ФОНДАХ И МАСТЕРСКОЙ
ИОАННО-ВВЕДЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ**

**GOLD EMBROIDERY COLLECTIONS
IN MUSEUM COLLECTIONS AND THE WORKSHOP
OF THE JOHN THE VVEDENSKY CONVENT**

Аннотация. В целях возрождения золотного шитья в Западной Сибири автором изучены и описаны коллекции золотного шитья, имеющиеся в фондах Музейного комплекса им. И.Я. Словцова и Иоанно-Введенского женского монастыря. Итогом научно-исследовательской работы станет разработка регионального фотокаталога произведений золотного шитья для введения в научный и культурный оборот.

Ключевые слова: золотное шитье, вышитые иконы, древнерусское лицевое шитье, Иоанно-Введенский женский монастырь.

Annotation. In order to revive the gold embroidery in Western Siberia, the author studied and described the gold embroidery collections available in the reserves of the Museum complex named after I. Slovtsov and of Ivano-Vvedensky convent. The research work will result in the development of a regional photo catalog of gold embroidery works for introduction into scientific and cultural circulation.

Key words: gold embroidery, embroidered icons, Old Russian front sewing, John the Vvedensky convent.

*Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел —
Все равно, что себя хоронить...*

Общеизвестно, что монастырям принадлежит значительная роль в сохранении русской культуры. В стенах обителей создавались поистине художественные шедевры. Если в первые века своего существования в российских монастырях преобладало «домашнее ремесло», то в конце XVIII века широкое распространение получило «ремесло на заказ», дававшее значительный доход и гарантию сбыта [3].

Как правило, высокохудожественные ремесла получили наибольшее развитие именно в женских монастырях. Своим искусным мастерством золотного шитья славились монахини Иоанно-Введенского женского монастыря под Тобольском. Они изготавливали облачения архиереев, священников и диаконов, расшивали церковное убранство, военные мун-

диры и знамена. Вышивали иконы и украшали их золотом, серебром, бисером, жемчугом и драгоценными камнями [2]. В собраниях музейного комплекса им. И. Я. Словцова хранится выдающееся произведение этих мастериц — вышитая икона «Голова Иоанна Крестителя на блюде» (рис. 1).

Рис. 1. Фотография иконы «Голова Иоанна Крестителя на блюде» в экспозиции музейного комплекса им. И.Я. Словцова

Документы музейного комплекса свидетельствуют, что в 1932 году антирелигиозный музей города Тюмени передал безвозмездно предметы культа — это облачения священников и церковное убранство середины XIX века.

Из документов Тобольского государственного архива мы узнали, что 1903 год для Иоанно-Введенского монастыря был знаменателен. Лучшие произведения мастериц были отобраны для участия в Первой Всероссийской выставке монастырских работ, которая состоялась в Санкт-Петербурге под покровительством Императорского дома с благословения Святейшего Синода [1].

Изучив архивные источники, музейные фонды и характер многолетней переписки между настоятельницами монастыря, поставщиками и заказчиками о правилах участия во Всероссийской выставке, о количестве и качестве представленных работ, можно сделать вывод о том, что рукотворный авторитет этой обители был очень высок не только в Тобольской губернии, но и во всей России (рис. 2).

Посетив по благословению митрополита Тобольского и Тюменского Димитрия Иоанно-Введенский женский монастырь, мы узнаем от настоятельницы обители игуменьи Анны, что она обучалась и владе-

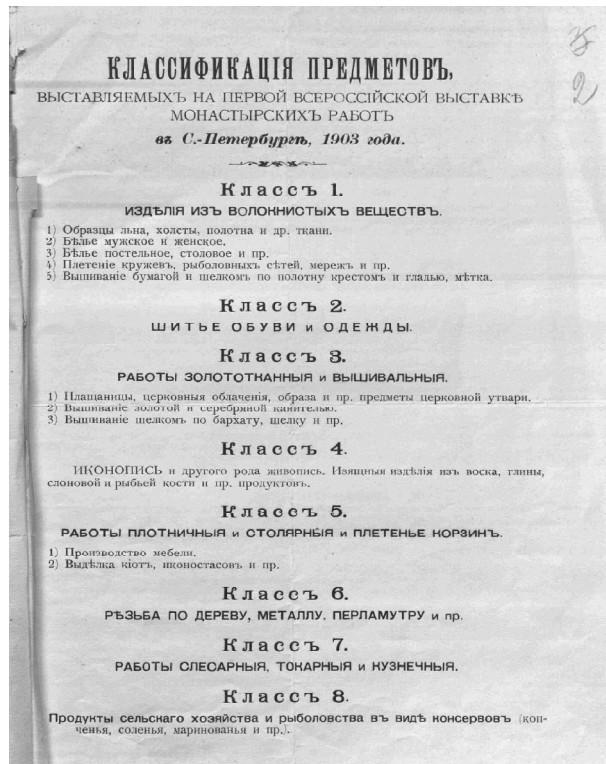

Рис. 2. Классификация предметов

ет древнерусской техникой лицевой и золотной вышивки. При монастыре оборудована золотошвейная мастерская, в которой трудятся сестры. Для мощей Иоанна Тобольского ими было изготовлено покрывало в технике шитье по карте, которое хранится в Софийско-Успенском кафедральном соборе города Тобольска. В настоящее время мастерицы трудятся над созданием плащаницы — покрывало с вышитым изображением Иисуса Христа во гробе.

Как рассказала настоятельница Анна, чтобы вышитые иконы служили очень долго, их выполняли из парчи, бархата и шелка. Нити использовали только натуральные, красители растительные, что позволило сохранить краски на долгие годы естественным способом. Историческая ткань для создания церковного убранства — это только натуральный шелк: алтасар, камка, баска, которые изготавливали в Сирии. Это были очень плотные ткани, которые ввозили в Россию еще в домонгольский период. Для золотной вышивки использовали хлопчатобумажный низковорсовый бархат, египетский лен или греческий атлас — он более плотный и матовый. Хотелось бы отметить, что в Иоанно-Введенском монастыре бережно хранят народные традиции и золотошвейные произведения, которые являются памятниками русской православной культуры. Но самое важное, что и в настоящее время в женском монастыре существует золотошвейная мастерская и возрожден практически утраченный после 1917 года чудотворный промысел.

Из фондовых документов структурного подразделения «Музейный комплекс им. И. Я. Словцова» мы узнаем, как была сформирована коллекция «Ткани», в которой представлены изделия с элементами золотного шитья. Часть музейных предметов была привезена сотрудниками из научных экспедиций, часть подарена частными лицами или передана из Музея археологии и этнографии Омского государственного университета.

В основном это головные уборы женского населения середины XIX — начала XX века. Татарских «калфаков» ручной работы хранится 7 изделий, русских головных уборов — 11. Орнамент золотного шитья собранной коллекции — в основном цветочно-растительный. При изучении музейной коллекции было установлено, что для изготовления женских головных уборов использовали самые различные материалы: бархат, плотную шелковую или хлопчатобумажную ткань, вату и картон — для придания формы, украшали ручной вышивкой металлическими, золотными, серебряными или шелковыми нитями, канителью, блестками, бляшками и тесьмой. Ведь в старину головной убор был самым значимым и нарядным предметом женского костюма. По его деталям часто можно было узнать, откуда владелица, ее возраст, семейное и социальное положение. В первую очередь, четко различался девичий и женский («бабий») головной убор. Незамужние носили более скромные уборы, для них была характерна открытая макушка и волосы на виду (например — обруч или повязка), в то время как замужние прятали волосы целиком.

В заключение хотелось бы отметить важную особенность церковного лицевого и золотного шитья — его сакральную богословскую символику. Древнерусское шитье — это сложное, многообразное и многогранное

культурное явление. В нем заложено искусство мастериц, особый смысл узоров и художественный опыт многих поколений. Каждое произведение неповторимо и оригинально, где подлинное и сказочное переплетается в калейдоскопе образов и символов. Изучение золотошвейных произведений продолжается уже второе столетие, но следует признать, что это наименее изученная область древнерусского искусства.

Библиографический список

1. Положение о Первой Всероссийской выставке монастырских работ // Государственный архив г. Тобольска. — Фонд И197-1-103, Фонд И197-1-110.
2. Тобольская митрополия [Электронный ресурс]. — [Тобольск] : Иоанно-Введенский женский монастырь. — Режим доступа : http://tobolsk-eparhia.ru/p/pages.php?id=t05_3 — (дата обращения: 23.04.2019).
3. Щербич, С. Н. Развитие художественных ремесел в Иоанно-Введенском женском монастыре Тобольской епархии в конце XIX — начале XX века / С. Н. Щербич // Словцовские чтения — 2003 : материалы докладов и сообщений XV Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень, 2003. — С. 159–160.

УДК 7; 7.03

*З.Л. Черниева**Z.L. Chernieva*

**К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ
ЖАНРА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА
(НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)**

**ON THE ISSUE OF RELEVANCE IN THE MODERN ART
OF THE REALISTIC LANDSCAPE GENRE
(ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN ART)**

Аннотация. В статье анализируется жанр реалистического пейзажа в современном искусстве Тюменского региона, рассматривается его эволюция, выявляются образные и стилистические особенности в творчестве наиболее значительных тюменских пейзажистов, констатируется актуальность этого жанра.

Ключевые слова: тюменское изобразительное искусство, эпический пейзаж, лирический пейзаж, образ природы, синтез жанров.

Annotation. The article analyzes the genre of realistic landscape in the contemporary art of the Tyumen region, examines its evolution, reveals figurative and stylistic features in the works of the most significant Tyumen landscape painters, ascertains the relevance of this genre.

Key words: Tyumen fine arts, epic landscape, lyrical landscape, image of nature, synthesis of genres.

В эпоху постмодернистской полистилистики, интенсивных поисков нового изобразительного языка, эпатажных тенденций и деклараций о «смерти» классического искусства реалистический пейзаж продолжает существовать. Можно сказать, что он относится к числу «вечных» жанров живописи и графики. Неизбывна любовь художников к образному воплощению чудесного многообразия природных форм и состояний. Жанр пейзажа — один из самых «демократичных» и общеплюбимых. Он находит отклик и у знатоков искусства, и у зрителей, не искушенных в тонкостях живописного языка. В искусстве Тюмени пейзаж явно преобладает среди других жанров.

Изобразительное искусство Тюмени, долгое время оставаясь на периферии художественной жизни страны, в последние десятилетия интенсивно развивается, что актуализирует его теоретическое осмысление.

У истоков формирования местной живописной школы стояли именно художники-пейзажисты первой половины и середины XX века, такие как М. Авилов, В. Барашев, И. Котовщиков, И. Кротов, А. Митинский, П. Россомахин и др. В их реалистических образах природы преобладало камерное, лирическое начало.

В 60–70-е годы прошлого столетия в тюменском пейзаже весьма отчетливо проявляется «суровая» стилистика.

Тюменское искусство с некоторым запозданием ассимилирует художественные идеи ведущих (прежде всего столичных) художественных школ, и поэтому «суровая» стилистика продолжает здесь быть актуальной вплоть до конца 70-х годов. В манере «сурового стиля» наиболее часто воплощается индустриальный пейзаж, северные мотивы. Виды месторождений нефти и газа, героический труд людей разных профессий в условиях сибирской природы воспроизводили в своих произведениях такие художники, как Г. Барилкис, О. Шруб, В. Янке, М. Гардубей, Ю. Юдин и др.

Один из самых значительных представителей «суровой» стилистики — О. Шруб, обогативший лаконизм ее выразительных средств экспрессией мощных колористических аккордов, энергичной пластикой «рубленых» форм. В его пейзажах чувствуется мощное эпическое начало, часто сочетающееся с философско-символической окраской.

В графике в «суровой» стилистике работают такие художники, как Е. Кобелев, М. Рогожнев и др., часто отдавая предпочтение технике линогравюры.

Наряду с «суровым» пейзажем продолжает развиваться и линия реалистического пейзажа, представленная образами как эпически-повествовательными, так и камерными, лирическими.

В 80–90-е годы прошлого века пейзаж остается одним из самых распространенных в тюменском изобразительном искусстве, но круг его направлений и разновидностей еще более расширяется.

А. Мурычев — «видописец Тюмени». В городском пейзаже («Дворик в Тюмени», «Заречье», «Тюменская улица») он умеет передать состояние особой тишины и просветленности. Изображенные уголки города вполне узнаваемы, но в них присутствует и элемент «общегородского», то есть художник сумел почувствовать меру допустимой конкретности, избегая опасности превратить городской пейзаж в ведуту. В сложном взаимодействии неповторимого и универсального завязывается сюжетно-образное решение его тюменских пейзажей. «Композиции его пейзажей построены так просто, естественно, что кажутся как бы целиком списанными с натуры» [1].

Говоря о пейзаже в тюменской живописи, невозможно не остановить особое внимание на творчестве М. Захарова. Вечное и преходящее в природе — вот основной лейтмотив творчества Захарова. Его пейзажи немногословны, сдержанны, пронизаны тишиной.

Захаров способен вывести самый прозаический мотив за пределы обыденности, наделить его внутренней значительностью. «В работе “Ветровал” перед нами не просто взятый кусок земли с поваленными деревьями, а художественно интерпретированная реальность, где крупным планом, почти “вплотную” к зрителю, представлена “одушевленная частица природного мира”» [2].

В пейзажном жанре ярко проявляет себя Г. Токарев, который пишет деревню, природу, полевые цветы. Кроме уже названных пейзажистов

можно отметить и П. Токарева, В. Паромова, И. Пуртова, А. Седова и др., которые также оставили заметный след в истории тюменского пейзажа.

А. Седов в шестидесятые годы отдал дань «нефтяной» тематике («Нефтяная Тюмень» и др.), в семидесятые все чаще пишет «лирический» пейзаж. В восьмидесятые годы он обращается к стилистике импрессионистической живописи с ее техникой раздельного мазка, ярким чистым цветом, активностью световоздушной среды, размытостью очертаний предметов, кадровостью композиции («Зеленый май», «Осень»).

В постперестроечное время художники активно осваивают художественное наследие и темы, ранее бывшее под идеологическим запретом, обогащают арсенал своих выразительных средств. Одной из значительных тем в творчестве художников стала тема веры, религиозные мотивы. В жанре пейзажа это проявилось повышенным интересом к изображению «духовных» уголков городов и сел — видов с элементами храмовой архитектуры.

Храмы Тюмени и Тобольска изображались и ранее, но в картинах с ними акцентировался, в первую очередь, историко-культурный аспект, тогда как в 90-х годах прошлого — начале XXI века такие пейзажи часто становились интимно-исповедальными, содержали в себе мировоззренческую окраску. Художники словно приоткрывали сокровенные уголки своей души и посредством пейзажа говорили со зрителем о мире земном и небесном, о зримом и духовном, о вечном и тленном.

На протяжении ряда лет пишет художественную летопись Тюмени Б. Паромов. Старые тюменские особняки, утопающие в зелени дома с окнами, обрамленными резными наличниками, в которые так хочется заглянуть, дымящиеся трубы с великолепными наличниками, купола храмов.

Совсем в ином, далеком от грустно-ностальгических интонаций, эмоциональном ключе интерпретирует эту тему М. Гардубей. В беспокойных ритмах его покосившихся домишек, ворот, заборов выражена некая разрушающая стихия, в мощи которой чувствуется также и потенциал обновляющей и созидательной силы. Экспрессия «вздыбленных», динамичных форм, энергия цвета создают пространственную среду, в которой чувствуется проявление некоей целесообразности высшего порядка, через хаотичность разрушения которой зарождается новое. «Всего Михаил Михайлович написал около сотни “старых тюменей”, все более энергичных и разных. Город, который уходит безвозвратно, предстает в них живым, красочным, драматичным, полным поэзии» [3].

Пейзажи Ю. Юдина утонченно-изысканны, иногда с некоей мистической окраской («Апрельский вечер»). Чаще же его произведения жанрово-неопределенны, сочетая в себе элементы пейзажа, интерьера, жанра «ню» («Обнаженная на фоне вечернего окна»).

Многие пейзажи И. Щетинина и Г. Демина приближаются к абстрактным композициям и являют собой художественные «эксперименты» с пространством, которое наделяется особым энергетическим потенциалом и то буквально «взрывается» каскадами цветовых субстанций, то «затихает» и успокаивается, воплощаясь то в очертания куста, то облака, то краешка улицы. Характер мазка, смелые контрасты света и тени,

линии и цветового пятна — все говорит о мощном темпераменте их различного языка.

Подводя итог обзору пейзажа в тюменском искусстве, следует констатировать наличие неслабеющего интереса художников к этому жанру, который представлен всеми его разновидностями: лирический, эпический, пейзаж-настроение, импрессионистически-этюдный, декоративный.

Библиографический список

1. Выставка : 70-летию Союза художников посвящается : каталог / текст, сост. : А. С. Новик, Т. А. Сергейчук, Н. И. Сезева. — Тюмень : ТОО ВТО «Союз художников России», 2014. — 176 с.
2. Козлова, Е. М. Михаил Захаров / Е. М. Козлова. — Тюмень : Вектор Бук, 1997 — 67 с.
3. Новый_Новый Гардубей : ищите женщину : альбом / сост. Г. В. Вершинин. — Тюмень : ТФ УралГАХА «Институт дизайна», 2008. — 48 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдуллина Я.Б.**, ГАУК ТО ТМПО, структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник», г. Тобольск, Россия
- Адамова Т.А.**, старший преподаватель кафедры искусствоведения и изобразительных искусств, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия
- Апухтина Н.Г.**, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философских наук, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия, kaf_fil@chgaki.ru
- Бирюков М.Ю.**, доцент кафедры дизайна и проектных технологий, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, ЛНР, birukovmu@rambler.ru
- Бундин Ю.И.**, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица, доцент Центра инновационных образовательных проектов, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург, Россия, yibundin@yandex.ru
- Васильева И.В.**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия; профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, Россия; доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия, i.v.vasileva@utmn.ru
- Вегера А.И.**, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, г. Луганск, ЛНР
- Вяткина Е.Ю.**, Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, г. Луганск, ЛНР
- Гашина В.И.**, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, г. Луганск, ЛНР
- Герасимов А.В.**, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск, ЛНР, troica1911@gmail.com
- Горина Н.В.**, старший преподаватель, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, институт государства и права, кафедра гражданского права и процесса, г. Тюмень, Россия, n.v.gorina@utmn.ru
- Гудова Ю.В.**, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия
- Добренко А.А.**, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, Queen1777@mail.ru
- Евсеева О.Ю.**, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия, olscha@mail.ru

- Жербер Жюли**, ассистент кафедры французского языка, аспирант, университет Страсбурга, г. Страсбург (Франция), Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, z.zherber@utmn.ru
- Зайцев П.Л.**, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
- Захарова Л.Н.**, профессор кафедры культурологии и социально-культурных технологий, доктор философских наук, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия
- Зимнева С.В.**, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
- Ищенко Н.С.**, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Луганск, ЛНР
- Кириллов Д.А.**, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
- Кообар Г.А.**, доцент кафедры истории, философии и культурологии, Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия, Kerpal80@mail.ru
- Лиц М.О.**, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
- Мандрыгина Н.С.**, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
- Мухаметчина Г.З.**, доцент кафедры искусствоведения и изобразительных искусств, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия, m9199539094@yandex.ru
- Невелева В.С.**, зав. кафедрой философских наук, доктор философских наук, профессор Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия, vsneveleva@mail.ru
- Оводова С.Н.**, доцент кафедры теологии и мировых культур, доцент, кандидат философских наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, sn_ovodova@rambler.ru
- Петелина А.Р.**, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия
- Почежерцев А.А.**, заведующий кафедрой искусствоведения и изобразительных искусств, доцент, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия
- Рыбникова И.Ю.**, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), г. Омск, Россия
- Сеченова Е.Г.**, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
- Сулейманова Е.Г.**, Представительство кафедры ЮНЕСКО Тюменского государственного института культуры, соруководитель, г. Тюмень, Россия, grad72@list.ru
- Фахрутдинова Ф.Д.**, доцент, кандидат культурологии, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия, fleraf@mail.ru
- Черниева З.Л.**, доцент, кандидат культурологии, Тюменский государственный институт культуры, г. Тюмень, Россия
- Шардина В.О.**, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdullina Y.B.**, "SAIC of TR TMEU, structural sub-unit "Tobolsk Historic-Architectural Museum Reserve", Tobolsk, Russia
- Adamova T.A.**, Senior Teacher, the Department of Art History and Visual Arts, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Apukhtina N.G.**, Professor, Dr. of Philosophy, Philosophy Department, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, kaf_fil@chgaki.ru
- Biryukov M.Y.**, Associate Professor, Design and Project Technologies Department, Lugansk National University named after Taras Shevchenko, Lugansk, LPR, birukovmu@rambler.ru
- Bundin Y.I.**, Candidate of Law, Associate Professor, Center of innovative educational projects, St.Petersburg Stieglitz State Academy of Arts and Design, St.Petersburg, Russia, yibundin@yandex.ru
- Chernieva Z.L.**, Associate Professor, Candidate of Cultural Sciences, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Dobrenko A.A.**, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia, Queen17777@mail.ru
- Evseeva O.U.**, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia, olscha@mail.ru
- Fakhrutdinova F.D.**, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia, fleraf@mail.ru
- Gashina V.I.**, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Lugansk, LPR
- Gerasimov A.V.**, Senior teacher, Philosophy and Sociology Department, Taras Shevchenko Lugansk National University, Lugansk, LPR, troica1911@gmail.com
- Gerber Julie**, assistant lecturer, post-graduate, the French language Department, the University of Strasbourg, Strasbourg (France), Tyumen State University, Tyumen, Russia, z.zherber@utmn.ru
- Gorina N.V.**, Senior Teacher, Candidate of Law, Tyumen State University, Institute of State and Law, Civil Law and Process Department, Tyumen, Russia, n.v.gorina@utmn.ru
- Gudova Y.V.**, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
- Ishchenko N.S.**, Lugansk State Academy of Culture and Art named after M. Matusovsky, Lugansk, LPR
- Kirillov D.A.**, Tyumen State University, Tyumen, Russia
- Koobar G.A.**, Assistant Professor, Department of History, Philosophy, and Cultural Sciences, Omsk State Transport University, Omsk, Russia, Kerp80@mail.ru
- Lits M.O.**, Tyumen State University, Tyumen, Russia
- Mandrygina N.S.**, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

- Mukhametchina G.Z.**, Associate Professor, the Department of Art History and Visual Arts, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia, m9199539094@yandex.ru
- Neveleva V.S.**, Dr. of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia, vsneveleva@mail.ru
- Ovodova S.N.**, Assistant Professor, Candidate of Philosophy, Theology and World Cultures Department, FSBEI of HE Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia, sn_ovodova@rambler.ru
- Petelina A.R.**, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Pochezhertsev A.A.**, Associate Professor, Head of the Department of Art History and Visual Arts, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Rybnikova I.Y.**, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «The Siberian State Automobile and Highway University», Omsk, Russia
- Sechenova E.G.**, Tyumen State University, Tyumen, Russia
- Shardina V.O.**, Tyumen State University, Tyumen, Russia
- Suleymanova E.G.**, Co-supervisor, Representation of the UNESCO Chair of the Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Vasileva I.V.**, Candidate of Sciences (Psychology), associate-professor, associate-professor at the department of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russia; Professor at the department of Philosophy, Foreign Languages and Humanity Training of law enforcement officers, Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia; Associate-professor at the department of Psychology of Educational and Scientific Complex of Psychology Service, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, i.v.vasileva@utmn.ru
- Vegera A.I.**, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky, Lugansk, ann.vegera@yandex.ua
- Viatkina E.Y.**, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Lugansk, LPR
- Zakharova L.N.**, Dr. of Philosophy, Professor, Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia
- Zaytsev P.L.**, Omsk State University named after FM Dostoevsky, Omsk, Russia
- Zimneva S.V.**, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Требования к материалам,
представляемым к публикации в научном журнале
«Вестник Тюменского государственного института культуры»

К печати принимаются материалы, содержащие результаты ранее не публиковавшихся самостоятельных научных исследований авторов. Тематика публикаций должна отвечать направлениям «Вестника» (в присланных материалах необходимо указывать название направления журнала).

Магистранты должны предоставить письмо-рецензию, подписанное научным руководителем.

О материале, отклоненном от публикации, редакция сообщает автору.

Рукописи не возвращаются.

Рукопись в электронном виде направляется на электронный адрес nauka_tgaki@mail.ru

Параметры представляемых материалов: объем статьи не должен превышать 15 страниц (40 тыс. знаков, включая пробелы и библиографический список); формат А4, поля с каждой стороны — 2 см, межстрочный интервал — 1,5, кегль — 14, абзацный отступ — 1 см, расширение документа *.doc.

Нумерация страниц не ставится. Табуляция, принудительные переносы, увеличенные интервалы между абзацами не используются, не должны представляться лишние пробелы и пустые абзацы. Между инициалами и фамилией необходимо проставлять пробел, например: И.И. Иванов.

Файл может содержать таблицы. Они набираются 14 кеглем через один интервал без заливки.

Графики, рисунки, иллюстрации, диаграммы и др. прилагаются в электронном виде отдельным файлом; они должны быть качественными, четкими, все надписи должны хорошо просматриваться (шрифт Times New Roman).

Первая страница текста должна содержать следующую информацию:

□ *на русском языке:* УДК (индекс универсальной десятичной классификации); заголовок (название) статьи; фамилия, имя, отчество автора (авторов — в алфавитном порядке); полное название организации — места работы автора (авторов); должность, звание, ученая степень автора (авторов); адрес электронной почты автора (авторов); контактный телефон и почтовый адрес; аннотация (объем не более страницы); ключевые слова или словосочетания (5–7); текст статьи; пристатейный библиографический список.

□ *на английском языке (перевод):* фамилия, имя автора (авторов); полное название организации — места работы автора (авторов); название статьи; аннотация; ключевые слова.

Статья должна быть написана в научном стиле, четко, ясно, без повторов и тщательно выверена.

Сокращения слов (аббревиатуры) допускаются для повторяющихся в тексте ключевых выражений или для часто употребляемых терминов, при этом все сокращения должны быть сначала приведены в статье полностью. Количество сокращений не должно быть более 5–6.

Таблицы и рисунки должны быть построены наглядно и иметь название; их заголовки — соответствовать содержанию граф, все цифры в таблицах — тщательно выверены автором.

Материал научной статьи должен быть выстроен в логической последовательности, которая предполагает:

- постановку проблемы и анализ существующих подходов к ее решению;
- описание методического замысла и процедуры его реализации;
- обоснование основных исследовательских результатов и их научную интерпретацию;
- формулирование основных теоретических выводов и их аргументацию;
- разработку конкретных рекомендаций для работы специалистов в соответствующей сфере.

Список источников и литературы должен содержать не менее 5 позиций.

Ссылки на источники и литературу в тексте должны быть указаны в квадратных скобках [номер источника по библиографическому списку], в случае дословного цитирования источника необходимо указывать номера цитируемых страниц [номер источника по библиографическому списку, номера цитируемых страниц]. Например: [3, с. 15].

Источники в пристатейном библиографическом списке следует составить в алфавитном порядке и пронумеровать; каждый оформляется с новой строки. В списке перечисляются только те источники, ссылки на которые приводятся в тексте.

Библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.12003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления», описание электронных ресурсов — по ГОСТ 7.822001 «Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и составления». Сокращение слов в библиографической записи на русском языке производится строго по ГОСТ 7.122011 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Источники на иностранных языках приводятся после отечественных. Фамилии иностранных авторов даются в оригинальной транскрипции.

За правильность приведенных в библиографическом списке данных ответственность несут авторы.

Все представленные работы редакция журнала направляет на рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Статья, нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента.

Автор должен учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний; в случае несогласия с рецензентом кратко и четко обосновать свою позицию.

Адрес редакции

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19, каб. 301

Тел./факс: (3452) 29-70-64

E-mail отдела по научной работе и аспирантуре:

nauka_tgaki@mail.ru

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ

HERALD
OF TYUMEN
STATE
INSTITUTE
OF CULTURE

02 (12) / 2019

Подписано в печать 12.11.2019 г.
Формат 70x108/16. Гарнитура «SchoolBook»
Печать цифровая. Бумага белая 80 г/м²
Усл.-печ. л. 12,43. Заказ № 89. Тираж 100

Редакционно-издательский центр
Тюменского государственного института культуры
625049, г. Тюмень, Московский тракт, 41
e-mail: kniga102@gmail.com